Новомірський

ИЗЪ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНАГО Анархизма

ИМЭЛС — Библиотека
ЦЕ1
Н 746

НОВОМІРСКІЙ.

ИЗЪ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНАГО АНАРХИЗМА.

Издательство „ГОЛОСЪ ТРУДА“.

1907

НОВОМІРСКІЙ.

УКРАЇНСЬКА СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧНА СПІЛКА
Р.С.-Д.Р.П.
Редакція „ПРАВДИ“

ИЗЪ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНАГО АНАРХИЗМА.

ЖЕНЕВСКАЯ СОЦІАЛ-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА

Издательство „ГОЛОСЪ ТРУДА“.

1907.

Bibliothek der russ. Sowjet-Vertretung Berlin.

2 экз.

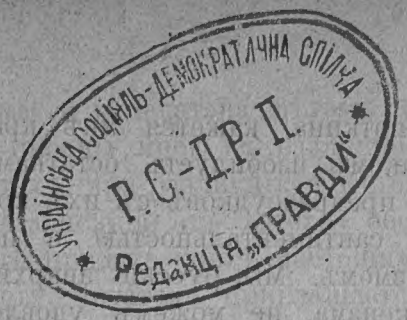
К.

ЕЖ 86
Н 921

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
6 24
27
Ц. 15557 у

Типографія Л. С. Шутака въ Одессѣ,
Троицкая, д. 27.

2011
У 83



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ ставилъ себѣ двойную цѣль: во-первыхъ, дать общую критику основныхъ положеній соціаль-демократіи; во-вторыхъ, намѣтить общія черты того направленія въ анархизмѣ, которое французы называютъ синдикальнымъ, а нѣмцы «Gewerkschaftlicher Anarchismus».

Важность обѣихъ этихъ задачъ—внѣ спора. Невозможно приступить къ изложенію анархизма безъ критики нѣкоторыхъ положеній такъ называемаго „научнаго соціализма“, безъ предварительной расчистки авгіевыхъ конюшенъ соціализма.

Съ другой стороны, я не могъ остаться въ рамкахъ общихъ принциповъ анархизма по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, сочиненія Кропоткина, Жана Грава, Бакунина, Малатеста, Малато и другихъ анархистовъ достаточно выяснили сущность коммунизма и принципъ отрицанія власти. Не имѣя возможности заняться углубленіемъ и систематизированіемъ трудовъ вышеупомянутыхъ писателей, я вынужденъ былъ бы въ сущности дѣлать переложенія старыхъ, всѣмъ извѣстныхъ работъ. Я считалъ это лишнимъ, и потому главы „Коллективизмъ и коммунизмъ“, „Преступленіе и наказаніе“, „Самодержавіе народа“ трактуютъ свои вопросы крайне сжато. Интересующихся я для болѣе подробнаго ознакомленія отсылаю къ упомянутымъ теоретикамъ анархизма, особенно къ классическимъ работамъ Кропоткина: „Завоеваніе хлѣба“, „Система наемнаго труда“ («Le salariat The Wage System») и др. Во-вторыхъ, господствующее въ анархистской литературѣ направленіе,

ученіе Кропоткина, кажется мнѣ крайне расплывчатымъ, слишкомъ изобилуетъ остатками чисто народническихъ предразсудковъ съ ихъ крайнимъ субъективизмомъ, сантиментальностью и интеллигентскимъ гуманитаризмомъ. Мы, русскіе анархисты, прошедшіе школу марксизма, не можемъ удовлетвориться тѣми туманными, чувствительными фразами, которыя у нашего дорогого стараго учителя часто занимаютъ мѣсто аргументовъ. Мы хотимъ основать наше міровоззрѣніе на твердомъ реалистическомъ базисѣ борьбы классовъ, а не на туманной „взаимопомощи“. Мы хотимъ свою тактику строго, послѣдовательно выводить изъ общихъ принциповъ нашего ученія, а не механически прицѣплять ее къ нимъ. Мы расходимся особенно рѣзко съ товарищемъ Кропоткинымъ и его сторонниками въ Россіи, такъ называемыми «хлѣбовольцами» *) въ цѣломъ рядѣ тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ я счелъ необходимымъ говорить не отъ имени анархизма вообще (съ которымъ почему-то отождествляютъ ученіе Кропоткина), а отъ имени того новаго направленія въ русскомъ анархизмѣ, которое съ самаго начала называло себя синдикальнымъ. Этому направленію была посвящена заграничная газета «Новый Міръ», которая,—увы!—имѣла такое же эфемерное существованіе, какъ и большинство русскихъ анархистскихъ газетъ. Изъ перваго номера этой газеты въ настоящей работѣ перепечатаны двѣ статьи автора: «Либерализмъ, соціализмъ и анархизмъ» и «Бунтовской духъ и сознаніе». Здѣсь же напечатана моя статья, написанная для второго номера той же газеты: «Классовый характеръ соціаль-демократіи». Статья «Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма» была напечатана мною по просьбѣ редактора нью-іорской газеты

*) По имени ихъ газеты, издававшейся за границей подъ названіемъ «Хлѣбъ и Воля».

«Freie Arbeiter Stimme» и напечатана лѣтомъ 1906 г. Остальныя статьи писаны мною въ различное время, въ различныхъ мѣстахъ, при различныхъ обстоятельствахъ Эти и другія «независящія отъ автора» обстоятельства не позволили мнѣ придать книгѣ настоящую систематичность и полноту. Читатель приглашается смотрѣть на эту работу не какъ на систематическое изложеніе синдикальнаго анархизма, а какъ на общій очеркъ его. Полному исчерпывающему изложенію нашего направленія въ связи съ его исторіей въ западно-европейскихъ странахъ посвящена особая работа.

Считаю не лишнимъ здѣсь прибавить, что основные принципы своего міровоззрѣнія мнѣ удалось набросить еще два года тому назадъ въ брошюркѣ «Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ».

Новомірскій.

I.

Научный соціализмъ.

Соціаль-демократія увѣряетъ, что ея программа обоснована научно. Поэтому она свое ученіе называетъ научнымъ соціализмомъ. Что разумѣютъ тутъ подъ словомъ «научность»? Очевидно, только одно: вѣрятъ, что ученіе соціаль-демократіи лишено элементовъ случайности, произвола, элементовъ утопизма и построено на реалистическомъ пониманіи жизни.

Утопическій соціализмъ стоялъ на точкѣ зрѣнія абстрактной справедливости. Онъ не могъ показать, почему его идеалъ долженъ по необходимости быть осуществленъ, гдѣ та реальная сила, которая захочетъ и сможетъ взять на себя воплощеніе въ жизнь соціализма. Научный соціализмъ старается доказать, что идеалъ новаго строя жизни не есть только благородная мечта, что его реализація не зависитъ отъ капризной воли отдѣльныхъ филантроповъ, а, наоборотъ, даже помимо и вопреки волѣ всѣхъ господъ современнаго общества, соціализмъ восторжествуетъ, потому что онъ необходимъ. Однако, какъ понимать эту необходимость? Нужно ли думать, что есть какая-то фатальная сила, которая неумолимо толкаетъ капитализмъ къ соціализму? Такъ прежде думали всѣ соціаль-демократы. Полагали, что мелкое производство, какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, совершенно исчезаетъ. Все производство переходитъ исключительно въ руки крупныхъ предпріятій. Даже число этихъ крупныхъ предпріятій сокращается и сосредоточивается въ рукахъ безпрерывно уменьшающагося числа «магнатовъ капитала». Въ это время производительныя силы достигаютъ такой степени развитія, что господствующая кучка магнатовъ совершенно не въ силахъ руководить производствомъ. Кризисы довершаютъ страшную картину хаоса и раззоренія. Становится абсолютною необходимостью из-

мѣненіе формы собственности, такъ какъ она стала тѣсной для развившихся производительныхъ силъ: «Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ экспропріируютъ»*). Такъ говоритъ Марксъ въ своемъ Капиталѣ. Въ этой цитатѣ ярко выступаетъ мысль, что соціализмъ продуктъ непреодолимаго противорѣчія между формой собственности и производительными силами, продуктъ долгаго экономическаго развитія, а не результатъ самой простой человѣческой борьбы за жизнь, исходъ которой вовсе не зависитъ отъ степени развитія крупнаго производства, а всецѣло опредѣляется фактическимъ соотношеніемъ силъ. Понятно, глупо думать, что Марксъ представлялъ себѣ соціальную революцію какъ чисто механическую эволюцію орудій производства. Но несомнѣнно вѣрно, что изъ двухъ факторовъ—работника и машины—онъ отдавалъ первенствующее мѣсто орудію, а не человѣку. Несомнѣнно, что соціальная революція представлялась ему скорѣе конечнымъ пунктомъ развитія техники, чѣмъ послѣднимъ боемъ между работниками и капиталистами.

Сильнѣе и рѣзче выразилъ эту мысль вѣрный ученикъ Маркса Карлъ Каутскій. Въ своей «Аграрной политикѣ» онъ говоритъ: «Революція, къ которой стремится соціалистическая партія, не есть въ послѣднемъ счетѣ революція въ области права, а въ области экономики; она не есть ниспроверженіе формы собственности, а способа производства; она стремится къ уничтоженію первой только потому, что она можетъ послужить средствомъ покончить съ послѣднимъ» **).

Въ комментаріи къ Эрфуртской Программѣ Каутскій говоритъ: «Экономическое развитіе буржуазнаго общества, *съ необходимостью закона природы приводитъ къ гибели* мелкое производство» Впослѣдствіи онъ долженъ былъ признать, что вытѣсненіе мелкаго производства не такъ абсолютно. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже самъ крупный капиталъ насаждаетъ мелкія хозяйства, которыя доставляютъ ему дешевую рабочую силу. «Нѣтъ ничего ошибочнѣе», говоритъ тотъ же Каутскій въ предисловіи къ «Комментарію» 1904 г., «того взгля-

*) «Капиталъ» т. I, 673 стр. изд. 1898 г.
**) La politique agraire du P. Socialiste 1903, p. 5.

Bibliothek der Russ. Sowjet-Vertretung Berlin.

да, будто коллективистское производство станетъ возможнымъ лишь послѣ того, какъ совершенно исчезнетъ мелкая промышленность. Еслибъ это было такъ, то коллективизмъ не могъ бы никогда осуществиться, такъ какъ концентрація капитала приводитъ не къ совершенному исчезновенію мелкихъ предпріятій, а часто лишь къ замѣнѣ старыхъ видовъ мелкой промышленности новыми. Уничтоженіе этихъ новыхъ пролетарскихъ мелкихъ предпріятій станетъ возможнымъ лишь послѣ того, какъ будетъ введено коллективистское производство» (стр. IX изд. «Молотъ», 1905 г.).

Итакъ, мелкое производетво мѣняетъ свою форму и роль, но не погибаетъ «съ необходимостью закона орироды». Теорія концентраціи капиталовъ также потерпѣла нѣкоторыя измѣненія. По крайней мѣрѣ, Кауцкій долженъ признать, что эта пресловутая концентрація совершается далеко не такъ просто и далеко не такъ быстро, какъ это думали раньше. Кризисы тоже потеряли значительную долю своего мистическаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилось, что трэсты капиталистовъ могутъ играть немаловажную роль въ дѣлѣ ихъ предупрожденія путемъ регулированія производства и цѣны. Постепенно и незамѣтно и вся теорія, на которой зиждется необходимость соціализма, приняла нѣсколько иной видъ. «Эта теорія видитъ въ капиталистическомъ способѣ производства факторъ, который толкаетъ пролетаріатъ на классовую борьбу противъ капиталистовъ; который все больше и больше увеличиваетъ его численность, сплоченность, интеллигентность, самосознаніе и политическую зрѣлость; который все больше и больше повышаетъ его экономическое значеніе, дѣлаетъ одинаково неизбѣжной какъ его организацію въ политическую партію, такъ и его побѣду; но столь же неизбѣжно онъ обусловливаетъ и возникновеніе коллективистскаго производства въ результатѣ этой побѣды» *). Здѣсь нѣтъ уже ни слова о переворотѣ исключитель-

*) К. Кауцкій «Нѣтъ больше соціаль-демократіи», изд. «Утро» 1906 г., стр. 17. «Но для побѣды соціаль-демократіи вовсе нѣтъ надобности въ томъ. чтобы мелкое производство совершенно исчезло; эта побѣда уже сдѣлается возможной, какъ скоро крупное производство настолько оттѣснитъ на задній планъ мелкое, что классъ наемныхъ рабочихъ, лишенныхъ частной собственности на средства произвоства, составитъ рѣшительное большинство населенія и сдѣлается его экономически важнѣйшей частью. Съ того момента ея побѣда является только вопросомъ силы и политической зрѣлости неимущихъ классовъ (пролетаріата). И эта побѣда ни въ какомъ случаѣ не означаетъ полнаго уничтоженія мелкаго производства и превращенія всѣхъ мелкихъ предпріятій въ государственныя».

но въ области экономики. Соціальная революція поставлена въ исключительную зависимость отъ побѣды организованнаго и сознательнаго пролетаріата надъ капиталистами. Серьезная эволюція марксизма очевидна. Напрасно Каутскій тратитъ свой умъ, находчивость и знанія на то, чтобы затушевать происшедшую перемѣну. Не смотря на всю нашу антипатію къ буржуазно-благонамѣренному «критицизму», мы должны признать за Бернштейномъ въ этомъ вопросѣ правоту. Онъ тысячу разъ правъ, что толкованіе Каутскаго не чисто матеріалистическое. Вѣдь ставить соціальную революцію въ зависимость отъ зрѣлости и силы пролетаріата вовсе не значитъ дать этому перевороту экономически-матеріалистическое объясненіе. «Зрѣлость пролетаріевъ не экономическій, а этическій факторъ, ихъ сила—факторъ политическій или соціально-политическій». «Чтобы считаться имманентной экономической необходимостью», совершенно вѣрно прибавляетъ Бернштейнъ, «тріумфъ соціализма долженъ быть обоснованъ доказательствомъ необходимости экономическаго крушенія существующаго общественнаго строя. Но такая неизбѣжность еще не была и не могла быть доказана. Общественное развитіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ сошло съ пути, по которому оно должно было бы направиться, чтобы крушеніе стало неизбѣжно по чисто экономическимъ причинамъ».

Въ этой главѣ мы не намѣрены дать критику марксизма. Мы хотимъ только показать, что соціалистическая теорія можетъ доказать необходимость торжества соціализма двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, можно думать, что неизбѣжно экономическое крушеніе капитализма благодаря механическому развитію экономическаго фактора—производительныхъ силъ. Такъ думали долгое время. Эта точка зрѣнія теперь оставлена даже такими ортодоксами, какъ Каутскій. Во-вторыхъ, можно доказывать, что въ современномъ обществѣ растетъ и крѣпнетъ та *общественная* сила, которая хочетъ и сможетъ задушить капитализмъ. При такомъ пониманіи необходимость соціализма носитъ характеръ соціальный, а не экономическій, ибо все зависитъ отъ чисто человѣческаго, соціальнаго фактора—пролетаріата, а экономическое развитіе вліяетъ на наступленіе соціализма только косвенно—путемъ содѣйствія развитію самого пролетаріата. И при такомъ пониманіи соціализмъ остáется научнымъ, ибо основанъ на необходимости. Но эта необходимость не экономическаго, а соціальнаго характера. Въ основу соціалистической программы кладется не политическая экономія, а соціологія.

II.

Два слова о производительныхъ силахъ.

Въ основѣ марксистскаго пониманія исторіи лежитъ теорія развитія производительныхъ силъ, или техники. Марксъ полагаетъ, что всякій общественный строй опредѣляется исключительно «достигнутой степенью развитія производительныхъ силъ». Поэтому всякая соціальная революція есть продуктъ переворота въ производительныхъ силахъ. Эти двѣ простыя идеи даютъ марксисту ключъ къ пониманію всей исторіи.

Каково наше мнѣніе? Понятно, никто не станетъ отрицать глубокаго значенія производительныхъ силъ для всей жизни общества. Кто, напримѣръ, станетъ отрицать значеніе физической среды для человѣка? Ну, а техника есть не что иное, какъ новая искусственная соціальная среда. Всякая среда имѣетъ глубокое вліяніе на нашу психику, нельзя отрицать его и за средой соціальной.

Несомнѣнно, люди стараются наилучше использовать свои орудія труда въ борьбѣ съ природою. Поэтому *если-бы не было никакихъ другихъ посторонніхъ условій*, экономическую организацію общества люди создали бы, сообразуясь съ тѣми орудіями, которыми они работаютъ. На этомъ основаніи можно принять какъ нѣчто весьма вѣроятное, что въ первобытное, доисторическое время различныя отношенія, существовавшія въ маленькихъ независимыхъ общинахъ опредѣлялись характеромъ ихъ орудій труда. При различныхъ системахъ техники, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*, способъ производства не можетъ быть одинаковымъ. Но почему первобытная община распалась? Почему образовалось рабство? Чѣмъ были вызваны всѣ извѣстные намъ крупные соціальные перевороты? Чѣмъ будетъ вызвана грядущая соціальная революція? На весь этотъ градъ вопросовъ марксистъ имѣетъ только одинъ ничего не объясня-

ющій отвѣтъ: производительныя силы. Въ этомъ обнаруживается полное безсиліе марксистской мысли. Дайте же присмотримся къ этому дѣлу поближе.

На порогѣ исторіи человѣчество намъ представляется разбитымъ на громадное число отдѣльныхъ небольшихъ группъ—охотниковъ, рыболововъ, скотоводовъ. Эти группы находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ изъ-за главнаго фактора тогдашняго производства—земли. Вѣнцомъ побѣды является захватъ покоренной земли и полное истребленіе и даже съѣденіе побѣжденныхъ. Но вотъ внезапно наступаетъ крупная перемѣна. Побѣдители не уничтожаютъ и не съѣдаютъ побѣжденныхъ, а порабощаютъ ихъ. Людоѣдство уступаетъ мѣсто рабству. Дотолѣ равноправные члены первобытно-коммунистическихъ группъ распадаются на два класса: господъ и рабовъ. Къ внѣшней войнѣ между группами присоединяется внутренняя война между классами. Чѣмъ была вызвана эта революція? «Развитіемъ производительныхъ силъ», невозмутимо отвѣчаетъ марксистъ. Техническій прогрессъ усложнилъ производство и сдѣлалъ необходимымъ строгое руководство, которое могло быть достигнуто только порабощеніемъ производителей *). Этотъ псевдо-научный, скорѣе фаталистическій отвѣтъ проникнутъ чисто метафизическимъ характеромъ, что, впрочемъ, легко объясняется происхожденіемъ его. Марксъ самъ говоритъ, что его діалектическій методъ есть перевернутое гегеліанство. А какъ ни переворачивайте метафизика, хоть кладите его на бокъ, онъ остается метафизикомъ. Сущность метафизическаго пониманія не мѣняется отъ того, что Марксъ вмѣсто гегелевской Абсолютной Идеи подставилъ столь-же отвлеченное понятіе Техники. Гегель говоритъ, что исторія есть независящій отъ человѣческой воли процессъ развитія Идеи, и объявляетъ поэтому все существующее разумнымъ. Марксъ также пытается увѣрить насъ, что исторія есть независящій отъ человѣческой воли процессъ развитія Техники и также выводитъ разумность всего существующаго. Вмѣсто одного отвлеченнаго понятія поставлено другое. Неудивительно, что и Гегель и Марксъ приходятъ къ чисто метафизическому оправданію *всего* существующаго вообще и рабства въ частности.

Что говоримъ мы?

---

*) К. Кауцкій «Парламентаризмъ и народное представительство», стр. 16: «Источникомъ господства жрецовъ и военнаго дворянства была все таки *экономическая необходимость*».

Несомнѣнно, возникновенію рабства долженъ былъ предшествовать нѣкоторый прогрессъ въ развитіи техники. При очень низкой степени производительности труда, когда работникъ производитъ только самое безусловно необходимое для поддержанія своей жизни, никому нѣтъ смысла порабощать его. Побѣдители находятъ для себя болѣе выгоднымъ уничтожать или съѣдать своихъ плѣнниковъ. Появленіе такъ называемаго «прибавочнаго продукта» дѣлаетъ рабство для господъ впервые *выгоднымъ* и *возможнымъ*. Значитъ-ли это, что развитіе производительныхъ силъ вызвало или *создало* рабство? Я сорвалъ нѣсколько плодовъ съ дерева—значитъ-ли, что я сдѣлалъ это *потому*, что существуетъ плодовое дерево? Если-бы его не было, я, понятно, не могъ бы сорвать его плодовъ. Но плоды нисколько не принуждали меня срывать ихъ. Я сорвалъ ихъ потому, что *хотѣлъ*. Существованіе дерева было *условіемъ*, но не *причиной* моего дѣйствія. Такъ же обстоитъ и съ возникновеніемъ рабства. Техническій прогрессъ былъ его необходимымъ условіемъ, но никоимъ образомъ не причиною. Дѣйствительной причиной было сознательное *желаніе* побѣдителей использовать наилучше свою побѣду. Высокая степень производительности труда была только почвой, на которой варварская жестокость звѣроподобныхъ побѣдителей взростила ядовитое дерево рабства. Появленіе рабства не только не было вызвано никакими непреодолимыми силами, но было явно враждебно интересамъ прогресса, даже чисто экономическаго прогресса. Благодаря рабству производительность труда не только не возросла но значительно упала. За долгіе сумрачные вѣка кошмарной ночи, которую историки называютъ періодомъ рабства, человѣчество не сдѣлало никакихъ замѣтныхъ шаговъ впередъ, а проживало то, что было создано раньше усиліями свободныхъ людей. Со времени установленія рабства и его стражника—Государства, египетскій народъ духовно умеръ и застылъ, подобно высохшей муміи. Все, что мы называемъ теперь классической культурой, не было культурой греческихъ и римскихъ народовъ, а достояніемъ маленькихъ кучекъ мародеровъ, сидѣвшихъ на плечахъ этихъ народовъ. Эти жалкія кучки праздныхъ паразитовъ ради забавы развивали поэзію, ваяніе, живопись, но производство ихъ совершенно не интересовало и казалось имъ презрѣннымъ дѣломъ презрѣнныхъ рабовъ. Неудивительно, что якобы пышный расцвѣтъ классической культуры не только не сопровождался техническимъ прогрессомъ, но создалъ, можетъ быть, регрессъ. Какъ же марксисты считали рабство необходимымъ? Какъ понимать эту необходимость? Мы

понимаемъ ее въ чисто человѣческомъ, реальномъ смыслѣ. *Рабство было необходимо господамъ и они создали его, потому что были достаточно сильны для этого.* Оно имъ нужно было для того, чтобы свалить съ своихъ плечъ тяжелое бремя труда и заботъ и самимъ заняться «политикой», т. е. немудрымъ искусствомъ держать въ повиновеніи рабовъ и расширять свое могущество грабежами и убійствами. Могу увѣрить читателя, что рабы не предвидѣли, какъ марксисты объявятъ рабство необходимымъ и даже прогрессивнымъ: иначе они не смѣли бы такъ страстно бороться за свое освобожденіе. Со времени введенія рабства общество превращается въ настоящій военный лагерь. Открытыя вооруженныя столкновенія смѣняются непродолжительнымъ временемъ затишья, чтобы снова уступить мѣсто войнѣ, такой жестокой и истребительной, какой можетъ быть только война гражданская, эта борьба за самое святое человѣческое благо—за свободу.

Въ кровавыхъ схваткахъ прошли цѣлые вѣка, истреблены были цѣлыя поколѣнія людей, уничтожены плоды долгаго ряда лѣтъ кровавого труда. И вотъ наступаетъ новая перемѣна—рабство смѣняется крѣпостничествомъ, форма господства смягчается. Чѣмъ была вызвана эта новая соціальная реформа? «Развитіемъ производительныхъ силъ», говоритъ марксистъ. Нисколько, отвѣчаемъ мы. Допустимъ, что техника въ теченіе длиннаго періода рабства такъ или иначе немного пошла впередъ. Все же нѣтъ никакой возможности *пріурочить* освобожденіе именно къ періоду какого-нибудь техническаго прогресса. Скорѣе вѣрно обратное: именно, къ концу эпохи рабства мы видимъ сильный техническій и культурный упадокъ. Именно этотъ всеобщій упадокъ заставилъ господъ поспѣшить съ освобожденіемъ рабовъ, чтобы сдѣлать трудъ производительнѣе и извлечь больше выгодъ изъ своихъ «звучащихъ орудій» (instrumenta vocalia). Итакъ, смѣну рабства крѣпостничествомъ мы такъ же мало можемъ объяснить техническимъ прогрессомъ, какъ и предыдущую смѣну свободы рабствомъ.

Крѣпостничество было компромиссомъ между рабствомъ, которое отстаивали господа, и свободой, къ которой рвались рабы. Для господъ рабство потеряло прежнюю доходность, а рабы были слишкомъ плохо организованы и вооружены, чтобы добиться полной свободы. Какъ видите, крѣпостничество въ нашихъ глазахъ такой же результатъ соотношенія борющихся силъ, какъ и рабство.

Но строптивые крѣпостные были настолько «утопичны» и «реакціонны»,*) такъ мало считались съ интересами своихъ господъ и доктриной марксизма, что не покладая рукъ боролись за свое полное освобожденіе. Крѣпостные, какъ и рабы, никакъ не хотѣли признать свое положеніе «необходимымъ». Крестьянскія возстанія явно шли подъ знаменемъ безгосударственнаго коммунизма. Этого не могутъ отрицать даже самые ослѣпленные марксисты, которые умудряются трубить побѣду даже тамъ, гдѣ здравомыслящій человѣкъ видитъ полное пораженіе. Вѣковая борьба господъ и крѣпостныхъ снова закончилась соціальнымъ переворотомъ. Господствующему классу стало не въ моготу сдерживать страстные порывы крѣпостныхъ къ свободѣ, усиліе поддерживать крѣпостничество не окупалось его доходностью—и крѣпостные получили личную свободу, но безъ орудій труда, созданныхъ ихъ кровью, и безъ земли, напоенной ихъ слезами и потомъ! Почему? Да потому, что помѣщики были лучше организованы и лучше вооружены, и силой заставили крѣпостныхъ помириться на личной свободѣ. Въ Россіи они даже заставили крестьянъ выплачивать за освобожденіе громадныя суммы денегъ подъ названіемъ «выкупныхъ платежей». Будь крестьяне достаточно сильны, мы теперь не имѣли бы всѣхъ прелестей капитализма. и жили бы, можетъ быть, при иныхъ, болѣе отрадныхъ порядкахъ. Какъ же вы увѣряете насъ, господа марксисты, что смѣна крѣпостничества капитализмомъ была необходима? Кому нуженъ былъ капитализмъ, кромѣ богатыхъ и сильныхъ? Вспомните всѣ жестокости, которыя учиняли богатые помѣщики, чтобы согнать крестьянъ съ родной земли; вспомните подлые законы о бродягахъ, законы, съ помощью которыхъ они согнули крестьянъ подъ ярмо капитала. Да, *капитализмъ, подобно рабству и крѣпостничеству, былъ необходимъ потому, что онъ нуженъ былъ богатымъ и сильнымъ.*

Теперь мы живемъ наканунѣ новой соціальной революціи, которая должна, наконецъ, возвратить работнику то, что отняли у него жестокіе и сильные—орудіе его труда. Эта грандіозная революція возвратитъ человѣчество къ исходной точкѣ его исторіи—къ свободнымъ общинамъ, но съ цѣннымъ подаркомъ—всеобщимъ миромъ и братствомъ. Грядущая революція только разорветъ проклятыя цѣпи, которыми господская жадность и жестокость сковали побѣжденныхъ на зарѣ человѣческой исторіи. Когда же настанетъ этотъ моментъ—послѣдній

*) Выраженіе Лассаля въ «Программѣ работниковъ».

актъ многовѣковой трагедіи порабощеннаго труда? Когда достаточно разовьются производительныя силы?

«Централизація средствъ производства и обобществленіе труда *достигаютъ такой степени, что они не могутъ долѣе выносить своей капиталистической оболочки.* Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторовъ экспропріируютъ» Такъ говоритъ Марксъ.

Что говоримъ мы? Мы говоримъ, что въ сѣдую древность побѣжденные стали рабами, потому что побѣдители имѣли достаточно грубой физической силы, чтобы подчинить ихъ себѣ, своимъ корыстнымъ интересамъ. Рабы стали крѣпостными и потомъ наемными рабочими, когда эти перемѣны стали выгодны самимъ господамъ для сохраненія ихъ господства надъ трудомъ работника. До сихъ поръ исторію творили богатые и сильные. Коммунистическая революція грянетъ тогда, когда работники въ городахъ и селахъ поймутъ необходимость разрушенія экономическихъ, политическихъ и нравственныхъ устоевъ современнаго міра, необходимость разрушенія частной собственности, государства и церкви; когда они остановятъ производство во всемъ мірѣ и съ оружіемъ въ рукахъ разрушатъ организацію господъ и овладѣютъ міромъ.

Какова же наша теорія историческаго развитія? Она не такъ проста, какъ ученіе марксистовъ. У насъ нѣтъ такихъ магическихъ талисмановъ, какъ «техника», «производительныя силы». *Творцомъ* исторіи мы считаемъ не орудіе, а владѣльца орудія—человѣка. *Содержаніемъ* исторіи намъ кажется не борьба за матеріальные интересы, а борьба за жизнь, въ которую входятъ и матеріальные, и умственные, и нравственные, и художественные интересы. Оттого къ борьбѣ за матеріальное освобожденіе рабочаго класса присоединялись часто и всегда будутъ присоединяться люди совершенно иныхъ матеріальныхъ интересовъ по самымъ разнообразнымъ нематеріальнымъ мотивамъ—чисто научнымъ, нравственнымъ или эстетическимъ.

Фактически общество еще на зарѣ исторіи, благодаря насилію сильныхъ, распалось на классы. Оттого по *формѣ*, исторія наполнена борьбою классовъ. Эта классовая борьба исчезнетъ тогда, когда самый угнетенный изъ классовъ достаточно окрѣпнетъ, чтобы сломить свое иго. Борьба классовъ умретъ, но не умретъ борьба за жизнь, пока жива будетъ сама жизнь. Борьба потеряетъ только свой грубо-животный характеръ и превратится въ чистую борьбу за истину, добро и красоту.

III.

Бунтовской духъ и сознаніе.

Въ сочиненіяхъ товарища Кропоткина и другихъ анархистовъ-коммунистовъ этотъ «бунтовской духъ» играетъ довольно замѣтную роль: получается впечатлѣніе, какъ будто этотъ «духъ» является какимъ-то особымъ историческимъ факторомъ. Изъ сочиненія товарища Кропоткина мы узнаемъ, что «бунтовской духъ» имѣетъ своимъ назначеніемъ будить самодѣятельность личности, воодушевлять борцовъ, двигать на дѣло пассивныхъ.

Возникаетъ вопросъ: можетъ-ли въ этомъ смыслѣ «бунтовской духъ» имѣть какое-либо самостоятельное значеніе? Всякій согласится, что гдѣ общественная среда не подготовлена предварительной пропагандой и агитаціей, гдѣ общественный классъ лишенъ *сознанія* своихъ интересовъ, тамъ всякіе «духи», бунтовскіе и небунтовскіе, совершенно безсильны. «Бунтовской» актъ можетъ *мысль* и *чувство* быстрѣе превратить въ *дѣло*, но онъ не можетъ ихъ создать, самъ вызвать. Террористъ—бунтарь можетъ вызвать подражаніе себѣ только въ сходныхъ съ нимъ по сознанію, по настроенію, но онъ не создаетъ и не можетъ создать этого сознанія и этого настроенія: бунтарь показываетъ, но не объясняетъ.

Какъ можемъ мы, анархисты, объяснить рабочимъ наши цѣли, какъ можемъ мы помочь ему въ развитіи его классового сознанія?

Раньше всего это дѣлаетъ сама жизнь, которая повелительно толкаетъ рабочихъ на борьбу съ Капиталомъ и Государствомъ. Мы, анархисты, своей пропагандой и агитаціей только ускоряемъ ходъ развитія этого сознанія. Когда борьба и пропаганда опредѣленнымъ образомъ подготовили головы и сердца рабочихъ, нуженъ бунтовской духъ, чтобы воодушевить ихъ на революціонную, насильственную атаку на буржуазный строй

жизни. Тогда являются на арену отдѣльные смѣльчаки, передовые бойцы рабочаго класса, и берутъ на себя дерзкій починъ гражданской войны: *бунтъ отдѣльныхъ личностей является вѣнцомъ сознанія массъ.*

Какъ видно «бунтовской духъ» и «сознаніе» не являются двумя различными факторами. Нѣтъ! это отдѣльныя стадіи развитія одной и той же борьбы рабочаго класса. Почему же мы въ сочиненіяхъ тов. Кропоткина и многихъ другихъ анархистовъ такъ часто встрѣчаемся съ «бунтовскимъ духомъ» и такъ рѣдко слышимъ о классовомъ сознаніи? Неужели это объясняется только желаніемъ избѣгнуть терминологіи, которую взяли на службу марксисты? Или это превознесеніе бунтарства имѣетъ своей цѣлью только подчеркнуть дѣйственный, практическій моментъ?

Какъ бы то ни было, излишнее подчеркиванье бунтарской стороны нашей тактики можетъ дать неясноее представленіе о нашихъ цѣляхъ. Оно можетъ заставить думать, будто мы, анархисты, чистые теоретики бунтарства, что для насъ форма важнѣе содержанія, «бунтъ» важнѣе сознательной классовой борьбы.

Какъ извѣстно, такихъ взглядовъ придерживались русскіе «бунтари» начала 70-хъ годовъ. Они полагали, что крестьянинъ—инстинктивный коммунистъ, что онъ вполнѣ готовъ къ возстанію: нужно только разбудить «бунтовской духъ» въ народѣ—и онъ подымется со всѣхъ сторонъ. Ихъ надежды оказались утопичными, ихъ вѣра оказалась мечтою, и реальная жизнь разбила мечты ихъ, надломила ихъ вѣру: «народъ» (т. е. крестьянство) вовсе не оказался коммунистомъ, одинъ «бунтовской духъ» славныхъ пропагандистовъ не могъ поднять его на борьбу, когда жизнь не подготовила его къ пониманію ученія бунтарей. «Бунтари» на горькомъ опытѣ убѣдились, что нужно раньше прояснить мысль, а потомъ звать къ дѣлу, раньше выработать сознаніе, а потомъ «бунтовской духъ» шевелить.

Неужели мы, русскіе анархисты, повторимъ роковую ошибку бунтарей-народниковъ? Неужели мы безплодно растратимъ наши силы на шумныя, яркія, но часто безполезныя вспышки и не займемся своимъ главнымъ дѣломъ организаціей рабочаго класса?

А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ у части русскихъ анархистовъ-коммунистовъ *) замѣчается явная тенденція пренебречь нашей главной задачей—воспитаніемъ и развитіемъ рабочихъ

*) Напримѣръ у сторонниковъ «Безначалія».

Институтъ Ленина при Ц.К. в.к.п.(б) Ч. 13557

массъ—ради шумнаго полусознательнаго, чисто интеллигентскаго бунтарства. Мы касаемся здѣсь вопроса о такъ называемыхъ «мятежныхъ шайкахъ» и рабочихъ синдикатахъ.

Односторонніе приверженцы бунтарства полагаютъ, что самая главная задача русскихъ анархистовъ состоитъ въ организаціи повсемѣстно группъ террористовъ для партизанской войны съ капиталомъ и государствомъ. Они, очевидно, исходятъ изъ того предположенія, что рабочія массы всегда достаточно сознательны и нужно только нѣсколько террористическихъ актовъ, чтобы поднять ихъ на возстаніе. Организація рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, развитіе борьбы пролетаріата на почвѣ его экономическихъ интересовъ кажется имъ дѣломъ безполезнымъ или даже вреднымъ.

Такое однобокое бунтарство можетъ оказаться роковымъ для русскаго анархическаго движенія. Анархисты могутъ оказаться только орудіемъ въ рукахъ политическихъ партій Россіи, добывать цѣною своей крови каштаны для россійскихъ политикановъ, ибо они помогутъ соціалистамъ убить самодержавнаго медвѣдя, но не будутъ въ силахъ отстоять свои интересы при дѣлежѣ его шкуры.

Вспомните вѣчной памяти «Народную Волю»! Сколько героизма обнаружила она въ борьбѣ съ царизмомъ! Ей удалось своими собственными силами загнать его въ тупой уголъ, почти обезсилить его. И что же? «Народная Воля» исчезла какъ фантомъ, не только не добившись своей цѣли, но и внушивъ надолго отчаяніе и апатію борцамъ за свободу. Почему потерпѣла она такое пораженіе? Потому, что она вступила въ битву, не приготовивъ себѣ батальоновъ, не создавъ рабочей партіи.

Русская соціаль-демократія добилась за короткое время значительныхъ успѣховъ только потому, что она здраво поняла свою задачу. Чтобы добиться политической свободы, соціаль-демократы пошли въ рабочія массы, занялись кропотливой борьбой за мелкіе интересы, пріобрѣли довѣріе рабочихъ и теперь пользуются пролетаріатомъ, какъ пушечнымъ мясомъ въ борьбѣ съ царизмомъ. Вотъ почему соціаль-демократамъ удастся то, что не удалось болѣе смѣлымъ, болѣе сильнымъ народовольцамъ.

Тактика анархическихъ бунтарей привела бы насъ къ полному безсилію, ибо оторвала бы отъ рабочаго класса. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличается анархическое бунтарство отъ терроризма, хотя-бы «соціалистовъ-революціонеровъ?» Рѣшительно ничѣмъ, и фактически мы служили бы только ихъ дѣлу, помогая имъ бить самодержавіе. Когда мы расшатаемъ царизмъ, что получимъ въ награду за свои усилія? Либералы и

соціалисты совмѣстно образуютъ новую государственную власть и направятъ объединенныя силы противъ насъ. Кто будетъ тогда за насъ, кромѣ небольшихъ кучекъ бунтарей? Рабочія массы теперь, во время *своей борьбы* не привыкаютъ видѣть въ насъ однихъ защитниковъ своихъ интересовъ, своихъ постоянныхъ, искреннихъ представителей. Когда либералы и соціалисты понаставятъ для насъ гильотинъ и висѣлицъ, мы пожнемъ только то, что посѣяли: мы окажемся оторванными отъ рабочихъ массъ, которыя мы отдали въ распоряженіе соціаль-демократовъ, соціаль-революціонеровъ и другихъ соціальполитиковъ и карьеристовъ; мы такъ же безплодно погибнемъ, какъ погибли во Франціи Гебертисты во время Французской Революціи.

Нѣтъ! Не мятежными шайками дѣлается соціальная революція: перевороты совершаются борьбою классовъ, а не отдѣльныхъ личностей. Революціонное меньшинство можетъ быть только застрѣльщикомъ въ гражданской войнѣ, а чтобы одержать побѣду, оно нуждается въ массахъ. Къ этимъ массамъ мы и должны пойти теперь, помочь имъ организоваться въ густую сѣть профессіональныхъ союзовъ и избавить отъ развращающаго вліянія законниковъ и политиковъ. Каждый рабочій союзъ дастъ намъ небольшую группу истинно сознательныхъ и истинно революціонныхъ личностей, т. е. убѣжденныхъ анархистовъ. Эти маленькія группы рабочихъ-борцовъ и составятъ съ теченіемъ времени цѣлые отряды «бунтарей». Тогда эти «бунтари» не будутъ одинокими въ борьбѣ съ существующимъ строемъ. Онѣ будутъ только передовыми бойцами своего класса, только легкой кавалеріей, за которой медленно, но неуклонно идетъ тяжелая пѣхота. Эти мятежники-бунтари пойдутъ впереди борющихся рабочихъ массъ, будутъ устранять съ пути враговъ, мстить за поруганныхъ братьевъ: гдѣ рабочія массы будутъ достаточно сознательны, они пойдутъ впереди ихъ, гдѣ рабочіе синдикаты не будутъ достаточно революціонны, «мятежники» возьмутъ на себя починъ схватки и будутъ дѣйствовать на свой страхъ. Когда разные либералы и соціалисты, политическіе жулики всѣхъ оттѣнковъ, свергнувъ силой рабочихъ массъ царское самодержавіе, захотятъ пробраться въ правительство и заявятъ, что революція кончена, мы объявимъ всему міру: революція начинается! Впереди батальоновъ рабочаго класса, испытанныхъ въ борьбѣ съ капиталомъ и государствомъ, и полныхъ довѣрія къ намъ, анархистамъ, мы направимъ оружіе свое противъ новыхъ эксплуататоровъ, новыхъ обманщиковъ народа...

Но синдикаты имѣютъ для насъ громадное значеніе еще въ другомъ отношеніи. Допустимъ, что «мятежныя шайки» добились самыхъ счастливыхъ результатовъ: имъ удалось разгромить военную силу царизма и разрушить всю правительственную организацію. Какимъ образомъ капитализмъ перейдетъ въ коммуническій анархизмъ? Неужели мы будемъ настолько наивны, чтобы думать, что новый строй какъ-то самъ собою сложится, что мы ничего не должны подготовить взамѣнъ разрушеннаго міра? А вѣдь люди не могли бы жить даже нѣсколько недѣль безъ опредѣленной организаціи производства и обмѣна.

Тутъ-то и выступаетъ на сцену синдикатъ. Федерація синдикатовъ овладѣваетъ орудіями труда и организуетъ производство и обмѣнъ на коммунистическихъ началахъ. Въ нѣдрахъ стараго общества мы создали ядро новаго строя жизни. Реакціонныя силы не смогутъ воспользоваться временемъ революціоннаго броженія и всеобщей сумятицы, чтобы посѣять раздоры въ нѣдрахъ рабочаго класса: синдикаты постараются устранять возможность голода, снабжать воюющихъ орудіемъ и одеждою.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что пренебрегать теперь профессіональной борьбой рабочихъ преступно, если мы хотимъ быть продолжателями Интернаціонала.

Въ защиту свободы.

Французскіе матеріалисты XVIII в. любили часто аппелировать къ такъ называемой «природѣ человѣка». Они вѣрили, что человѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ своихъ чертахъ, представляетъ нѣчто опредѣленное, неизмѣнное. Такой взглядъ былъ вполнѣ умѣстенъ въ ихъ чисто метафизической системѣ. Вѣдь каждый метафизикъ тѣмъ характеренъ, что онъ въ основу всѣхъ своихъ построеній полагаетъ нѣчто неизмѣнное, постоянное—субстанцію. Называется ли эта субстанція «духъ» или «матерія»—безразлично. Въ соціологіи метафизикъ также нуждается въ спеціальной общественной субстанціи. Эту роль играла у метафизиковъ XVIII в. «природа человѣка». Изъ этой «природы» они остроумно выводили всѣ свои планы преобразованія общества, всѣ свои политическія теоріи, всѣ системы морали.

Разъ природа человѣка есть нѣчто разъ навсегда данное нѣчто, поддающееся точному вычисленію, словомъ, разъ человѣкъ—машина (l'homme machine), то нѣтъ особеннаго труда придумать такую систему отношеній между людьми, при которой было-бы достигнуто не только полное благополучіе отдѣльной личности, но и благополучіе всѣхъ, всеобщее благополучіе («le bienêtre général»). Отсюда вытекаютъ всѣ системы общественныхъ преобразованій французскихъ философовъ, отсюда же общественныя теоріи такъ называемыхъ утопистовъ-соціалистовъ. Всѣ они, какъ истинные метафизики, вѣрили въ существованіе этой «природы человѣка». Разногласія начинались только съ пониманія того, въ чемъ именно состоитъ эта природа.

Казалось-бы, что марксизмъ окончательно порвалъ со всѣми иллюзіями и утопіями французскихъ матеріалистовъ и утопистовъ. Если это отчасти и вѣрно, то вѣрно только от-

части. Хотя марксистскій матеріализмъ, такъ называемый экономическій матеріализмъ, и воспринялъ въ свою систему элементъ историчности, развитія, но онъ остался матеріализмомъ, стало быть, школой по существу метафизической. Это роковымъ образомъ и отражается какъ въ марксистской философіи, такъ и въ марксистской соціологіи. Марксистъ не вѣритъ, чтобы человѣкъ во всѣ времена, у всѣхъ народовъ былъ одинаковъ. Но зато само пониманіе человѣка осталось чисто метафизическимъ: человѣкъ для марксиста то же, чѣмъ онъ былъ для Гольбаха, машина. Что удивительнаго въ томъ, что марксисты, не смотря на всю свою мнимую научность, приходятъ къ добрымъ старымъ утопіямъ о всеобщемъ благополучіи? Читайте поэтовъ, журналистовъ и даже теоретиковъ соціаль-демократіи—вы вездѣ наталкиваетесь на эту безсмысленную и мѣщанскую утопію всеобщаго благополучія. Даже такой серіозный и холодный человѣкъ, какъ Каутскій, съ увѣренностью заявляетъ, что коллективистское государство обезпечитъ благополучіе всѣмъ. Эту жалкую и смѣшную иллюзію, которую передали намъ по наслѣдству буржуазные метафизики, вдумчивый человѣкъ долженъ раньше всего отвергнуть, если онъ хочетъ выработать себѣ ясное, стройное и цѣльное представленіе объ основахъ будущаго міра, объ идеалахъ свободнаго общежитія.

Что такое благополучіе отдѣльной личности? раньше всего задаю я вопросъ. Повидимому, это такое душевное состояніе, когда внутри насъ уничтожена борьба различныхъ борющихся стремленій, когда достигнуто *все* желанное, когда въ душѣ царитъ покой, довольство. Кто хоть сколько-нибудь вдумывался въ смыслъ душевной жизни человѣка, тотъ понимаетъ всю нелѣпость и утопичность такого стремленія къ довольству.

Возможность такого благополучія предполагаетъ цѣлый рядъ необходимыхъ условій. Во-первыхъ, мы должны раньше допустить, что психическій міръ человѣка представляетъ собою какую-нибудь *опредѣленную* систему потребностей, инстинктовъ, переживаній. Во-вторыхъ, мы должны вѣрить, что эта система поддается точному и ясному изученію. Въ-третьихъ, мы должны быть убѣждены, что эта изученная нами система потребностей допускаетъ полную возможность удовлетворенія, что всѣ наши стремленія, живущія и борющіеся въ душѣ нашей, вполнѣ достижимы. Отвергните одно изъ этихъ допущеній, и вы убили всякую возможность душевнаго довольства. Нужно поэтому внимательно анализировать эти три условія такъ называемаго счастья.

Что сказали-бы вы о томъ ученомъ, который взялся бы опредѣлить вамъ *всѣ* качества, *всѣ* признаки того или иного тѣла? Вы сказали бы, что этотъ мнимый ученый не усвоилъ себѣ основныхъ принциповъ современнаго научнаго метода мышленія; вы сказали бы, что такая цѣль недостижима, что немыслимо открыть всѣ признаки тѣлъ, потому что эти признаки не въ тѣлахъ, не внѣ насъ, а въ нашемъ собственномъ организмѣ, внутри насъ; что каждый шагъ въ развитіи науки состоитъ именно въ томъ, что каждый разъ открывается все большее количество такъ называемыхъ признаковъ, которымъ наука не можетъ предвидѣть конца. Какъ же можемъ мы считать за нѣчто данное систему нашихъ душевныхъ переживаній? Человѣкъ не представляетъ собою чего-то замкнутаго, чего-то оторваннаго отъ остального міра людей и міра природы. Въ его душевный міръ безпрерывно и со всѣхъ сторонъ врывается внѣшній міръ, наша душа есть только своеобразная форма того-же такъ называемаго внѣшняго міра. Во всѣхъ порахъ нашего тѣла живетъ весь многообразный внѣшній міръ, такъ что трудно, невозможно опредѣлить, гдѣ кончается «я» и гдѣ начинается «не—я»: я таковъ, каковъ этотъ внѣшній міръ, и этотъ сложный, многообразный, причудливый внѣшній міръ таковъ, каковъ я самъ. Вотъ почему никто, никогда не разгадаетъ душевной тайны человѣка, какъ никто никогда не разгадаетъ тайны природы вообще, ибо душа наша, какъ и всякій предметъ, въ сущности есть отраженіе всего остального міра въ цѣломъ, есть таинственный маленькій міръ столь же многообразный и столь же неразгаданный, какъ и весь большой міръ. Наука всегда будетъ знать неизмѣримо ничтожную долю того, что называется природою. Кто же возьмется теперь утверждать, что самый сложный микрокосмъ—человѣкъ представляетъ нѣчто данное, представляетъ какую-нибудь опредѣленную систему? Не только нѣтъ цѣлыхъ періодовъ, нѣтъ ни одного момента, когда бы душевная жизнь представляла нѣчто данное, нѣчто устойчивое: наша душа никогда не находится въ состояніи хотя бы неустойчиваго равновѣсія, она больше чѣмъ все остальное безпрерывный процессъ движенія. Измѣрить же движеніе можно только однимъ путемъ—опредѣлить количество развиваемой имъ работы, но не больше. А метафизикъ-матеріалистъ хочетъ самую сложную, самую таинственную форму движенія—душевную жизнь человѣка—влить въ такія формы, которыя раскрыли-бы самую сущность этого движенія—задача вполнѣ утопическая.

Можно болѣе или менѣе точно опредѣлить, чего хочу я больше и чего относительно хочу я меньше—опредѣлить такъ сказать энергію желанія. Но кто возьметъ на себя задачу раскрыть всю систему потребностей не только группы лицъ, но хотя бы одного человѣка, хотя бы самого себя? Наши потребности рождаются и живутъ не въ какомъ-нибудь опредѣленномъ разъ навсегда данномъ мѣстѣ, а текутъ къ намъ изъ безконечнаго внѣшняго міра, который безпрерывно и непреодолимо вліяетъ на всѣ точки нашего организма и безпрерывно зарождаетъ безконечное количество потребностей, желаній и стремленій? Наша воля идетъ къ намъ *со* всего внѣшняго міра и стремится обратно *ко* всему этому внѣшнему міру. Мое «я» есть только временная стоянка безконечнаго процесса безконечныхъ движеній, временная комбинація безконечныхъ разновидностей энергіи. Не только никто не можетъ сказать, чего *онъ*—другой хочетъ, но я никогда не могу сказать, чего *я* хочу. Наше сознаніе обнимаетъ только ничтожную долю нашей внутренней жизни; оно, подобно маяку среди безбрежнаго океана, освѣщаетъ вокругъ себя извѣстную область душевной жизни. Эту узенькую часть своей души человѣкъ называетъ своимъ «я». Онъ наивно думаетъ, что онъ дѣйствительно есть то, что онъ знаетъ и думаетъ о себѣ, подобно тому, какъ сторожъ на маякѣ невольно признаетъ существованіе только тѣхъ судовъ, которыя вторгаются въ радіусъ маячнаго свѣта. Онъ можетъ предположить въ видѣ отвлеченнаго допущенія на основаніи предыдущаго опыта, что могутъ быть суда внѣ его поля зрѣнія, но это допущеніе, какъ и всякая абстрактная дѣятельность ума, крайне блѣдно, призрачно. Такъ же бѣдно и призрачно представленіе человѣка о той безднѣ міровъ переживаній, которые находятся за завѣсой сознанія, во мракѣ океана безсознательности. Можно смѣло сказать, что человѣкъ никогда не является тѣмъ, чѣмъ онъ самъ себѣ кажется, что онъ всегда нѣчто иное.

Что же такое это мнимое «довольство»? Это пресловутое благополучіе? Мы удовлетворили микроскопическую долю сознанныхъ потребностей, и что же? Удовлетворенъ ли нашъ внутренній міръ? Достигнуто ли хоть на одинъ моментъ внутреннее равновѣсіе? Увы!—нѣтъ. За выбывшими изъ рядовъ въ сферу нашего сознанія врываются цѣлыя толпы новыхъ потребностей и желаній. Никто не звалъ ихъ, никто не знаетъ, откуда они, но они шумно и дерзко располагаются въ душѣ моей, давятъ назойливо и грубо на мое сознаніе. Я не знаю этихъ странныхъ непрошенныхъ гостей, но я долженъ подчи-

ниться имъ, потому что—какъ ни странно—«я» это собственно онѣ—эти чуждыя мнѣ мятежныя силы, которыхъ я не предполагалъ за одну минуту раньше, но которыя *теперь* не только близки мнѣ непонятно почему, но и суть «я» самъ. Куда дѣлось мое довольство? Я добился того, чего хотѣлъ, но какая то коварная сила вырываетъ у меня плоды моей желанной побѣды. Покой, гармонія, довольство есть только лукавая приманка, которое выставляетъ мнѣ то темное, странное непонятное, что пришло ко мнѣ откуда-то и живетъ временно за портьерой моего сознанія. Едва я противъ воли покорился этой приманкѣ и пустился въ путь, начавъ дѣйствовать,—изъ за порога появляется мой вѣчный незнакомецъ—безсознательное и суетъ мнѣ новыя потребности, новыя желанія, новыя цѣли, новые порывы къ дѣятельности. Кто не согласится, что стремленіе къ довольству есть миражъ, иллюзія нашего сознанія? что не покой, не гармонія составляютъ сущность жизни, а вѣчное движеніе, вѣчная дисгармонія?

Человѣкъ не только не поддается настоящему, точному опредѣленію, которое дало бы возможность хоть приблизительно знать, что ему нужно для его благополучія, но ни одна потребность не удовлетворима, ни одна цѣль не достижима въ той формѣ и въ той степени, какъ рисуетъ себѣ это человѣкъ, пока живетъ въ немъ это желаніе и эта цѣль. Возьмите любое желаніе, проанализируйте его до конца и вы убѣдитесь, что оно безконечно и что оно переплетается неразрывно съ неизмѣримой массой другихъ желаній, изъ которыхъ ни одно не достижимо.

Ко всему этому присоединяется еще одно, въ высшей степени замѣчательное обстоятельство. Наши потребности не только не поддаются правильному учету, не только недостижимы цѣликомъ, но часто дисгармоничны, противорѣчивы: намъ часто хочется противоположныхъ вещей. Я имѣю въ виду здѣсь не случайное столкновеніе временныхъ капризныхъ вожделѣній, но говорю о постоянныхъ взаимно-противоположныхъ стремленіяхъ, выработанныхъ историческимъ развитіемъ. Укажу на одинъ примѣръ.

Никто не станетъ оспаривать теперь того поразительнаго факта, что такъ называемые соціальные инстинкты глубоко укоренились въ современномъ человѣкѣ вообще, не говоря уже о народныхъ массахъ. Для современнаго человѣка нѣтъ болѣе ужаснаго наказанія, какъ насильственое лишеніе общенія съ подобными ему. Какъ ни старъ этотъ инстинктъ, нужно признать, что онъ теперь несравненно сильнѣе, чѣмъ былъ когда-

то, не смотря на рядъ враждебныхъ ему вліяній, которыя пріуготовила долголѣтняя исторія внутриобщественной борьбы. Косвеннымъ доказательствомъ этому служитъ то, что теперь совершенно невозможно то повальное стремленіе къ отшельничеству, которое мы встрѣчаемъ въ былыя времена. Однако, странное дѣло, рядомъ съ ростомъ соціальныхъ инстинктовъ, съ ростомъ потребности общенія съ другими растетъ потребность какъ разъ противоположнаго характера: въ настоящее время человѣкъ гораздо больше, чѣмъ когда бы то ни было, чувствуетъ свою индивидуальность и потребность, по крайней мѣрѣ, на время уединяться отъ своей соціальной среды, потребность въ одиночествѣ. Если лишеніе общества является для лишенной личности жестокой карой, то едва-ли не болѣе жестокимъ наказаніемъ является для нея полное лишеніе одиночества. Не даромъ многіе ученые видятъ большое преимущество городского пролетаріата передъ сельскимъ въ томъ, что послѣдній лишенъ великой привиллегіи—имѣть свое жилье и стало быть возможность хоть отчасти жить своей собственной индивидуальной жизнью, возможность одиночества. Рядомъ другъ съ другомъ въ душѣ современнаго человѣка выросли противоположные инстинкты, которые въ своей полной развитой формѣ называются коммунизмъ и индивидуализмъ. Какому изъ нихъ отдать преимущество? Буржуа-либералъ высказывается за торжество индивидуализма, ради котораго онъ готовъ пожертвовать глубокими коммунистическими стремленіями современнаго человѣка, готовъ оставить частную собственность со всей свирѣпой борьбой за хлѣбъ. Интеллигентъ-демократъ, «стоящій на пролетарской точкѣ зрѣнія», настолько ослѣпленъ яркостью соціальныхъ стремленій рабочихъ массъ, что видитъ въ «пролетарской дисциплинѣ» источникъ всякой радости и готовъ ради казарменнаго благополучія пожертвовать драгоцѣнной личностью. Мы свободны отъ предразсудковъ и буржуазіи, и интеллигенціи — мы признаемъ одинаковое право за обѣими противоположными потребностями. Мы не хотимъ добиться гармоніи путемъ исключенія одного изъ борющихся элементовъ, для насъ гармонія является совсѣмъ не заманчивой мечтой. Если внутренняя борьба доставляетъ горе, она же и единственный источникъ радостей. Мы констатируемъ фактъ, что историческое развитіе создало въ насъ противоположные инстинкты, которые имѣютъ однакожъ одинаковое законное право на удовлетвореніе. Оттого мы и хотимъ на почвѣ *общественной* солидарности дать полную возможность развитію *личности*...

Пусть же вдумчивый человѣкъ пойметъ, какая нелѣпость эта утопія о всеобщемъ благополучіи!..

Мы приходимъ такимъ образомъ къ выводу, что душевное состояніе покоя и довольства, которое обычно называется счастьемъ, совершенно невозможно. Значитъ ли это, что мы идемъ на встрѣчу пессимизму—къ философіи отрицанія жизни. Нѣтъ. Мы не скажемъ вслѣдъ за Шопенгауэромъ: «лучшая судьба это не быть рожденнымъ, никогда не видѣть дня и его сіяющаго свѣтила». Полная гармонія невозможна тамъ, гдѣ въ одной и той же душѣ живутъ противоположные элементы. Во всякомъ случаѣ такая гармонія возможна только моментами, которые являются только случайностью. Но изъ этого далеко до вывода, что жизнь одно сплошное страданіе, что радость является чѣмъ-то отрицательнымъ—«отсутствіемъ страданія». Въ нашихъ глазахъ страданіе и радость одинаково реальны: радость невозможна тамъ, гдѣ ей не предшествовало страданіе и наоборотъ. Можно смѣло сказать, что чѣмъ глубже страданіе, тѣмъ глубже будетъ радость, подобно тому, какъ чѣмъ сильнѣе электрическій токъ въ электродахъ, тѣмъ ярче будетъ искра... Мѣщанской утопіей звучитъ для насъ желаніе избавить человѣка отъ горя, водворить на землѣ благополучіе и гармонію. Такой же иллюзіей кажется намъ отрицаніе радости. Кто не знаетъ, что привычное горе незамѣтно превращается въ тайный источникъ радости? Человѣкъ обладаетъ безконечной способностью приспособленія: въ самой неблагопріятной средѣ онъ всегда найдетъ какой-нибудь источникъ радости. Что же нужно ему для этого? Только одно—нужно дать возможность его внутреннимъ душевнымъ процессамъ идти своимъ чередомъ. Какъ бы ни была среда безотрадна, какъ бы ни было вокругъ сѣро и пустынно, душа постепенно приспособится къ окружающему и направитъ свои внутреннія силы въ наиболѣе благопріятную сторону. Чтобы дать человѣку возможно больше радости, есть только одинъ путь: ставить возможно меньше препятствій нашему внутреннему міру, сдѣлать возможно шире сферу соприкосновенія нашего внутренняго міра съ внѣшнимъ. Оттого самое ужасное горе для человѣка наступаетъ тамъ, гдѣ онъ искусственно изолированъ отъ всего богатаго и многообразнаго міра людей и природы и насильственно вдавленъ въ узенькую рамку тюремной жизни. Оттого же величайшая масса радостей выпадетъ на человѣческую личность, когда совершенно будутъ уничтожены всѣ искусственныя принудительныя сферы, окружающія человѣка помимо или противъ его воли, т. е. тогда, когда онъ перестанетъ быть *принудительнымъ* членомъ семьи, когда

онъ сброситъ съ себя *насильственныя* узы гражданства въ отечествѣ, когда онъ сброситъ съ себя цѣпи *обязательной*, внѣшне-принудительной религіозной и даже общественной солидарности, словомъ, когда человѣкъ вездѣ и всегда будетъ сталкиваться со своимъ же братомъ—*человѣкомъ* и своей матерью—природой. Нашъ выводъ ясенъ: величайшая радость, величайшая сумма наслажденій создается не уничтоженіемъ тѣхъ или иныхъ «дисгармоничныхъ» элементовъ и не реакціонной попыткой примиренія борющихся противоположностей, а, наоборотъ, возможно большей свободой борьбы. Отсюда нашъ другой выводъ: оставьте всякое попечительство о чужомъ благополучіи, никто въ немъ не нуждается: горе и радость всегда внутри насъ. Дайте же человѣку полную возможность самому стремиться къ тому, что *онъ* называетъ своей радостью. Своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ вы не только не приближаете его къ цѣли, но ослабляете, омрачаете эту самую радость. Мы приходимъ къ полному отрицанію какого бы то ни было внѣшняго авторитета, безразлично какими бы прекрасными фразами онъ ни оправдывался и въ какія мантіи ни драпировался.

V.

Авторитетъ.

Отрицаніе всякаго внѣшняго авторитета ставитъ намъ важный вопросъ: возможно ли неавторитарное общество?

Всякое общество, по существу, въ объективномъ отношеніи есть не что иное какъ опредѣленная форма сотрудничества. А всякое сотрудничество предполагаетъ одновременную коллективную дѣятельность. Эта коллективная дѣятельность однако не принадлежитъ одному какому-нибудь организму (ибо общество не есть само по себѣ нѣчто цѣлое, органическое), а составляется изъ комбинированныхъ дѣйствій отдѣльныхъ личностей. Возникаетъ проблема: какимъ образомъ вызвать комбинированную коллективную дѣятельность, когда каждая личность мыслитъ и дѣйствуетъ индивидуально и когда общество не имѣетъ единаго мыслящаго органа, который могъ-бы *непосредственно* вызвать желанные коллективные акты. Проблема рѣшается двояко.

Можно создать *надъ* сотрудничающими личностями какой-нибудь опредѣленный органъ, одаренный единой волей, единымъ сознаніемъ и этому органу дать право толкать сотрудничающихъ къ опредѣленнымъ актамъ, независимо отъ тѣхъ умственныхъ, волевыхъ процессовъ, которые происходятъ въ психикѣ индивидовъ. Это обстоятельство разрѣшаетъ вполнѣ противорѣчіе, которое вызывается индивидуальностью мышленія и коллективностью работы. Но противорѣчіе это, собственно говоря, не примиряется, не гармонируется, а достигается чисто искусственнымъ путемъ—уничтоженіемъ одного изъ противорѣчивыхъ элементовъ, а именно: индивидуальнаго мышленія. Индивидуальное мышленіе стоитъ на пути коллективному сотрудничеству и его просто на просто стираютъ. Борьба, понятно, исчезаетъ, но за то извращается весь нормальный естест-

венный ходъ органичеекой жизни индивида. Опытъ и наука учатъ насъ, что акты индивидовъ могутъ быть прямымъ слѣдствіемъ сознательныхъ или несознательныхъ процессовъ, т. е. могутъ прямо вытекать изъ нашей сознательной воли или совершаться внѣ ея, помимо ея, но не *противъ* нея. Акты, явно противорѣчащіе волѣ дѣйствующаго, разрушаютъ основу нормальной органической дѣятельности и являются поэтому чѣмъ-то безусловно отрицательнымъ для развитія жизни. Что такое въ сущности смерть? Вѣдь процессы, совершавшіеся въ организмѣ, элементы, составлявшіе его, не уничтожились, не исчезли, исчезла только та внутренняя связь, та камбинація процессовъ, которая создавала нѣчто опредѣленное, цѣлостное, индивидуальное... Смерть есть только уничтоженіе этого индивидуальнаго. Вмѣшательство внѣшней воли во внутреннюю жизнь индивида совершаетъ аналогичную работу: оно разрываетъ внутреннюю необходимую связь между волей и дѣятельностью, разрушаетъ въ настоящемъ смыслѣ слова индивидуальность подобно смерти: оно приноситъ поэтому *частичную* смерть. Если представить себѣ мысленно такую организацію сотрудничества, при которой такое вмѣшательство внѣшней организованной волей совершается безпрерывно и повсемѣстно, то можно смѣло сказать, что оно произвело бы тѣ же результаты, какъ и настоящая физическая смерть. На самомъ дѣлѣ немыслимо такое абсолютное подчиненіе индивидуальности коллективному органу, оттого и частична разрушительная работа внѣшняго механическаго давленія на нашу волю со стороны внѣшней воли, организующей сотрудничество.

Исторія и подтверждаетъ вполнѣ нашу мысль, что авторитарное рѣшеніе проблемы сотрудничества есть вѣчная угроза развитію жизни. Авторитарныя общества всегда являли образецъ неподвижности и полной неспособности развитія. Авторитетъ можетъ использовать болѣе или менѣе цѣлостно имѣющуюся къ данномъ обществѣ массу энергіи, можетъ наилучшимъ способомъ приспособить, комбинировать уже имѣющіяся индивидуальныя силы, но онъ безсиленъ *развивать* общество, такъ какъ онъ убиваетъ основной источникъ всякаго развитія—индивидуальное сознаніе, индивидуальность.

Но кромѣ авторитарнаго типа организаціи сотрудничества возможенъ и другой, противоположный типъ. Вмѣсто того, чтобы достигнуть чисто механическаго единства дѣйствія путемъ полнаго или частичнаго уничтоженія противорѣчія между индивидуальными сознаніями, индивидуальными волями, можно, наоборотъ, стремиться къ гармонизированью этихъ воль по-

стольку, поскольку это необходимо для коллективной работы. Вмѣсто того, чтобы одной внѣшней волѣ предоставить возможность подавлять всѣ остальныя индивидуальныя воли, можно самимъ этимъ волямъ дать возможность *извнутри* самихъ себя создать дѣйствительную коллективную волю, т. е. выдѣлить то общее, что было во всѣхъ индивидуальностяхъ, участвующихъ въ сотрудничествѣ. Результатъ—коллетивный актъ—будетъ тотъ же, но способъ принципіально противоположный. Свободное соглашеніе, въ противоположность авторитету, не только не убиваетъ личности, не только не уничтожаетъ возможноети развитія, но и строится на личности и является постояннымъ импульсомъ къ развитію.

Авторитетъ и свободное соглашеніе суть два принципа, лежащіе въ основѣ всѣхъ историческихъ обществъ. Общество, основанное на авторитетѣ, есть государотво. Общество, построенное на свободномъ соглашеніи, есть анархія. Каковъ характеръ будущаго общества? На этотъ вопросъ мы сможемъ отвѣтить только тогда, когда мы объяснимъ себѣ, почему всѣ историческія общества были болѣе или менѣе авторитарными. Если окажется, что авторитарный принципъ поддерживался опредѣленными усковіями жизни, отсутствіе которыхъ для насъ въ будущемъ обществѣ несомнѣнно, этимъ самымъ будетъ рѣшенъ глубокій и важный вопросъ: идемъ ли мы къ государственной или анархической организаціи жизни.

Авторитарные органы никогда не являются органами простого голаго насилія. Хотя въ основѣ всякаго авторитета всегда лежитъ это самое моханическое насиліе надъ волею личности, все-таки всякій авторитетъ нуждается въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ рамкахъ дѣйствія. Авторитарная регламентація всей жизни личности немыслима. Оттого интересы самого авторитета требуютъ хотя бы нѣкотораго разграниченія сферы своего вмѣшательства и области индивидуальной свободы. Выражаясь юридическимъ языкомъ, всякій авторитетъ для обезпеченія своего нормальнаго функціонированья нуждается въ опредѣленной *системѣ права*.

Чтожъ такое право*)? Современныя юридическія школы отвѣчаютъ: право есть норма, разграничивающая интересы. Наши потребности направляются всегда на какую-нибудь опредѣленную вещь или на какую-нибудь услугу. Такъ какъ на

*) Здѣсь вездѣ рѣчь идетъ о правѣ не въ субъективномъ, а въ объективномъ смыслѣ, о такъ называемомъ положительномъ правѣ.

вещи или услугѣ часто сталкиваются потребности различныхъ индивидовъ, то неизбѣжна борьба. Эта борьба за интересъ и создаетъ право. Въ этомъ смыслѣ всякая правовая норма является какъ бы пограничной линіей между враждующими, борющимися интересами. Право ставитъ себѣ цѣлью какъ бы поддерживать дружественный нейтралитетъ воюющихъ интересовъ.

Но отдѣльные мелкіе однородные интересы всегда вытекаютъ изъ какого-нибудь одного общаго болѣе крупнаго интереса. Борьба за болѣе широкую сферу интересовъ создаетъ цѣлостную группу правовыхъ нормъ—то, что юристы называютъ правовымъ институтомъ.

Наконецъ, всѣ болѣе или менѣе широкія группы интересовъ во всякомъ обществѣ вытекаютъ изъ какого-нибудь одного основного интереса. Борьбу за этотъ послѣдній и выражаетъ собою система права въ цѣломъ.

Исторія права даетъ намъ рядъ такихъ системъ права, болѣе или менѣе отличающихся другъ отъ друга. Классическое право было построено на фундаментѣ рабства. Передъ нами феодальное право съ крѣпостничествомъ въ основѣ. Наконецъ современное буржуазное право построено на фундаментѣ частной собственности. Всѣ эти системы права довольно рѣзко отличаются одна отъ другой. Авторитарный мыслитель можетъ на этомъ основаніи разсуждать такъ: всѣ донынѣ бывшія историческія общества строились на какой-нибудь правовой системѣ, которая служила, такъ сказать, рамками, въ которыхъ развивалась экономическая жизнь даннаго общества. Когда эти рамки становились слишкомъ узкими для развитія экономической жизни общества, старая правовая система замѣнялась новою. Отсюда стороникъ авторитета сдѣлаетъ выводъ, что и современное буржуазное право подлежитъ замѣнѣ его болѣе широкой правовой системой, которая могла бы болѣе точно вмѣстить развившіяся производительныя силы современнаго міра. Но право само по себѣ должно остаться, потому что безъ права, безъ системы общихъ и обязательныхъ нормъ невозможно никакое сотрудничество. Необходимъ поэтому и авторитетъ, какъ внѣшнее конкретное выраженіе абстрактнаго права; необходимъ авторитетъ, какъ дамокловъ мечъ, висящій надъ всякой попыткой перешагнуть черезъ порогъ священнаго права. Такъ дѣйствительно разсуждаютъ всѣ послѣдовательные авторитаристы, «отъ папы до Маркса», по выраженію Ньювенгейса, отъ господъ россійскихъ министровъ до господъ россійскихъ «революціонныхъ» соціальдемократовъ.

Но такъ ли это? Нужно раньше всего внимательно всмотрѣться въ условія жизни всѣхъ историческихъ авторитарныхъ обществъ и спросить себя: какой основной фактъ лежитъ въ ихъ жизни, какое основное обстоятельство порождало, стало быть, необходимость той или иной опредѣленной системы права. Если мы съ этой точки зрѣнія просмотримъ всю исторію человѣчества со времени первобытныхъ общинъ, мы вездѣ наталкиваемся на одинъ и тотъ же глубокій по своей важности и трагизму фактъ: *производитель вездѣ отдѣленъ отъ своего орудія.* Вотъ этотъ-то основной фактъ и *только* онъ, а не интересы развитія производительныхъ силъ, до сихъ поръ лежалъ въ основѣ права. Всѣ разновидности общественныхъ организацій представляютъ только различныя проявленія одного и того же неумолимаго факта—разрыва между работникомъ и его орудіемъ труда. Всѣ историческія системы права только выражаютъ и *санкціонируютъ* этотъ разрывъ.

Было время, когда человѣческія орудія были крайне примитивны, когда главнымъ факторомъ производства былъ самъ человѣкъ. Тогда, чтобы овладѣть факторомъ, нужно было овладѣть личностью самого работника, необходимо было порабощеніе самого трудящагося. Въ такія эпохи работникъ и рабъ синонимы, работникъ есть только «звучащее орудіе (instrumentum vocale). Система права, которая въ такомъ обществѣ желаетъ санкціонировать отдѣленіе работника отъ его орудія, должна санкціонировать и рабство этого работника, потому что въ такомъ обществѣ рабство и работа неразрывны при сохраненіи принципа эксплуатаціи. Оттого-то древніе философы, которые всѣ были членами эксплуататорскаго класса, не могли найти никакого исхода изъ заколдованнаго круга.

Съ теченіемъ времени, когда пріобрѣтаетъ большое значеніе въ качествѣ фактора производства земля, эксплуатирующій классъ находитъ возможнымъ добиться той же цѣли другимъ путемъ. Нѣтъ надобности теперь привязать работника къ самой личности хозяина, достаточно оторвать его юридически отъ главнаго средства производства—земли и въ то же время не дать работнику права оставлять мѣстожительство своего господина. Въ крѣпостническомъ обществѣ право должно принять форму феодализма.

Наконецъ, настаетъ совершенно новая эпоха: разрослись до грандіозныхъ размѣровъ производительныя силы, земля перестала быть господствующимъ факторомъ—это мѣсто заняла машина. Что нужно теперь для охраны интересовъ эксплуатаціи? Теперь безсмысленно и излишне не только привязать ра-

ботника къ личности хозяина, безполезно даже навязывать ему опредѣленное мѣстожительство, вполнѣ достаточно оторвать работника отъ земли и машины и дать ему «волю»... Нечего опасаться, что рабочій человѣкъ «разлѣнится» оттого, что сорваны рабскія и крѣпостническія цѣпи: имъ на смѣну буржуа выковалъ болѣе жестокія и болѣе подлыя цѣпи новаго рабства, которыя по своей тягости превосходятъ все, что до сихъ поръ пережилъ многострадальный рабочій народъ... Зачѣмъ прямо и грубо принуждать работника къ труду, когда невидимая и безпощадная сила все равно толкаетъ его въ каторжную мастерскую? Эта сила—царь голодъ. Чтобы голодъ заставлялъ работника служить интересамъ эксплуатаціи, а не собственной личности, нужно только умѣло провести тонкую линію, подобно заколдованному кругу между работникомъ и средствами его труда. Эта круговая линія и называется буржуазнымъ правомъ, правомъ частной собственности.

Спрашивается: развѣ будущее общество не представляетъ собою рѣзкаго разрыва со всей «предварительной» исторіей человѣчества? развѣ не убивается на смерть та гидра, которая до сихъ поръ всегда была причиной всѣхъ соціальныхъ бѣдствій человѣка, гидра, отдѣлявшая работника отъ его орудія? Разъ работникъ становится собственникомъ своихъ орудій труда, спрашивается, что выпадаетъ на долю права? Что должна дѣлать будущая система права, когда основа ея—борьба за противоположные интересы совершенно исчезаетъ? Вдумаемся хотя бы въ общественный строй первобытныхъ коммунистическихъ общинъ. Почему тогда не чувствовалась потребность въ какой нибудь данной правовой системѣ? На этотъ вопросъ нѣтъ, кажется, другого отвѣта, кромѣ одного: производитель не былъ отдѣленъ отъ средствъ производства, не было основной причины всякой борьбы за интересы, не было почвы и для права. Что касается необходимыхъ для коллективной дѣятельности болѣе или менѣе опредѣленныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ актовъ, то потребности борьбы за существованіе сами естественно и незамѣтно соотвѣтственнымъ образомъ вліяли на психику индивидовъ, создавались обычаи, которые связывали членовъ общины болѣе тѣсно, чѣмъ самые жестокіе драконовскіе законы.

Сторонники авторитета намъ могутъ сказать: дѣйствительно исчезнетъ тотъ основной антагонизмъ, который до сихъ поръ былъ основою права—антагонизмъ между работникомъ и владѣльцемъ орудія труда. Зато рождается новый антогонизмъ между личностью и обществомъ. Это новое противорѣчіе поро-

дитъ новую борьбу, которую необходимо уложить въ извѣстныя рамки. Потребность въ системѣ общихъ и болѣе или менѣе постоянныхъ, обязательныхъ нормъ неизбѣжно такъ или иначе создастъ новую систему права.

Это возраженіе имѣетъ только внѣшній характеръ научности. Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ можетъ состоять антагонизмъ между личностью и обществомъ? Если дѣло въ томъ, что въ свободномъ обществѣ особенно сильно разовьются личные вкусы, личныя потребности, которыя будутъ безпрерывно сталкиваться, то развѣ въ этомъ заключается какая-нибудь угроза для существованія общества? Очевидно, не въ духовной области лежитъ опасность столкновенія между личностью и обществомъ: рѣчь, очевидно, идетъ о матеріальной области жизни, о производствѣ. Но и здѣсь возраженіе нашихъ противниковъ совершенно несостоятельно. Они всецѣло находятся подъ вліяніемъ чисто буржуазныхъ понятій, созданныхъ современными условіями жизни. Въ глубокую древность, даже сравнительно дальновидные люди полагали, что уничтоженіе рабства есть уничтоженіе самой общественной жизни. Значительно позже крѣпостники болѣе или менѣе искренно вѣрили, что освобожденіе крѣпостныхъ есть уничтоженіе всякой общественной работы, такъ какъ «разлѣнившіеся» крестьяне, освободившись отъ спасительной палки помѣщика, совершенно откажутся работать. Тѣ же рѣчи повторяются и теперь по поводу освобожденія работника отъ буржуазнаго рабства. Люди съ узкимъ кругозоромъ, неспособные понять дѣйствительные мотивы человѣческой дѣятельности, боятся оторваться отъ современныхъ общественныхъ отношеній, выйти изъ рамокъ современнаго міра. Они не смѣютъ спросить себя: неужели палка и плеть дѣйствительно абсолютно необходимы для существованія общества, для коллективной работы? Нѣтъ ли какихъ нибудь другихъ мотивовъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ страхъ наказанія? Еслибы они глубже и свободнѣе отнеслись къ этимъ важнымъ вопросамъ, они пришли бы къ совсѣмъ иному рѣшенію; они увидѣли бы, что работа сама по себѣ никогда не отталкивала человѣка. Что такое, собственно, работа, какъ не инстинктивное, необходимое проявленіе внутреннихъ психическихъ процессовъ? Что такое наслажденіе, какъ не та или иная трата, въ той или иной формѣ накопившейся энергіи? Величайшія муки происходятъ не отъ самой работы, а отъ слишкомъ долгой, нежеланной работы, иногда же еще больше отъ *отсутствія* желанной работы. Наслаждаться, собственно говоря, значитъ дѣйствовать, работать, т. е. преобразовывать внѣшнюю среду соот-

вѣтственно внутреннимъ потребностямъ. Не будь *этого* вѣчнаго внутренняго импульса къ работѣ, никакіе авторитеты не могли бы сдерживать узы общественной жизни. До сихъ поръ дѣятельность авторитарныхъ органовъ состояла, собственно, не въ томъ, что они *создавали* какіе-нибудь новые человѣческіе мотивы къ работѣ,—нѣтъ! они только своеобразно *эксплуатировали* естественные мотивы, заложенные въ органической жизни человѣка. Вмѣсто того, чтобы дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка направлялась его собственными личными мотивами, ее подчинили властной волѣ авторитета; но дѣятельность самихъ носителей авторитета опредѣлялась все таки ихъ личными мотивами. Отрицатели всякаго авторитета, анархисты, не имѣютъ претензіи создать, сочинить какой-нибудь новый импульсъ къ работѣ. Наоборотъ, они хотятъ уничтожить тотъ искусственный мотивъ, который господствующій классъ навязываетъ трудящимся, мотивъ страха наказанія, и хотятъ распространить на всѣхъ трудящихся тотъ принципъ, который лежитъ въ основѣ дѣятельности привиллегированныхъ классовъ,—принципъ личнаго самоопредѣленія. Такимъ образомъ уничтоженіе всякой власти нисколько не посягаетъ на тѣ естественные, неискоренимые инстинкты, которые толкаютъ человѣка къ работѣ. Всѣ люди, какъ и всѣ живыя существа, желаютъ жить. Жить же—значитъ работать. Поэтому и въ будущемъ обществѣ основой общественной жизни будетъ коллективная работа. Но подобно тому какъ общественный трудъ создается изъ свободнаго объединенія личныхъ работъ, такъ и общественная воля создастся изъ свободнаго сліянія личныхъ воль. Общество по прежнему будетъ сотрудничествомъ, но свободнымъ сотрудничествомъ.

VI.

Коллективизмъ и коммунизмъ.

Нелѣпо заниматься подробнымъ разрисовываніемъ картины будущаго. Не только трудно, но и невозможно предвидѣть *частности* будущей идеальной организаціи человѣчества. Но такъ же нелѣпо думать, что полное невѣжество относительно *основъ* будущей жизни является добродѣтелью. Мы не можемъ и не должны загадывать обо всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ грядущаго міра, но мы можемъ и должны изучить его основныя, крупныя черты. Я скажу болѣе: безъ точнаго и яснаго пониманія основъ будущаго свободнаго общества невозможна никакая плодотворная революціонная дѣятельность. Мирные реформаторы и оппортюнисты всѣхъ мастей могутъ презрительно пожимать плечами, когда отъ нихъ требуютъ болѣе яснаго опредѣленія ихъ идеала: такая работа для нихъ безполезная роскошь, ибо вся ихъ практическая дѣятельность только муравьиное реформированіе частностей современнаго міра. Они не разрушаютъ и не стремятся разрушить фундамента капитализма и классового деспотизма, они хотятъ только придать ему новую, болѣе мягкую форму. Зачѣмъ же заниматься такимъ «соціалистамъ» анализомъ будущаго общества? Зачѣмъ имъ тратить время на эту безполезную «музыку будущаго»?

Иной характеръ носитъ положеніе революціонныхъ соціалистовъ, т. е. анархистовъ. Кто стремится къ полному и *немедленному* разрушенію современнаго экономическаго, политическаго и духовнаго рабства, обязанъ ясно указать, во имя чего осудилъ онъ современную цивилизацію и куда хочетъ онъ вести человѣчество. Сдѣлать это не только его моральная обязанность, но и политическая необходимость. Какъ можно выработать дѣльную тактику, не зная, куда она должна привести насъ? Остановимся же на основныхъ чертахъ будущаго рабочаго общества.

Раньше всего мы должны поставить себѣ вопросъ: какова будетъ грядущая форма собственности? Трудно переоцѣнить значеніе этого вопроса, ибо форма собственности есть краеугольный камень всякаго общественнаго строя. Ни одно общество не можетъ жить, не опредѣливъ точно и ясно, кто долженъ владѣть орудіями труда, ибо владѣлецъ орудіями труда есть руководитель производства и распорядитель народнаго богатства. Иначе говоря, всякое общество должно установить свою форму собственности.

Современная частная форма собственности гласитъ, что орудія производства и продукты труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Когда производство было мелкимъ, когда каждый ремесленникъ работалъ одинъ у себя на дому, принципъ частной собственности былъ умѣстнымъ и относительно справедливымъ. Онъ давалъ возможность каждому трудящемуся наслаждаться дѣломъ собственныхъ рукъ. Когда люди работаютъ отдѣльно, въ одиночку, они, естественно, владѣютъ своими орудіями такъ же врозь, и неизмѣнно продукты становятся частной собственностью производителей. Должно ли это такъ быть—трудно сказать. Но фактъ таковъ: во всемъ мірѣ, у всѣхъ народовъ торжество мелкаго, мнѣ хотѣлось бы сказать, частнаго производства вызвало къ жизни частную форму собственности.

Но съ тѣхъ поръ круто измѣнились обстоятельства. Не только исчезли одиночки-ремесленники, но и мелкія мастерскія давно уступили первенствующее мѣсто крупнымъ фабрикамъ и заводамъ; маленькія лавочки вытѣсняются громадными магазинами съ тысячами наемныхъ служащихъ. Можно смѣло сказать, что никогда не исчезнетъ совершенно мелкое производство и мелкая торговля, какъ это думалъ Марксъ. Крупное машинное производство никогда не сможетъ совершенно замѣнить ручной трудъ, крупный магазинъ не сможетъ цѣликомъ вытѣснить маленькую лавочку. Но тѣмъ не менѣе, всякій долженъ признать, что производство и обмѣнъ пережили рѣзкую перемѣну: они получили общественный характеръ. Общество не состоитъ уже изъ отдѣльныхъ одинокихъ ремесленниковъ и одинокихъ лавочниковъ-посредниковъ. Оно распадается теперь на громадное количество *группъ работниковъ*, *ассоціацій*: вѣдь каждая фабрика, заводъ, мастерская, магазинъ, копь, желѣзная дорога, почта, контора есть не что иное, какъ ассоціація работниковъ. И всѣ эти неисчислимыя массы рабочихъ ассоціацій тѣснѣе связаны другъ съ другомъ, чѣмъ въ прежнія времена одинокіе ремесленники. Ни одна ассоціація не можетъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ. Это значитъ, что, по существу, всѣ ас-

соціаціи составляютъ одну грандіозную Ассоціацію Работниковъ. И что же? Трудъ сталъ общественнымъ, ассоціативнымъ, а частная форма собственности осталась. Во главѣ каждой рабочей ассоціаціи стоитъ частное лицо—капиталистъ и деспотически грабитъ у нея продуктъ *ея* труда. Продуктъ всеобщаго труда, продуктъ всей всемірной Рабочей Ассоціаціи становится собственностью не всей Ассоціаціи, а совершенно посторонняго лица, ненужнаго и вреднаго въ производствѣ. Устранить это безуміе и спасти общество отъ вырожденія и смерти есть первая и главная задача рабочаго человѣчества. Но тутъ то возникаетъ нашъ вопросъ: чѣмъ именно замѣнить частную собственность? Какова должна быть грядущая форма собственности? На этотъ вопросъ соціаль-демократы и анархисты даютъ два различныхъ отвѣта. Одни говорятъ: средства производства должны быть переданы Государству, другіе хотятъ сдѣлать собственникомъ всѣхъ богатствъ само общество. Одни, стало быть, хотятъ замѣнить частную собственность государственной, другіе хотятъ ввести общественную (или коммунистическую) собственность. Между этими двумя взглядами такая же бездна, какъ между правительствомъ и обществомъ, между бюрократіей и народомъ.

Сдѣлать государство собственникомъ средствъ производства это значитъ, на первомъ планѣ, сдѣлать правительство распорядителемъ производства и распредѣленія. По плечу ли ему такая задача? Въ настоящее время есть одна область, которая несомнѣнно является спеціальной задачей государства—это военное дѣло. И что же? Дадимъ себѣ трудъ всмотрѣться въ то, какъ справляется оно со своей исключительной обязанностью. Примите во вниманіе, что въ военномъ дѣлѣ государство абсолютно устранило частную конкуренцію и потому является неограниченнымъ хозяиномъ своей отрасли промышленности. Вспомните также, что государство своей неограниченной властью надъ страной пользуется такими исключительно благопріятными условіями, какія и сниться не могутъ самому сильному капиталисту. Ко всему этому прибавьте ту желѣзную дисциплину, которая наложена на органы государства. Теперь спросите себя: какъ справляется оно съ своимъ дѣломъ? Пусть честный человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ военнымъ дѣломъ, скажетъ, есть ли какая-нибудь отрасль промышленности, которая была бы въ такомъ дурномъ состояніи? Военная техника безконечно отстаетъ всегда и вездѣ и обходится такъ непомѣрно дорого, что самый могучій трэстъ раззорился бы; государство же способно выдержать бремя только благодаря своей неограниченной тиранической власти надъ трудомъ и свободой граж-

данъ. Представимъ себѣ теперь на минуту, что государство должно заботиться не объ одномъ производствѣ военныхъ принадлежностей,а должно производить всѣ необходимые продукты жизни: пищу, одежду, жилище, пути сообщенія, сырые продукты, машины, предметы роскоши, доставлять освѣщеніе и отопленіе, завѣдывать наукой и искусствомъ и т. д., и т. д. Но производить мало—нужно распредѣлить продукты. Милліарды продуктовъ должны быть доставлены милліонамъ людей. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, по силамъ ли такая грандіозная задача какому бы то ни было правительству, даже геніальнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей. Теперь мы разсмотримъ только экономическую сторону вопроса: мы спрашиваемъ всякаго вдумчиваго пролетарія: выгодно ли нашему классу ввести такую систему собственности? Не раззоритъ ли она общество? Представляетъ ли она значительный прогрессъ въ сравненіи съ современной системой капитализма?

Когда соціаль-демократамъ ставятъ эти неумолимые вопросы, они, понятно, не находятъ никакого прямого отвѣта и тотчасъ же ссылаются на то, что будущее государство должно быть совсѣмъ иного характера, чѣмъ современное. Съ этимъ мы охотно согласимся. Буржуазное государство сильно отличается отъ феодальнаго, которое въ свою очередь далеко не совпадало съ классическимъ или восточнымъ. Безъ сомнѣнія, соціалистическое государство потеряетъ многія черты, характерныя для буржуазной эпохи и пріобрѣтетъ новыя особенности. Но государство подъ всѣми формами сохраняетъ опредѣленныя черты. 1) Оно всегда есть организація *власти*, т. е. принудительный органъ, издающій законы, судящій на ихъ основаніи и карающій за ихъ нарушеніе. 2) Оно всегда стремится къ строжайшей *централизаціи*. 3) Оно всегда по необходимости опирается на *бюрократію* т. е. цѣлую армію государственныхъ агентовъ. Именно послѣдняя черта, его бюрократизмъ, насъ и интересуетъ здѣсь. Мы и утверждаемъ, что какова бы ни была организація бюрократіи, она не можетъ справляться съ такой широкой, непосильной задачей, какъ организація многосложнаго производства. Исключительно съ точки зрѣнія *экономической* цѣлесообразности мы говоримъ, что государственная форма собственности тягостна и обременительна для рабочаго класса едва ли не до такой же степени, какъ современная частная собственность. Не только бюрократія крайне плохой и расточительный хозяинъ, но она по необходимости въ численномъ отношеніи достигнетъ небывалаго развитія. Подумайте только, сколько милліоновъ чиновниковъ понадобилось бы соціалистической

странѣ, когда каждая фабрика, каждая мастерская, каждая контора, каждый магазинъ, каждая ячейка экономическаго организма должна была бы имѣть своего чиновника и даже, быть можетъ, не одного. Теперь бюрократія владѣетъ нѣсколькими только, сравнительно незначительными отраслями промышленности; а цыфра чиновниковъ положительно достигаетъ уже подавляющихъ размѣровъ. До какой же фантастической степени дорастетъ бюрократія, когда она должна будетъ регулировать рѣшительно *всѣ* стороны жизни? Не трудно представить себѣ, какую громадную долю народнаго труда будетъ уничтожать эта бюрократическая саранча. Будетъ ли эта подать, подать народа безполезной и неспособной бандѣ правителей—меньше той прибавочной цѣнности, которую теперь взымаетъ буржуазія,—очень серьезный и трудный вопросъ. Бросьте взглядъ на исторію экономической роли государства, и вы убѣдитесь, какъ расточительно и бездарно его хозяйничанье. За примѣрами намъ не зачѣмъ отправляться ни въ таинственный Востокъ, который зачахъ въ тяжелыхъ тискахъ государственной команды, ни въ шумную Элладу, которая стремительно шла въ бездну ничтожества, безсилія и бѣдности параллельно росту экономическаго значенія государства; ни въ холодный Римъ, который палъ подъ тяжестью государственнаго бремени. Даже средніе вѣка намъ не зачѣмъ звать на судъ, хотя исторія городскихъ общинъ показываетъ съ поразительной яркостью, какую мертвящую роль сыграло государство въ исторіи культуры. Нѣтъ! Возьмемъ болѣе близкіе и болѣе прозаическіе примѣры изъ доступной намъ современности: присмотримся къ экономическимъ результатамъ такъ называемыхъ государственныхъ монополій. Для всѣхъ не завѣдомо слѣпыхъ и не завѣдомо продажныхъ людей въ настоящее время ясно, что сдѣлать какую-нибудь отрасль промышленности государственной монополіей значитъ почти неизбѣжно довести ее до самой низкой степени состоянія. Поразительные примѣры доставляютъ табачная монополія во Франціи, водочная монополія въ Россіи, спичечная монополія во многихъ странахъ. Общая характерная черта государственной монополіи: самая дорогая цѣна за самый плохой продуктъ. Въ этомъ отношеніи государственная монополія гораздо хуже монополіи капиталистическаго трэста. Трэстъ все таки гонится за прибылью, стало быть, долженъ считаться съ интересами публики и никогда почти не можетъ совершенно устранить конкуренцію. Государство же прикрыто недоступнымъ щитомъ авторитета, власти и абсолютнаго господства. Противъ трэста можно бороться посредствомъ бойкота или стачекъ, а въ отно-

шеніи государства такая борьба есть и по необходимости *всегда будетъ* государственнымъ преступленіемъ. Иногда указываютъ въ защиту бюрократическаго соціализма на почты, желѣзныя дороги, лѣсоводство. Несомнѣнно, что капиталистическое хозяйничанье иногда сопровождается такимъ безсовѣстнымъ хищничествомъ, что даже бюрократическая опека можетъ представляться нѣкоторымъ шагомъ впередъ. Но такіе примѣры говорятъ противъ капитализма, но не за государственный соціализмъ. Если же присмотрѣться ближе, то не трудно и тутъ замѣтить, какъ дорого обходится народу это благодѣтельное начальство. По серьезнымъ вычисленіямъ ученыхъ пересылка письма государственной почтой стоитъ по меньшей мѣрѣ въ три-четыре раза дороже того,*) сколько она стоила бы при свободной конкуренціи даже въ капиталистическомъ обществѣ. А непомѣрная высота желѣзно-дорожныхъ тарифовъ—общеизвѣстный фактъ. При этомъ нужно замѣтить, что желѣзно-дорожное дѣло есть одна изъ исключительныхъ отраслей промышленности, которая допускаетъ только ограниченную конкуренцію. Ясно, какъ мало говорятъ даже эти ничтожные примѣры въ пользу государственнаго соціализма.

Противъ всего этого соціаль-демократы иногда пускаютъ въ дѣло очень находчивый аргументъ: они прячутся подъ щитъ исторической необходимости. Они пытаются увѣрить насъ, что они и сами то не рады чудовищному росту государственной машины, но что подѣлаешь? Такова историческая необходимость: государство *должно* стать на мѣсто современной буржуазіи. Рабство было прогрессомъ сравнительно съ прежнимъ людоѣдствомъ и войной всѣхъ противъ всѣхъ. Крѣпостничество смягчило положеніе рабовъ. Капитализмъ является новымъ шагомъ впередъ. Почему же не допустить коллективизма, какъ опредѣленной ступени въ историческомъ развитіи? Можетъ быть коллективизмъ впослѣдствіи и смѣнится анархизмомъ, но теперь онъ историческая необходимость. Эта пресловутая «историческая необходимость» сбиваетъ съ толку не одного простодушнаго пролетарія. О ней стоитъ сказать нѣсколько словъ.

«Научные» соціалисты увѣряютъ насъ, профановъ, что крѣпостничество было исторической необходимостью. Представьте себѣ, ученые товарищи наши, что вы случайно живете въ эпоху паденія Римской Имперіи, въ ту эпоху, когда рабство переходило въ крѣпостничество. Что вы дѣлали бы тогда? Передъ

*) «A Plea for Liberty» edited by Thomas Mackay, pp 305—329

вами двѣ дороги: вы можете, опираясь на вашу историческую необходимость крѣпостничества, приглашать рабовъ мирно и законно эмансипироваться отъ рабства посредствомъ перехода въ крѣпостное состояніе; но вы можете также стать на классовую точку зрѣнія рабовъ и требовать полной и немедленной воли со всѣми средствами производства въ придачу. По какой дорогѣ вы пошли бы? Есть много шансовъ за то, что ваше народолюбіе, революціонность и прочее спасовали бы передъ «исторической необходимостью» помочь «бѣднымъ» рабовладѣльцамъ и спасти отъ раззоренія «народное» хозяйство, хотя бы на счетъ свободы, здоровья и счастья трудящихся массъ. Въ пользу нашей догадки говоритъ ваша тактика въ современную намъ Русскую Революцію. Развѣ вы не отказались отъ соціализма и не стали на защиту буржуазной революціи во имя той же исторической необходимости демократіи? Развѣ вы насъ—анархистовъ не клеймите самой грязной клеветой только за то, что мы не хотѣли считаться съ «исторической необходимостью» господства буржуазіи до дня второго пришествія, когда вы окажетесь парламентскимъ большинствомъ? за то, что мы твердо, неуклонно и до конца отстаивали интересы наемныхъ рабовъ? Но допустимъ, что у васъ не хватило бы безстыдства бороться за установленіе крѣпостничества. Допустимъ, что вы разсуждали бы такъ. Въ интересахъ рабовладѣльцевъ смѣнить устарѣлое и невыгодное рабство болѣе выгоднымъ крѣпостничествомъ, но за то интересы рабовъ идутъ въ сторону полнаго освобожденія труда на основѣ общественной собственности. Какъ представители труда, мы будемъ звать рабовъ къ полному освобожденію. Возможно, что ваша проповѣдь нашла бы такой живой откликъ въ сердцахъ рабовъ, что ихъ грандіозная армія совершенно разбила бы цѣпи рабскія и крѣпостническія. Возможно, что классъ рабовъ вынужденъ былъ бы послѣ яростной битвы помириться на личной свободѣ безъ средствъ производства. Возможны сотни различныхъ исходовъ борьбы, но каждый изъ нихъ одинаково исторически необходимъ. Выходитъ, стало быть, что историческая необходимость есть не что иное какъ фактическій результатъ дѣйствительной борьбы классовъ, а не нѣчто фатальное, напередъ предназначенное Верховнымъ существомъ—божественной исторіей. Возвратимся къ нашему вопросу.

Есть ли коллективизмъ историческая необходимость? Это предположеніе основано на томъ незначительномъ фактѣ, что *нѣкоторыя* отрасли промышленности въ *нѣкоторыхъ* странахъ перешли изъ рукъ частныхъ капиталистовъ въ руки коллектив-

наго капиталиста—буржуазнаго государства. Но что доказываетъ этотъ фактъ? Только одно: что общіе интересы буржуазіи въ цѣломъ иногда противорѣчатъ частнымъ интересамъ отдѣльныхъ буржуа, и потому буржуазное готударство должно иногда положить предѣлы ненасытной и безразсудной алчности частнаго капиталиста въ такихъ, напримѣръ, отрасляхъ труда, какъ лѣсоводство. Возможно, что съ теченіемъ времени такихъ отраслей будетъ все больше и больше. Это покажетъ, что интересы буржуазіи какъ класса требуютъ расширенія власти государства, все большаго огосударствленія производства. Но таковы-ли интересы рабочихъ городскихъ и сельскихъ? вотъ вопросъ. Мы говоримъ открыто и ясно: интересы пролетаріата состоятъ только въ одномъ—въ полномъ и немедленномъ ниспроверженіи всякаго господства человѣка надъ человѣкомъ. Мы и должны звать работниковъ на рабочую, т. е. коммунистическую и анархическую революцію. Какую конкретную форму приметъ общество послѣ борьбы,—зависитъ отъ соотношенія силъ борющихся. Чѣмъ энергичнѣе будетъ *наша* дѣятельность, чѣмъ сознательнѣе и организованнѣе будетъ пролетаріатъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ чистому коммунизму и къ полной анархіи. Тогда и видно будетъ, какова была «историческая необходимость». Но какъ открыть ее теперь? Можно ли найти равнодѣйствующую двухъ непрерывно и совершенно неравномѣрно измѣняющихся общественныхъ силъ?

Итакъ, коллективизмъ мы отвергаемъ всецѣло. Каковъ же нашъ идеалъ? Наша программа отвѣчаетъ: общественная собственность, или коммунизмъ. При капитализмѣ экономическая власть въ рукахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, при коллективизмѣ ею распоряжается правительство,—въ томъ и другомъ случаѣ орудія труда во владѣніи группы, чуждой самимъ работникамъ. Коммунизмъ передаетъ средства производства самимъ рабочимъ ассоціаціямъ. Вообразимъ на время, что удачная революція городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ смела съ лица земли всю банду чиновниковъ, полицейскихъ и капиталистовъ. Работники оказываются единственными хозяевами жизни. На первыхъ порахъ работники каждой фабрики, завода, мастерской, магазина, копи, желѣзной дороги образуютъ свою ассоціацію и продолжаютъ производство. Разница только та, что отнынѣ они свободны отъ тираніи корыстолюбиваго капиталиста и могутъ учредить у себя такіе порядки, какъ это имъ заблагоразсудится. Капиталистъ устраненъ. Но нѣкоторыя функціи, которыя онъ прежде исполнялъ, скорѣе, эксплуатировалъ, не могутъ быть устранены. Возникаетъ вопросъ: кто те-

перь будетъ связывать одну ассоціацію съ другой? Отвѣтъ ясенъ: то, что капиталисты прежде осуществляли косвенно, теперь сами рабочія ассоціаціи будутъ проводить прямо. При капитализмѣ единеніе, напримѣръ, сапожниковъ и портныхъ осуществлялось посредствомъ ихъ капиталистовъ; въ коллективистскомъ обществѣ этимъ посредникомъ является чиновникъ; коммунизмъ передаетъ дѣло гармонированія отдѣльныхъ отраслей производства самимъ рабочимъ ассоціаціямъ. Конкретно это должно выразиться въ томъ, что всѣ рабочія ассоціаціи даннаго города или деревни составляютъ одну федерацію, т. е. свободный союзъ равноправныхъ организацій. Всѣ организаціи одинаково представлены въ Федеративномъ Комитетѣ Коммуны, въ которомъ послы отдѣльныхъ ассоціацій, по порученію своихъ товарищей, составляютъ общія росписи необходимыхъ продуктовъ, ихъ количества, качества и пр. Отдѣльныя рабочія коммуны вступаютъ въ дальнѣйшіе союзы—напр., національныя и международныя федераціи. Какихъ широкихъ грандіозныхъ размѣровъ будутъ достигать и какъ разнообразны будутъ организаціи, немыслимо предвидѣть теперь, въ эпоху всесторонняго рабства—экономическаго, политическаго и духовнаго. Одно ясно: общество распадается на безконечное количество свободныхъ ассоціацій, объединенныхъ въ болѣе или менѣе широкія федераціи. Каждая такая федерація и является собственницей ея земли, ея орудій, ея продуктовъ. Съ точеніемъ времени эта федерація станетъ всемірной,—тогда всѣ средства труда станутъ собственностью всего человѣчества. На первыхъ порахъ союзы будутъ уже; по необходимости уже будетъ и фундаментъ собственности. Но во всякомъ случаѣ она общественная: орудія производства и обмѣна принадлежатъ самимъ рабочимъ обществамъ, а не какому-нибудь внѣшнему агенту—капиталисту или государству. Мы должны совершенно оставить въ сторонѣ разсмотрѣніе подробностей: занятіе не только трудное, но и безполезное для политическаго дѣятеля. Но мы должны отвѣтить на нѣкоторыя изъ серьезныхъ возраженій.

Не разъ приходится смышать отъ соціалистовъ: безспорно коммунизмъ болѣе полно удовлетворяетъ потребности человѣка и больше совпадаетъ съ интересами работниковъ, но возможна ли коммунистическая форма собственности? Хватитъ ли продуктовъ для всѣхъ? Можно ли организовать производство безъ всякаго принужденья? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы не станемъ тратить по пусту время и силы на вычисленія. Намъ достаточно указать на несмѣтныя богатства, накопленныя въ нашихъ большихъ городахъ, на милліоны бездѣльни-

Bibliothek der russ. Sowjet-Vertretung Berlin.

ковъ—королей, законодателей, чиновниковъ, солдатъ, шпіоновъ. капиталистовъ, посредниковъ и пр. и пр. Намъ достаточно напомнить о томъ, какое широкое распространеніе дано будетъ электричеству. А затѣмъ пусть честный человѣкъ осмѣлится твердо и открыто заявить, что современныя производительныя силы не вполнѣ въ состояніи накормить всѣхъ голодныхъ, одѣть всѣхъ голыхъ, пріютить всѣхъ бездомныхъ. Пусть же попытаются доказать намъ это! Но допустимъ на минуту, что производительныя силы еще не такъ развились, чтобы немедленно послѣ революціи стало возможнымъ полное и всестороннее удовлетвореніе *всѣхъ* потребностей. Чѣмъ же лучше коллективизмъ? Или подъ бдительнымъ окомъ соціалистической полиціи даже производительныя силы внезапно выростутъ? Далѣе. Пусть при коммунизмѣ мы не въ силахъ будемъ доставить всѣмъ работникамъ такія удобства, которыми теперь наслаждается высшая буржуазія. Но несомнѣнно, однако, что положеніе трудящихся массъ подымется очень значительно на счетъ привиллегій паразитовъ. Что же—пусть объ этомъ пожалѣетъ буржуазія. Не даромъ во всемъ мірѣ преслѣдуетъ она анархистовъ исключительными законами, лишеніемъ всѣхъ политическихъ правъ.

Но почему объ этомъ такъ хлопочутъ «научные» соціалисты, эти (запомните!) «единственные» представители рабочаго класса, «единственные» защитники интересовъ труда? Мы можемъ построить только одну догадку: согласно Гегелю все развивается противорѣчіями и отрицаніями. Поэтому, чтобы лучше защитить интересы пролетаріата, нужно вступить въ союзъ съ буржуазіей; чтобы освободить личность, нужно укрѣпить государство; чтобы возвратить народу ограбленныя у него богатства, нужно передать ихъ чиновникамъ подъ флагомъ коллективизма. И вся эта галиматья называется «наукой», вѣроятно, какъ «отрицаніе» всего научнаго...

Гораздо серьезнѣе другой вопросъ: возможно ли гармоническое производство безъ принудительнаго органа? Мы отвѣчаемъ: да, возможно, и въ свидѣтели зовемъ исторію и логику. Мы знаемъ цѣлый обширный періодъ—такъ называемый первобытный, когда человѣчество вело самую суровую борьбу съ природою, когда тѣмъ не менѣе мы не видимъ никакихъ слѣдовъ принудительной власти, организующей производство: единственными руководителями были *обычай* и *общественное мнѣніе*. Научные соціалисты, которые такъ любятъ возвращаться къ первобытному обществу, когда ссорятся съ либералами, удивительно забываютъ эту интересную эпоху, когда сражаются съ нашимъ братомъ-анархистомъ. Они охотно напоминаютъ буржуазіи, что на за-

рѣ своей жизни человѣчество не знало частной собственности, но они всегда забываютъ сказать пролетаріату, что оно не знало также власти. Человѣчество начало общественную жизнь не съ государственнаго соціализма, а съ анархическаго коммунизма. Намъ скажутъ, что первобытный періодъ не чета современному, что въ то время именно простота орудій диктовала сама солидарность работниковъ, а бѣдность, слабая производительность труда создавала первобытный коммунизмъ.

Мы отвѣтимъ языкомъ нашихъ добрыхъ товарищей марксистовъ, что человѣчество путемъ «отрицанія отрицанія» пришло къ исходному пункту. Станетъ ли кто-нибудь увѣрять, что наши машины менѣе повелительно диктуютъ солидарность производителей, чѣмъ примитивныя орудія первобытнаго человѣка? Благодаря современной техникѣ все общество превращается въ одну могучую фабрику, въ которой ни одна часть не можетъ дѣйствовать безъ другихъ. А производительныя силы достигли такой высокой степени, что дѣлаютъ коммунизмъ потребленія такъ же возможнымъ, какъ на самой низкой ступени.

Но оставимъ въ покоѣ коммунизмъ первобытной эпохи и всмотримся въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ. Что представляютъ тогда города, какъ не добровольные союзы промышленныхъ группъ—цеховъ и гильдій? Именно та эпоха, когда доступъ въ цехи былъ свободенъ и когда совершенно отсутствовали принужденіе и монополія, была эпоха самаго блестящаго расцвѣта, а ростъ принудительной власти внутри и внѣ цеховъ привелъ къ полному упадку. Но тогда, въ средніе вѣка, городскія общества представляли союзъ мастеровъ и купцовъ, а будущая анархическая коммуна—союзъ рабочихъ ассоціацій. Но добровольный союзъ и тѣхъ, и другихъ одинаково приспособленъ къ гармонизированію производства безъ присмотра попа, жандарма и парламента.

Ну, а современное общество? Какова экономическая роль государства? Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть ничтожества значенія его дѣятельности сравнительно съ тѣмъ, что творится свободной иниціативой. Государство не только не руководитъ, но и часто мѣшаетъ нормальному ходу экономической жизни. Его истинное назначеніе—быть сторожемъ эксплоатирующаго класса, а не экономическимъ факторомъ. Какая же эпоха, кромѣ Египта, Индіи и Китая дала научнымъ соціалистамъ примѣры благодѣтельной экономической дѣятельности государства? Мы ждемъ отвѣта на этотъ вопросъ. А пока мы смѣемъ утверждать, на основаніи всего историческаго опыта, что свободныя историческія организаціи смогутъ организовать

производство безъ правительства не хуже первобытныхъ общинъ, средневѣковыхъ цеховъ и современныхъ капиталистическихъ трэстовъ.

Намъ нужно сказать здѣсь хоть нѣсколько словъ о такъ называемой «анархіи въ производствѣ». Соціаль-демократы никогда не упускаютъ случая пустить въ ходъ это словечко. Они дѣлаютъ видъ, что эта «анархія въ производствѣ» есть причина кризисовъ и всѣхъ бѣдствій. Удивительно умно! «Анархія» такъ рѣшительно дѣйствуетъ на самихъ капиталистовъ, ставитъ въ опасное положеніе всю буржуазію, а она и въ усъ себѣ не дуетъ и нисколько не заботится объ устраненіи этой чумы. Почему бы капиталистамъ не объединиться въ одинъ союзъ, въ одно акціонерное общество и не регулировать сообща производство? Въ нѣкоторыхъ крупныхъ отрасляхъ капиталисты это и дѣлаютъ, образуя грандіозные трэсты.

Значитъ, даже на почвѣ капитализма возможно было бы устраненіе этой пресловутой «анархіи въ производствѣ». Устраните частную собственность и гармоническое производство естественно выростетъ изъ желѣзной экономической солидарности, которая теперь связываетъ всѣ отрасли промышленности и всѣ передовыя страны. Лучшее средство создать дѣйствительно вѣчную, дѣйствительную «анархію» въ экономической жизни—это передать распоряженіе такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ современное производство, такому безтолковому хозяину, какъ бюрократія. Но къ этой «анархіи» худшаго сорта стремятся не анархисты, а наши противники—коллективисты. Мы не хотимъ хаоса, мы не хуже другихъ понимаемъ необходимость гармоніи между потребленіемъ и производствомъ. Мы хотимъ только, чтобы эта гармонія основана была не на внѣшнемъ, механическомъ подавленіи работника, а вытекала изъ добровольныхъ соглашеній рабочихъ ассоціацій. Мы хотимъ приспособить производство къ потребленію, а не наоборотъ, и сдѣлать работника хозяиномъ, а не рабомъ машины.

Пусть же сами работники заботятся о своихъ интересахъ и посредствомъ взаимныхъ договоровъ устраняютъ дисгармонію въ производствѣ. Власть создаетъ только внѣшній порядокъ, гармонія создается только свободой.

VII.

Преступленіе и наказаніе.

Мы бросили бѣглый взоръ на экономическія отношенія буржуазнаго строя жизни и старались показать возможность и необходимость передачи средствъ производства въ руки не государства, а свободныхъ рабочихъ ассоціацій. Возможно, что даже въ лагерѣ нашихъ противниковъ найдутся люди, которые согласятся съ нашей аргументаціей. Но зато они могутъ выдвинуть другой доводъ. Они могутъ сказать намъ: «допустимъ, что вы правы въ вопросѣ объ организаціи производства, обмѣна и распредѣленія. Допустимъ, что въ этой области государственная власть безполезна и потому вредна. Но какъ быть съ преступниками? Какъ быть съ регулированьемъ отношеній политическихъ, нравственныхъ? Неужели вы настолько наивны, что вѣрите во внезапное чудесное превращеніе современныхъ грубыхъ эгоистовъ въ безгрѣшныхъ ангеловъ?» Какъ ни тошно отвѣчать на эти вопросы въ тысячу первый разъ, мы для полноты изложенія должны коснуться и этой темы и разсмотрѣть подробнѣе политическую форму будущей организаціи. Я начну съ откровеннаго заявленія: мы не вѣримъ, что люди внезапно подъ наитіемъ анархизма превратятся въ ангеловъ. Мы не только не вѣримъ въ такую чудесную метаморфозу, но и не хотимъ ея, потому, что порядкомъ скучно должно быть человѣку жить въ обществѣ ангеловъ. Анархическій коммунизмъ такъ же мало нуждается въ ангельской добродѣтели, какъ и коллективизмъ. Мы отличаемся отъ нашихъ боржуазныхъ и многихъ соціаль-демократическихъ критиковъ только тѣмъ, что такъ же мало вѣримъ въ исключительно звѣрскую, животно-грубую натуру человѣка. Человѣкъ на всѣхъ ступеняхъ культуры обнаруживалъ такія трогательныя, истино человѣческія черты, что воспоминаніе о нихъ волнуетъ даже современнаго человѣка. Съ другой стороны на самой высокой ступени развитія, у самыхъ лучшихъ индивидовъ мы видимъ

такія отвратительныя черты, что мы живо чувствуемъ, какъ человѣкъ вѣчно далекъ будетъ отъ совершенства. Отчего зависитъ эта смѣсь высокаго и низменнаго въ характерѣ человѣка? Отъ двойственнаго характера нашихъ общественныхъ отношеній чуть ли не съ первыхъ шаговъ человѣческой культуры. Съ одной стороны совмѣстная борьба и общность интересовъ развивали въ людяхъ благородные инстинкты общественной солидарности, дружбы и любви. Съ другой стороны, рознь интересовъ, групповая борьба внутри общества создавали и поддерживали злобу, недовѣріе, грубость. Буржуазной культурѣ выпала на долю незавидная честь вызвать наружу все, что исторія создала низменнаго и грязнаго, всѣ грубые инстинкты своекорыстія, тщеславія и подлости. Оттого такимъ гадкимъ кажется современный человѣкъ. Но отвлекитесь отъ поверхности явленій, всмотритесь глубже, глубже въ душу человѣческую, и вы согласитесь, что человѣкъ добръ и великодушенъ, что нѣтъ по природѣ абсолютно преступныхъ людей, что въ самой грубой, точнѣе огрубѣлой натурѣ есть что-то хорошее и трогательное. Кто жилъ въ тюрьмѣ среди тѣхъ, кого буржуазія толкнула на самые грубые акты, знаетъ, какъ много отраднаго даже въ темной безднѣ души профессіональнаго убійцы, какъ внутри озвѣрѣлаго человѣка всегда живетъ и сіяетъ что-то истинно человѣческое. Мы и утверждаемъ, что для осуществленія анархическаго коммунизма вовсе не нужно превращенія современныхъ людей въ боговъ, нужно только нѣсколько развить, вызвать наружу тѣ благородные инстинкты, которые живутъ въ трудящемся народѣ.

Но пойдемъ дальше. Допустимъ, что въ будущемъ обществѣ будутъ «преступники», т. е. будутъ люди, жизнь которыхъ будетъ приходить въ столкновеніе съ установившимся строемъ жизни. Нужно допустить, что анархическій коммунизмъ, который можетъ казаться идеаломъ намъ—людямъ бтржуазной эпохи—далеко не будетъ удовлетворять людей будущаго. Будутъ люди, стоящіе выше средняго уровня; будутъ люди, стоящіе ниже массы; и тѣ и другіе будутъ нарушать обычаи, привычки, которые будутъ казаться громадной массѣ среднихъ людей священными,—стало быть, будутъ своего рода «преступники». Какъ же поступитъ съ ними общество? Въ прежнее время отвѣтъ на подобный вопросъ былъ ясенъ. Вѣрили, что міромъ руководитъ единая божественная воля, что въ каждомъ человѣкѣ частица этой воли—душа, которая толкаетъ человѣка только къ добру, т. е. къ тому, что попы называютъ добромъ. Кто переступалъ границы дозволеннаго, былъ созна-

тельный преступникъ противъ міровой воли, противъ Провидѣнія; такимъ извергомъ, которому не могло быть мѣста среди живыхъ. Съ этой точки зрѣнія намъ понятны отвратительныя жестокости древнихъ наказаній. Намъ понятенъ также отвѣтъ буржуа. Онъ исходитъ изъ того убѣжденія, что современный міръ самый идеальный, самый лучшій изъ міровъ. Человѣкъ, нарушающій законы буржуазіи, есть сознательный врагъ всего хорошаго, всего человѣческаго, врагъ культуры. Наказаніе, по мнѣнію буржуа, должно сломить злую волю преступника, заставить его отказаться отъ желанія идти на перекоръ интересамъ общества. И темный попъ, и просвѣщенный буржуа сходятся на томъ, что преступниками руководитъ *сознательный* разсчетъ, *сознательное* желаніе нарушить заповѣдь божества или государственный законъ. Отсюда логичность наказаній. Наказаніе и страхъ должны убить преступную непокорность богу или закону. Но какъ быть намъ? Мы всѣ давно потеряли вѣру въ божества, божественное Провидѣніе, душу, добрые и злые духи и прочій поповскій вздоръ. Мы хорошо понимаемъ, что никто не правитъ міромъ, что никто не руководитъ нашими поступками. Всякое явленіе физическаго или психическаго міра намъ кажется вызваннымъ опредѣленными причинами, а не доброй или злой волей какого бы то ни было метафизическаго духа. Зачѣмъ же будемъ мы карать преступника? Первобытный дикарь неистово бьетъ вѣтку, ударившую его по лицу: онъ наивно вѣрить, что она это сдѣлала сознательно, и надѣется своими ударами проучить ее на будущее время. Столь же разумны наши наказанія за такъ называемыя преступныя дѣянія. Когда чувство голода достигло извѣстной интенсивности, никакія кары не удержатъ человѣка отъ присвоенія чужой пищи, если къ этому есть малѣйшая физическая возможность. Такъ же обстоитъ со всѣми остальными нуждами и потребностями. Эта мысь такъ очевидна, что даже буржуазный судъ долженъ былъ начать считаться съ такъ называемыми аффектами. Мы утверждаемъ, что всѣ преступленія—результатъ болѣе или менѣе сильныхъ аффектовъ. Если вы не хотите имѣть преступниковъ, измѣните тѣ условія, которыя вызываютъ преступныя потребности, безъ которыхъ не будетъ и преступленій. Не наказывать нужно, а улучшать соціальныя условія человѣка. Преступникъ не звѣрь, а больной или несчастный,—вотъ нашъ взглядъ, который сталъ трюизмомъ со времени Роберта Овена. Анархическій коммунизмъ не будетъ, стало быть, имѣть ни преступленій, ни наказаній, ни карательныхъ законовъ, ни судей, ни палачей.

VIII.

О самодержавіи народа.

Самодержавіе народа несомнѣнно одно изъ наиболѣе распространенныхъ и одновременно одно изъ наиболѣе неясныхъ понятій. Что такое самодержавіе народа? Самымъ простымъ и яснымъ былъ бы отвѣтъ, что при народномъ самодержавіи *самъ* народъ *держитъ* въ своихъ рукахъ *всю* власть. Это значитъ, что само общество должно быть носителемъ всѣхъ политическихъ функцій: само должно быть законодателемъ, судьей и исполнителемъ. Отнимите какую-нибудь функцію у народа, и вы уничтожили полноту власти, уничтожили самодержавіе народа, суверинтетъ его. Но можетъ-ли самъ и весь народъ быть своимъ законодателемъ, судьей и исполнителемъ? Есть только одна эпоха, которая даетъ намъ нѣкоторое представленіе о такомъ самодержавіи: это эпоха первобытнаго коммунизма. Никакая видимая воля не навязывала народу ни законовъ, ни судебныхъ приговоровъ, никакихъ рѣшеній. Никто *внѣ* народа не обладалъ даже частицей власти. Но былъ ли поэтому народъ самодержавнымъ въ настоящемъ смыслѣ слова? Никто не навязывалъ народу законовъ—это правда, но это потому, что тогда не было законовъ вообще. Не было независимыхъ отъ народа ни судей, ни чиновниковъ, но это посому, что не было ни судей, ни чиновниковъ вообще. Первобытная община была не демократіей, а анархіей *). Первобытная эпоха—единственное время, когда отъ имени народа выступалъ самъ народъ, а не какая-нибудь частица его—бюрократія, духовенство, дворянство, какой-нибудь классъ или даже

*) Эта мысль нуждается въ маленькой оговоркѣ. Если, на мой взглядъ, *политическая* организація первобытно-родовой общины была близка къ анархической, то это не значитъ, что личная свобода была тогда дѣйствительно такъ велика, какъ это предполагаетъ такая политическая форма. Въ тогдашнюю эпоху *политическій* строй не былъ источникомъ угнетенія. Но его съ лихвой замѣняла *природа*, которая дѣлала первобытнаго человѣка почти абсолютнымъ рабомъ окружающихъ природныхъ условій.

народное большинство. Но народъ самъ не является личностью, а есть союзъ личностей. Стало быть, если народъ абсолютно свободенъ, это значитъ, что абсолютно свободна человѣческая личность. Если народъ дѣйствительно, а не на словахъ самодержавенъ, то самодержавна человѣческая личность. Поэтому послѣдовательная, нелицемѣрная демократія (по смыслу, а не по этимологіи) есть анархія.... Вотъ источникъ того страннаго недоразумѣнія, что многіе крайніе противники современной демократіи называли себя демократами, республиканцами. Всѣ они понимали демократію, какъ политическій строй, при которомъ народъ абсолютно свободенъ и самодержавенъ и при которомъ, стало быть, абсолютно свободна и самодержавна человѣческая личность. Для нихъ демократія, республика сливались съ анархіей *). Понятно, что ни одинъ демократъ, даже самый послѣдовательный, именно соціаль-демократъ, не приметъ такого опредѣленія самодержавія народа и демократіи.

Онъ скажетъ, что демократія есть господство не всѣхъ, а большинства. Онъ прибавитъ, что иное толкованіе даже невозможно: большинство—естественный представитель всего цѣлаго. Нужно отдать ему справедливость: новѣйшія теоріи демократіи всегда стояли на этой точкѣ зрѣнія. Но тутъ намъ хочется поставить соціаль-демократу серьезный вопросъ: почему теорія господства большинства получило такое широкое распространеніе въ новое время, а не въ средніе вѣка? Почему тогда, если я не ошибаюсь, не было и разговоровъ о *естественномъ* господствѣ большинства? Напримѣръ, польскій сеймъ принималъ рѣшенія не иначе, какъ единогласно, генеральные штаты голосовали по сословіямъ. Общимъ явленіемъ былъ принципъ, что каждый долженъ повиноваться лишь тѣмъ мѣрамъ (какъ плата налоговъ), въ выработкѣ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Въ политической жизни господствовалъ несомнѣнно принципъ федераціи: личности, цехи, гильдіи, города—все объединилось снизу вверхъ на основѣ свободнаго договора. Почему же современная демократія считаетъ *естественнымъ* такое безсмысленное, ничѣмъ не оправдываемое подчиненіе меньшинства? Почему меньшинство *должно* жертвовать своими интересами для большинства? Вѣдь подчиненіе тому, съ чѣмъ мы не согласны есть именно жертва, а развѣ жертва можетъ быть когда-либо *обязательной?* Если жертва обязательна для спасенія общества, то почему же *именно* меньшинство своими жертвами почему-то спа-

*) Такъ, между прочимъ, понимаютъ многіе максималисты свою «трудовую республику».

саетъ общество? Развѣ съ такимъ же правомъ нельзя этого любезно предложить большинству? На эти вопросы никакой демократъ (даже «соціальный») не можетъ дать никакого удовлетворительнаго отвѣта. Единственная теорія, которая берется объяснить и оправдать новую демократію, развита и прекрасно изложена Ж. Ж. Руссо въ его «Общественномъ договорѣ». Онъ исходитъ изъ фантастическаго предположенія, что общество произошло изъ договора между людьми, которые рѣшили положить конецъ царящимъ междоусобіямъ. Но когда онъ доходитъ до теоріи большинства, онъ попадаетъ въ крайне затруднительное положеніе. Оказывается, что даже нелѣпый вымыселъ о какомъ-то доисторическомъ договорѣ не даетъ никакого ключа къ вопросу о большинствѣ и меньшинствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, общество создано для «всеобщаго благополучія», и потому все должно рѣшаться «всеобщей волей» («la volonté générale»). Какъ же подчинить меньшинство большинству? Ж. Ж. Руссо идетъ на хитрость. Онъ утверждаетъ, что во всякомъ политическомъ вопросѣ въ демократіи каждый человѣкъ не подаетъ *своего* мнѣнія по данному дѣлу, а утверждаетъ только, каково въ данномъ случаѣ мнѣніе народа, какова всеобщая воля. Когда, напримѣръ, разсматривается вопросъ о введеніи налога и гражданинъ отвергаетъ его или принимаетъ, то онъ высказываетъ не свое *личное* отношеніе къ нему, а предполагаемое имъ отношеніе всеобщей воли. Если въ результатѣ голосованій оказалось, что большинство за, а меньшинство противъ, то, по мнѣнію Руссо, это не значитъ, что меньшинство противъ самого проэкта. Нѣтъ! это якобы только показываетъ, что меньшинство разошлось съ большинствомъ въ опредѣленіи всеобщей воли. Естественно предположить, что большинство ближе къ *знанію* того, что хочетъ всеобщая воля.

Понятно, что въ наше время, когда демократія изъ области фантазій перешла въ область реальной жизни, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ поддерживать этой дѣтской нелѣпости. Мы знаемъ, что и рѣчи нѣтъ никогда ни о какой миѳологической всеобщей волѣ. Но если даже допустить, что таковъ философскій характеръ голосованій независимо отъ сознанія голосующихъ, даже это метафизическое предположеніе не избавляетъ Руссо изъ неловкаго положенія. Мы спрашиваемъ, почему большинство можетъ скорѣе знать эту таинственную «всеобщую волю»? Развѣ не ясно, что каждый будетъ считать всеобщей волей именно свою личную волю? Тогда мы возвращаемся къ нашему старому вопросу ни съ чѣмъ.

На этотъ вопросъ есть однакожъ очень простой отвѣтъ. Современная демократія не основана на той или иной *теоріи*, а наоборотъ, всѣ старыя и новыя толкованія народовластія созданы для объясненія и оправданія ея. Демократія возникла въ виду исторической необходимости, а не для осуществленія фантазій Руссо. Въ этомъ ключъ рѣшенія загадки.

Демократическія теоріи выросли на почвѣ критики феодальнаго абсолютизма. При крѣпостнически-абсолютистскомъ режимѣ общество видимо распадается на два лагеря: Съ одной стороны громадное *большинство* населенія работающихъ, торгующихъ, занимающихся науками и искусствами и политически безправныхъ; съ другой—жалкая кучка изжившихся паразитовъ, распоряжающихся политической властью. Эта нелѣпость бросалась въ глаза и давала себя прекрасно чувствовать на горбахъ непривиллегированныхъ членовъ большинства. Какой выводъ должны были дѣлать они? Ихъ было два. Угнетенные могли поставить себѣ цѣлью совершенное устраненіе привиллегированнаго меньшинства—дворянства и духовенства—и самимъ объединиться въ свободный союзъ на подобіе среднихъ вѣковъ, включивъ на этотъ разъ не только города, но и деревни. Это означало тогда упраздненіе государства, уничтоженіе всякой власти. Эта цѣль была тогда недостижима, потому что она была выгодна *только* сравнительно небольшой группѣ городскихъ пролетаріевъ. Вся остальная масса «третьяго сословія» состояла изъ крупной, средней и мелкой буржуазіи. Какъ ни сталкивались эти слои, всѣ они сходились въ одномъ—на необходимости сохраненія частной собственности. Вожди третьяго сословія, самые радикальные вожди,—представители крестьянства и городского мѣщанства назначили смертную казнь за пропаганду даже не уничтоженія, а опредѣленнаго ограниченія частной собственности*). А для охраны частной собственности такъ же необходима государственная власть, какъ и для феодальной. Народъ эпохи Французской Революціи стоялъ поэтому не за упраздненіе, а а за преобразованіе государства. Вопросъ состоялъ только въ томъ, кому предоставить право назначать государственную власть. Изъ этой потребности и вытекаетъ вся новѣйшая демократія.

Дворянство и духовенство могли командовать самолично. Они составляли небольшую кучку богатыхъ, которые легко могли столковываться и такъ или иначе проявлять свое вліяніе на

*) «Аграрный законъ» имѣлъ цѣлью опредѣлить высшій размѣръ земельной собственности для отдѣльнаго гражданина.

верховную власть. Многочисленное третье сословіе могло использовать свое верховенство только косвенно—называя своихъ уполномоченныхъ. Отсюда представительная система. Далѣе. Такъ какъ среднее сословіе составляло подавляющее большинство, то для оправданія его претензій всего проще было бъ выставить требованіе назначенія представителей большинствомъ. Этимъ привиллегированное меньшинство сводилось къ нулю. Сводились къ нулю и требованія тогдашняго революціоннаго меньшинства городскихъ рабочихъ, сельскихъ пролетаріевъ. *Современная демократія выросла какъ оплотъ противъ феодальной реакціи и противъ рабочей революціи.* Этотъ мелко-буржуазный характеръ современной демократіи въ настоящее время долженъ быть ясенъ даже слѣпому. Самый бѣглый взглядъ на демократію долженъ убѣдить насъ въ этомъ. Демократія держится только тамъ, гдѣ сильна мелкая буржуазія. Демократія невозможна, гдѣ преобладающее вліяніе принадлежитъ крупному и среднему землевладѣнію. Демократія изуродована, вырождается или существуетъ только на бумагѣ тамъ, гдѣ преобладаніе получаетъ крупный капиталъ, организованный въ трэсты. Къ первому разряду принадлежатъ обѣ европейскія демократическія республики—Швейцарія и Франція. Это единственныя государства, гдѣ еще господствуютъ радикалы; онѣ же страны съ самымъ многолюднымъ мелкобуржуазнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ. Въ обѣихъ же странахъ крупная буржуазія явно враждебна демократіи и ждетъ не дождется возможности низвергнуть демократическій режимъ. Въ такихъ странахъ, какъ Германія и Австрія, истинная демократія даже не имѣла еще своего крещенія: реакціонная сила прошлаго—юнкера объединились съ новѣйшими реакціонерами—крупными капиталистами, чтобы закрыть доступъ истинной демократіи. Этимъ, между прочимъ, объясняются успѣхи соціаль-демократіи въ самыхъ реакціонныхъ странахъ. Въ странахъ съ болѣе либеральнымъ строемъ жизни безсиліе демократіи въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса становится такъ ясно, что трудно увлечь народъ демократическими приманками. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность скоро разрушаетъ эти политическія иллюзіи. Иное дѣло въ такихъ полуконституціонныхъ странахъ, какъ Германія, Австрія, и въ такой совершенно лишенной конституціи странѣ какъ Россія. Здѣсь рабочій классъ еще долго можетъ тѣшить себя самыми дѣтскими мечтами о благодѣтельной власти и народныхъ конституціяхъ. Вотъ почему самыя отсталыя въ политическомъ отношеніи страны имѣютъ самыя сильныя соціаль-демократическія партіи. Великая заатлантическая республика

—Соединенные Штаты Америки—является лучшимъ образцомъ того, чѣмъ является народное самодержавіе при господствѣ крупнаго капитала. Русскіе рабочіе потеряли бы весь свой демократическій пылъ, еслибы получили хоть малѣйшее представленіе о политическихъ отношеніяхъ въ этой странѣ. Парламентъ, судъ, пресса, университетъ, даже главари рабочихъ—на службѣ у крупнаго капитала. При каждомъ удобномъ случаѣ буржуазія объявляетъ военное положеніе и совершенно отмѣняетъ конституцію. Революціонеры годами содержатся въ тюрьмахъ за пропаганду революціонныхъ идей. Подкупленные провокаторы устраиваютъ фиктивныя покушенія, чтобы дать правительству предлогъ къ настоящему террору. Крупные капиталисты имѣютъ свои вооруженныя дружины, которыя попросту избиваютъ, грабятъ и разоряютъ стачечниковъ... И все это не смотря на то, что форма правленія республиканская, что существуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе, что всѣ должности избираемы, что существуетъ самое широкое самоуправленіе, признаны закономъ всѣ свободы. Гдѣ же причина этого вопіющаго факта? Причина только одна: кто владѣетъ экономической силой, непремѣнно будетъ командовать политически. Если этому господству мѣшаютъ *оффиціальные* законы, они превратятся въ пустую фикцію, рядомъ съ ними создастся не писанный, тайный, но *реальный* законъ. Поэтому демократія держится тамъ, гдѣ широкія массы народа не подпали еще экономической тираніи крупнаго капитала.

Поэтому же демократія была однимъ только опредѣленнымъ этапомъ въ развитіи политической жизни человѣчества. Она явилась орудіемъ въ борьбѣ мелкой буржуазіи противъ феодализма. Ея торжество было неизбѣжно, гдѣ строптивость феодаловъ исключала возможноеть компромиссовъ. Но разложеніе мелкой буржуазіи копаетъ могилу демократіи. Кто зоветъ рабочихъ къ завоеванію демократической республики, превращаетъ пролетаріатъ въ пушечное мясо для борьбы за интересы мелкой буржуазіи.

Но тутъ насъ ожидаетъ серьезное возраженіе. Намъ скажутъ, что каково бы ни было происхожденіе и предназначеніе современной демократіи, ничто не исключаетъ возможности настоящей народной республики въ будущемъ, гдѣ не будетъ классовой розни и классовой борьбы. Мнѣ напомнятъ, что соціаль-демократическіе теоретики не разъ указывали на крупныя отличія будущей соціальной демократіи отъ ея буржуазной тезки. Долженъ признать, что кое-гдѣ у соціаль-демократовъ видимъ дѣйствительно попытки, вызванныя анархической критикой,

дать нѣсколько болѣе точное представленіе о будущей демократіи.

Рабочая демократія отличается отъ буржуазной уже самой сущностью своей: послѣдняя есть *политическая* организація, цѣль которой поддерживать незыблемыя основы собственности и порядка, т. е. иначе говоря, поддерживать господство буржуазіи, а первая есть *экономическая* организація для регулированья производства и обмѣна. Это отличіе всегда выставлялось теоретиками соціаль-демократіи. Марксъ и Энгельсъ называли современное государство—комитетомъ для завѣдыванія дѣлами буржуазіи. Бебель въ своемъ сочиненіи «Женщина и соціализмъ» повторяетъ и распространяетъ выраженіе Энгельса, что на другой день послѣ соціальной революйіи «государство упраздняется». Кауцкій въ своихъ сочиненіяхъ (напр. «Республика и с-д-ія во Франціи») нисколько не щадитъ буржуазной республики. Еще яснѣе эта мысль нашла себѣ выраженіе въ брошюрѣ Эмиля Вандервельда («Коллективизмъ»). Въ этой брошюрѣ онъ показываетъ, что уже въ современномъ государствѣ оказалось необходимымъ отдѣлить полицейскія функціи отъ его немногихъ экономическихъ. Такъ, для завѣдыванія желѣзными дорогами и другими государственными промышленными предпріятіями создаются автономные комитеты спеціалистовъ этихъ областей. Будущее государство, по его мнѣнію, будетъ совершенно лишено перваго разряда функцій, т. е. полицейско-принудительныхъ. Оно будетъ исключительно большой «кооперацією».

Но это крупное отличіе не единственное. Чисто экономическій характеръ будущаго государства исключаетъ необходимость принудительнаго его характера. Современная полиція и армія нужны не для правильности экономической жизни общества, а для охраненія интересовъ буржуазіи. Въ соціалистическомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ мѣста классовой розни, нѣтъ больше мѣста и орудіямъ классового господства, нѣтъ больше современнаго полицейскаго государства. Поэтому соціаль-демократы нерѣдко утверждаютъ, что вся паша анархическая критика есть только простое недоразумѣніе: мы критикуемъ *современное буржуазное* государство и полагаемъ, что критикуемъ *будущее соціалистическое* государство, которое съ нимъ ничего общаго не имѣетъ. «Послѣ того, говоритъ Поль Луи, какъ современное государство съ его средствами притѣсненія, съ его полицейскими методами, его пріемами захвата, его системой приказовъ и запрещеній разрушится *одновременно* съ правомъ частной собственности и послѣ того какъ *правительство* от-

дѣльныхъ личностей въ полномъ смыслѣ этого слова *исчезнетъ* въ развалинахъ всего существующаго,—общество должно будетъ заботиться *только о чисто экономическихъ интересахъ* государства»*). Эти поправки мы охотно принимаемъ, но позволяемъ себѣ сдѣлать нашимъ противникамъ нѣсколько серьезныхъ замѣчаній.

Вы увѣряете, что ваше государство промышленная, а не политическая организація. Вы должны сдѣлать неизбѣжный выводъ объ уничтоженіи всѣхъ органовъ полицейскаго принужденія, объ уничтоженіи *всѣхъ* формъ полиціи, арміи, суда, объ уничтоженіи *всего* того аппарата, который выросъ исключительно для защиты классовыхъ привиллегій и который называется Государствомъ. Вы увѣряете, что ваше государство экономическая организація производства и обмѣна, кооперація. Вы обязаны принять и нашъ выводъ, что *организація производства въ обществѣ безъ классовъ есть собственно организація производителей*, т. е. организація работниковъ. Вы должны согласиться также съ нами, что единственная цѣлесообразная форма организаціи производителей—работниковъ, *при современной техникѣ*, есть организація по профессіямъ, т. е. профессіональные союзы, объединенные между собою. Иначе говоря, ваше «государство» превращается въ профессіональный союзъ работниковъ, владѣющій средствами труда, организующій работу и обмѣнъ. Споръ у насъ еще можетъ возникнуть относительно одного важнаго пункта. Вы всякій союзъ представляете себѣ не иначе, какъ въ видѣ безгласной и безпомощной массы, увѣнчанной бюрократическимъ центральнымъ органомъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ. Мы стоимъ за свободное объединеніе равныхъ людей въ союзы и сліяніе всѣхъ союзовъ въ одну федерацію. Словомъ, вы стоите за принудительное механическое объединеніе сверху внизъ, мы боремся за свободное и естественное объединеніе снизу вверхъ. Вы вѣрите въ спасительность начальства, декретовъ, уставовъ, циркуляровъ,—мы строимъ всѣ свои надежды на солидарности интересовъ и глубокихъ соціальныхъ инстинктахъ человѣка. Пока рѣчь идетъ о современномъ обществѣ, вы еще кое какъ защищаете свой бюрократическій централизмъ ссылкой на исключительность современныхъ условій. Вы увѣряете насъ, что современныя профессіональныя организаціи, какъ военныя организаціи, должны быть организованы по военному: съ дисциплиной, генеральнымъ штабомъ, исключеніями, штрафами и прочими прелестями изъ военнаго

*) «Соціализмъ въ современномъ государствѣ».

кодекса. Мы отвѣчаемъ вамъ, что ваши сердечныя симпатіи къ централизму отчасти глубоко внѣдрены еъ ваши души казарменнымъ воспитаніемъ, отчасти имѣютъ цѣлью дать возможность господства ничтожной кучкѣ «вождей» надъ одураченной «толпой» наивныхъ и довѣрчивыхъ рабочихъ.

Но оставимъ на время нашъ споръ о типѣ *современныхъ* рабочихъ организайій. Какова должна быть форма организаціи будущаго великаго союза работниковъ? Вспомните великій Интернаціоналъ Маркса и Энгельса и скажите: неужели вы считаете возможнымъ и полезнымъ, чтобы какой-то центръ изъ Петербурга указывалъ рабочимъ Самарканда, Томска, Батума, Одессы, какъ и когда производить имъ необходимые продукты? Неужели вы не видите, что $^{9}/_{10}$ продуктовъ каждая маленькая область можетъ производнть сама и потому совершенно не нуждается ни въ какомъ опекающемъ начальствѣ? Что касается обмѣна тѣхъ нродуктовъ, которыхъ областныя автономныя федераціи не могутъ производить сами, кто мѣшаетъ имъ урегулировать свой обмѣнъ на основаніи договоровъ на періодическихъ съѣздахъ делегатовъ? Извращеннымъ прототипомъ этихъ съѣздовъ могутъ служить теперешніе конгрессы капиталистовъ. Эти конгрессы не могутъ имѣть должнаго благодѣтельнаго вліянія на общество, потому что оно раскалывается на враждующіе классы. Но въ грядущемъ мірѣ, корда работники будутъ сами организаторами *своего* труда, такіе съѣзды стали бы по необходимости прекраснымъ органомъ для устраненія хаоса въ производствѣ и для регулированія обмѣна.

Выходитъ, стало быть, что такъ называемое «соціалистическое государство» во-первыхъ, лишено полицейскихъ принудительныхъ функцій; во-вторыхъ, представляетъ не что нное, какъ Рабочую Ассоціацію; въ третьихъ, оно организовано снизу вверхъ, какъ свободная федерація. Проще говоря, оно не имѣетъ ни одного изъ признаковъ государства и является только свободной федераціей Рабочихъ Ассоціацій.

Какой странный выводъ! Не правда ли? Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія въ нашихъ разсужденіяхъ? Да, къ сожалѣнію, таковое имѣется: мы приняли на вѣру тѣ фразы, которыми дипломатъ соціаль-демократъ желаетъ успокоить свободолюбиваго и пытливаго пролетарія, разбуженнаго страстной критикой анархистовъ. А эти фразы не глубокое убѣжденіе «научныхъ» соціалистовъ, а пустая и жалкая демагогія. Этими

дряненькими и жиденькими фразами о «самоупраздненіи государства», о «завѣдываніи вещами», а не людьми, хотятъ удержать пролетаріевъ отъ полнаго уничтоженія того вампира, который именуется Государствомъ и существованіе котораго увѣковѣчиваетъ рабство труда.

IX.

Государство и собственность.

Намъ часто приходится слышать: «Зачѣмъ вы такъ рѣзко выступаете противъ государства? Зачѣмъ вы изъ борьбы противъ государства дѣлаете какой-то особый догматъ? Развѣ вы не допускаете, что политическая форма общества опредѣляется его экономической организаціей? Если нѣтъ, то вы вступаете въ противорѣчіе со взглядомъ, который въ настоящее время получилъ силу аксіомы. Если же да, то почему вы не допускаете, что уничтоженіе современнаго экономическаго строя есть въ то же время и уничтоженіе политическаго рабства рабочихъ? Будемъ же бороться за уничтоженіе частной собственности и не будемъ спорить изъ-за догадокъ, какова политическая надстройка въ будущемъ. Такъ и поступаетъ (якобы) соціальдемократизмъ».

Это мнѣніе имѣетъ большую выгоду: оно даетъ возможность примиренія крайнихъ элементовъ соціалистической партіи съ умѣреннымъ крыломъ анархизма. Слабые умы охотно прибѣгаютъ къ механическому соединенію противоположностей тамъ, гдѣ они не въ силахъ примкнуть къ одной изъ нихъ. Вмѣсто того, чтобы разрѣшать крайности, они стараются примирить ихъ. Сидя между двумя стульями, они не только не понимаютъ всей комичности и неприличности ихъ положенія, но покровительственно улыбаются то направо, то налѣво и считаютъ себя выразителями самой науки. Такіе люди изъ соціальдемократовъ охотно заявляютъ намъ, что по идеалу они—анархисты, но по тактикѣ они—соціальдемократы; въ будущемъ—они анархисты, но въ настоящемъ—соціальдемократы. Есть и среди анархистовъ люди, и даже очень видные теоретики, которые на словахъ непримиримые враги государства, а на дѣлѣ преклоняются передъ буржуазной революціей и отличаются отъ

соціальдемократовъ только отсутствіемъ откровенности и пустыми революціонными фразами. Такіе недоношенные и непослѣдовательные анархисты или не могутъ понять или не могутъ проводить въ жизнь наше принципіальное отрицаніе государства. Дайте же присмотрѣться къ вопросу.

Мы, дѣйствительно, признаемъ, что политическій строй опредѣляется экономическими отношеніями. Это признаетъ даже т. Кропоткинъ—страстный противникъ матеріалистическаго пониманія исторіи. «Затѣмъ, говоритъ онъ, мы утверждаемъ и стараемся доказать, что всякой новой *экономической* формѣ общежитія надлежитъ выработать свою новую форму *политическихъ* отношеній. Такъ *было* въ исторіи и такъ *будетъ* несомнѣнно въ будущемъ: новыя формы еще намѣчаются».

Въ чемъ же наше разногласіе съ марксистами? Они видятъ въ политическомъ строѣ простое *отраженіе* экономическихъ отношеній, а всякое отраженіе немедленно исчезаетъ вмѣстѣ съ отражаемымъ предметомъ. Они могутъ поэтому говорить о механическомъ самоупраздненіи государства, какъ отраженіи экономики. Мы утверждаемъ, что государство есть органъ, вырастающій изъ потребностей *господствующей* группы, которая *сознательно* придаетъ ему ту или иную форму, въ зависимости отъ ея экономическаго положенія, отъ *ея* экономическихъ отношеній къ другимъ группамъ. Какъ и всякій органъ, государство поэтому съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе. Дѣло доходитъ иногда до того, что сама буржуазія не въ силахъ справиться со своимъ собственнымъ орудіемъ и должна терпѣть пинки отъ своихъ собственныхъ лакеевъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что политическій строй переживаетъ на цѣлые вѣка экономическій строй, вызвавшій его къ жизни. «Общество, говоритъ Каутскій, является гибкимъ, легко приспособляющимся организмомъ, развитіе котораго совершается медленно по законамъ, которые можно познать заранѣе, государство же болѣе неподвижно; его формы, правда, обусловлены общественнымъ развитіемъ, но зачастую онѣ *лишь съ большимъ трудомъ и послѣ упорнаго сопротивленія* приспособляются къ нему; эта неподвижность въ общемъ тѣмъ больше, чѣмъ централизованѣе государственная власть*)». Такъ, въ Англіи абсолютизмъ сошелъ со сцены почти своевременно, а въ Франціи, Германіи, особенно же въ Россіи онъ пережилъ самого себя на цѣлые вѣка. Нѣтъ ничего невѣроят-

*) К. Каутскій «Республика и соціальдемократія во Франціи», стр. IV (Предисловіе).

наго въ томъ, что буржуазный политическій строй можетъ на цѣлые вѣка пережить буржуазную частную собственность и изуродовать всю жизнь будущаго общества. Это особенно вѣроятно въ виду того, что господствующее теперь теченіе въ рабочемъ классѣ открыто выступаетъ подъ знаменемъ государственности и вступаютъ въ безпрерывныя сдѣлки даже съ современнымъ государствомъ. Не нужно закрывать глаза, что во главѣ соціальдемократіи стоятъ почти исключительно адвокаты, профессора, инженеры, журналисты. служащіе, словомъ, та общественная группа, которую даже К. Каутскій называетъ «новымъ среднимъ сословіемъ». Однако, говоритъ онъ*), нельзя смѣшивать новое среднее сословіе со старымъ. Это новое сословіе покоится на совершенно иныхъ основаніяхъ, имѣетъ совершенно иные интересы. Прежде всего, оно вовсе не заинтересованно въ сохраненіи частной собственности на средства производства, которыхъ оно такъ или иначе лишено. Желѣзныя дороги, напр., могуче способствовали образованію новаго средняго сословія, создавъ многочисленный штатъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Но развѣ послѣдніе заинтересованы хоть сколько-нибодь въ томъ, чтобы противиться переходу желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства, предпочитая такое положеніе, когда онѣ составляютъ частную собственность»? К. Каутскій совершенно правъ: это новое среднее сословіе никоимъ образомъ не противъ передачи средствъ производства въ руки государства. Ихъ громадный наплывъ въ соціальдемократію и и мода на соціалистическія клички въ средѣ прежнихъ радикаловъ доказываютъ это неопровержимо. Каутскій правъ также въ томъ, что ухудшеніе матеріальнаго положенія этой группы еще быстрѣе толкаетъ ее въ ряды соціальдемократіи. Эта группа начинаетъ понимать, что хозяйничаніе капиталистовъ не можетъ доставить ей обезпеченнаго, устойчиваго матеріальнаго положенія, какое можетъ дать ей соціальдемократическое государство, т. е. такое государство, которое владѣетъ всѣми средствами производства и во главѣ котораго будутъ стоять *ея* же члены—техники, инженеры, управляющіе и т. д. Что удивительнаго въ томъ, что это новое среднее сословіе все больше стоитъ за уничтоженіе частной собственности и радуетъ Каутскаго своимъ радикализмомъ? Но мы позволяемъ себѣ теперь поставить вопросъ: какъ относится эта могущественная, вліятельная группа къ государству? Выгодно ли ей даже упраздненіе государства, выражаясь мягкимъ языкомъ Энгельса и

*) «Нѣтъ больше соціальдемократіи».

Бебеля? Страдаетъ ли она, подобно пролетаріату, отъ государства столько же, сколько отъ частной собственности? Можетъ ли честный человѣкъ отрицать, что эта группа не только не будетъ страдать отъ сохраненія государства въ будущемъ обществѣ, но даже выиграетъ въ своемъ вліяніи, ибо станетъ госпожею положенія? Какъ же намъ вѣрить въ соціальдемократическія фразы объ упраздненіи государства, когда во главѣ соціальдемократіи стоитъ и направляетъ движеніе группа, которая не только всѣмъ складомъ своего ума, но и матеріально крѣпко связана съ существованіемъ бюрократическаго централизованнаго государства? Да, мы имѣемъ всѣ основанія бить тревогу: Рабочіе! Свобода въ опасности! Рабочіе! Не вѣрьте шарлатанамъ и разрушьте государство!

Нашъ методъ критики государства не сочиненъ нами. Мы только послѣдовательно примѣняемъ прекрасное орудіе, отточенное соціальдемократіей въ борьбѣ съ крупной буржуазіей. Вспомнимъ, что говоритъ соціальдемократія либерализму! Послушайте просвѣщеннаго умнаго либерала, такого, какъ Спенсеръ, Молинари, Мэкэй. Думаете ли вы, что они такъ таки защищаютъ современный порядокъ? Нѣтъ! Они частенько не не жалѣютъ для него очень крѣпкихъ словъ. Они только не видятъ никакой надобности въ устраненіи частной собственности. Они мечтаютъ о томъ, чтобы устранить невыгоды капитализма безъ соціальной революціи. По ихъ мнѣнію, прибыль можетъ настолько пасть, чтобы превратиться въ «справедливое» вознагражденіе капиталиста за трудности веденія промышленнаго предпріятія. Съ другой стороны, рабочая плата возвысится настолько, что едва ли будетъ отставать отъ прибыли. Кризисы, безработицу, голодъ, войну либералъ обѣщаетъ устранить цѣлымъ рядомъ серіозныхъ реформъ*). И все это безъ пролитія единой капли крови.... Не соблазнительно ли?

Что отвѣчаетъ ему соціаль-демократъ? Онъ говоритъ ему просто и ясно: «Допустимъ даже, что твоя либеральная мечта не утопія, я и теперь недоволенъ твоей идилліей. Ты сократишь прибыль и повысишь плату. Но что изъ этого? Власть капиталиста сохранена, классы по прежнему существуютъ, экономическое иго не только не облегчится, но, можетъ быть, еще возрастетъ. Развѣ въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ, гдѣ прибыль на капиталъ ниже, а плата выше (Америка, Англія) рабочій не угнетенъ экономически больше, чѣмъ въ

*) De Molimari: «La société future»

отсталыхъ экономическихъ странахъ? Есть-ли что-нибудь равное ужасамъ американской капиталистической эксплуатаціи? Нѣтъ, господинъ либералъ, палліативы не могутъ помочь горю: *частная собственность есть опредѣленное общественное отношеніе.* Кто хочетъ устранить бѣдствія этого института, долженъ устранить самый институтъ, ихъ неизбѣжно порождающій». Такъ возражаетъ или долженъ возразить соціаль-демократъ. Такъ же возражаемъ мы соціаль-демократу по вопросу о государствѣ.

Соціаль-демократъ обѣщаетъ намъ въ будущемъ государствѣ всѣ самоновѣйшія прелести демократіи: референдумъ, инициативу, пропорціональное представительство, ежегодный парламентъ и пр. и пр. Допустимъ, что всѣ эти реформы дѣйствительно будутъ проведены въ жизнь. Допустимъ, что они не будутъ такъ извращены, какъ многіе демократическіе институты въ современномъ буржуазномъ мірѣ. Что даютъ всѣ эти реформы? Только одно: онѣ увеличиваютъ зависимость законодателей отъ народа, смягчаютъ безстыдство и безграничный произволъ власти. Но развѣ въ этомъ причина политическаго рабства рабочихъ? Нѣтъ, друзья! *Государство есть такое же общественное отношеніе, какъ и частная собственность.* Палліативы въ области политики такъ же безсильны, какъ и въ области экономики. Вы можете хищнику нѣсколько обрѣзать когти, но обрѣзанные когти отрастутъ. Вы не спасены, пока не убьете самого хищника. Всегда органъ, владѣющій властью, найдетъ возможность обойти оффиціальныя преграды. Особенно не трудно это будетъ такому сильному правительству, какъ соціаль-демократическое, которое будетъ владѣть всѣми производительными силами народа. Вспомните, что говоритъ Каутскій: «...*владѣльцы* средствъ производства *властвуютъ* надъ производствомъ и, слѣдовательно *надъ обществомъ*» *). Вы хотите устранить бѣдствія политическаго рабства, смягчая его результаты, вы не уничтожаете принципа, не устраняете общественаго отношенія. Мы же открыто выставляемъ новый принципъ въ политической области—свободу. Оттого мы никогда не устанемъ взывать: Разрушьте Государство! Убейте хищника! Убейте его!

---

*) К. Каутскій «Классовые интересы».

X.

Чѣмъ они хотятъ казаться и что они на дѣлѣ.

Соціаль-демократы не любятъ останавливаться на описаніяхъ будущаго общества. Такое занятіе «научные» соціалисты считаютъ празднымъ дѣломъ. Однако, критика анархистовъ заставляла и ихъ изрѣдка выступать хоть съ блѣдными и скупыми очерками того строя жизни, который они хотѣли бы воздвигнуть на мѣстѣ капитализма. Тутъ обнаруживается вполнѣ понятное явленіе: такая обширная партія, какъ соціаль-демократія, вмѣщающая самые разношерстные элементы, не можетъ имѣть одинаковаго представленія о будущемъ строѣ жизни. Однако, какъ ни значительны колебанія между противоположными полюсами соціаль-демократической партіи, въ основныхъ чертахъ, несомнѣнно, замѣчается большое сходство. Всѣ теоретики коллективизма рисуютъ себѣ будущее общество въ видѣ *демократическаго государства* на почвѣ *государственной собственности.*

Кто хочетъ получить мало-мальски ясное представленіе о будущихъ общественныхъ отношеніяхъ, долженъ раньше всего отвѣтить себѣ на основной вопросъ: какова будетъ самая сущность этихъ отношеній? Иными словами, что будетъ лежать въ основѣ этихъ отношеній: свобода или власть? Будетъ ли будущій строй жизни *свободной ассоціаціей* работниковъ, или новою формою государства, *рабочей демократіей?*

Этимъ вопросомъ особенно много занимается одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе радикальныхъ коллективистовъ—Папъ, который посвятилъ этому вопросу спеціальную работу подъ заглавіемъ: «Организація общественныхъ учрежденій въ будущемъ обществѣ». Эта-то работа одного изъ лучшихъ тееоретиковъ коллективизма доказываетъ всю спутанность и сбивчивость понятій у радикальнаго крыла международной соціаль-демократіи.

Папъ безпрерывно противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу. Послушаемъ его самого.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «мы должны были упомянуть о *судѣ* *) и вообще о судопроизводствѣ, но не сдѣлали этого, потому что *стоимъ за судъ присяжныхъ и хотимъ подчинить ему всѣ судебныя дѣла*» **). Ясно, что въ будущемъ обществѣ Папъ оставляетъ по меньшей мѣрѣ одну изъ самыхъ главныхъ формъ власти—власть судебную.

Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «государство завѣдуетъ также *исправительными колоніями* и психіатрическими лечебницами и *вообще всѣми дѣлами, касающимися благотворительности и богадѣленъ, суда и уголовныхъ наказаній*. Конечно, эти учрежденія должны быть реорганизованы на основаніи новыхъ юридическихъ и антропологическихъ данныхъ» ***). Очевидно, что судъ не единственный авторитетъ, необходимость котораго предвидитъ коллективизмъ. Какъ и слѣдовало ожидать, за судомъ идетъ родная сестра его—тюрьма, которую Папъ стыдливо прикрываетъ фиговымъ листкомъ «исправительной колоніи». Стыдливость—черта, которая очень нравится буржуазнымъ романтикамъ, но въ общественныхъ наукахъ она просто-на-просто титулуется «лицемѣріемъ». Что «исправительная колонія» Папа есть не что иное какъ реформированная буржуазная тюрьма, выдаетъ намъ самъ авторъ упоминаніемъ объ «уголовныхъ наказаніяхъ» и «новыхъ юридическихъ началахъ». Наконецъ, мы узнаемъ, что коллективисты мечтаютъ объ общинѣ, «самостоятельно избирающей свою администрацію, *созидающей свои законы и свою полицію*». Оказывается, что въ будущемъ обществѣ пролетаріатъ будетъ имѣть удовольствіе встрѣчаться со всѣми своими добрыми старыми знакомыми: Закономъ, Судомъ, Полиціей, Исправительной колоніей, Уголовнымъ наказаніемъ и всѣми другими прелестями современной государственной власти. Пусть г. Папъ не утѣшаетъ насъ тѣмъ, что всѣ эти учрежденія будутъ «реорганизованы на новыхъ началахъ»—сущность ихъ остается той же,—надъ рабочимъ обществомъ создается спеціальный органъ, издающій обязательныя для всѣхъ постановленія, карающій ихъ нарушеніе, словомъ обладающій правомъ «предупрежденія», «пресѣченія» и наказанія. Однако Папъ впадаетъ въ полное противорѣчіе съ самимъ собою, когда приступаетъ къ болѣе подробной харак-

*) Курсивъ вездѣ нашъ, гдѣ не оговорено.
**) Стр. 24.
***) Стр. 36.

теристикѣ функцій будущаго государства. Онъ заявляетъ, что будущее государство будетъ основано «на *добровольной* группировкѣ рабочихъ», что мѣстная администрація не будетъ имѣть *ни* законодательной, *ни* судебной власти» *). Онъ пытается даже нарисовать картину постепеннаго распаденія современнаго авторитарнаго строя и замѣны его свободнымъ обществомъ.

«Исходя изъ того положенія о государствѣ (говоритъ Папъ) которое намъ дала исторія всѣхъ странъ, т. е. о государствѣ деспотическомъ, представлявшемъ до настоящаго времени организацію господства семьи, касты или класса надъ экономически и юридически безправной массой, большинство соціалистовъ заявляетъ: долой государство! Они не хотятъ слышать о государствѣ, какую бы форму оно ни принимало. Они вполнѣ опредѣленно настаиваютъ на окончательномъ уничтоженіи всякаго государства, а наиболѣе послѣдовательные изъ нихъ, замѣтивъ, что коммуна представляетъ лишь маленькое государство съ меньшей территоріей, котораго функціи не такъ обширны, какъ функціи обыкновеннаго государства, заявляютъ, что отъ нея нечего ждать большаго, чѣмъ отъ государства въ собственномъ смыслѣ слова. Они выставили на своемъ знамени: анархія. Анархія не въ смыслѣ безпорядка, потому что они надѣются водворить истинный порядокъ посредствомъ добровольной организаціи экономическихъ силъ, но «ан-архія», соотвѣтствующая опредѣленію Прудона и представляющая отсутствіе власти, начальства, т. е. по ихъ мнѣнію,—полное уничтоженіе государства, такъ какъ въ ихъ глазахъ «власть», «начальство» являются синонимами государства». Изъ этихъ словъ Папа видно, что онъ прекрасно понимаетъ, что анархизмъ стремится не къ безпорядку, не къ хаосу, какъ объ этомъ услужливо кричитъ хулиганская пресса. *Анархическая коммуна даже въ пониманіи Папа есть добровольная экономическая организація производителей*, свободная рабочая ассоціація. Характерными чертами являются два обстоятельства: во-первыхъ, анархическая коммуна есть организація *экономическая* и потому не знаетъ ничего подобнаго полиціи, суду и какому бы то ни было другому политическому учрежденію; во-вторыхъ, анархическая коммуна есть организація *профессіональная*, объединяющая производителей извѣстной отрасли промышленности, а не жителей той или иной территоріи,—она объединяетъ не гражданъ, а работниковъ. Спрашивается: какъ

*) Стр. 24.

относится Папъ къ такому строю и чѣмъ колликтивизмъ, по его пониманію, долженъ отличаться отъ анархическаго строя общества? Послушаемъ его самого. «Они (соціалисты) видѣли, что въ главныхъ отрасляхъ современнаго производства крупныя предпріятія уничтожаютъ мелкія и что централизація капиталовъ, все расширяющееся примѣненіе совмѣстнаго труда и раздѣленіе его, непрекращающееся введеніе громадныхъ паровыхъ машинъ, приводящихъ въ движеніе орудія труда, необходимое вслѣдствіе этого скопленіе рабочихъ массъ въ обширныхъ фабрикахъ,—все это съ каждымъ днемъ увеличиваетъ размѣры крупной промышленности. Отдѣльный рабочій—ремесленникъ уступаетъ мѣсто совмѣстно работающимъ товарищамъ. Они видѣли, что эти рабочіе, сталкиваясь съ организованными капиталистами, интересы которыхъ діаметрально противоположны ихъ собственнымъ интересамъ, обязательно соединяются для борьбы въ профессіональные союзы, увлекая даже въ это движеніе рабочихъ мелкой промышленности и что такимъ образомъ группировка по профессіямъ дѣлается всеобщей. И они пришли къ заключенію, что *эта естественная организація рабочаго класса должна служить основаніемъ новой общественной группировки*, напоминающей добровольную группировку средневѣковыхъ общинъ. Обширность интересовъ должна неизбѣжно привести профессіональныя организаціи къ союзамъ о взаимной поддержкѣ, которые перейдутъ къ федераціямъ, вначалѣ мѣстнымъ, потомъ областнымъ и наконецъ международнымъ. Затѣмъ, не ограничиваясь этими теоретическими наблюденіями, они начали проводить ихъ въ жизнь. Подобно англійскимъ рабочимъ, они основывали трэдъ-юніоны, устраивали между ними федераціи и надѣются на такихъ же экономическихъ федеративныхъ началахъ создать международную ассоціацію. Такимъ образомъ, эту группировку профессіональныхъ союзовъ, имѣющую свои корни въ глубинѣ современной экономической жизни, они противопоставляютъ искусственной и устарѣвшей политической группировкѣ коммунъ и государствъ и предсказываютъ въ будущемъ полное исчезновеніе послѣднихъ» *). Прибавимъ къ этому, что, по мнѣнію Папа, статистика «въ хорошо организованномъ обществѣ будетъ играть роль *регулятора общественныхъ явленій* и особенно снабжать данными, необходимыми для управленія производствомъ, сообразно съ нуждами потребителей и для поддержки равновѣсія между количествомъ населенія и средствами къ существованію **). При-

*) Стр. 17, 18, 19.
**) Стр. 17.

бавимъ также, что, по мнѣнію Папа, государство и общины должны будутъ передавать всѣ сколько-нибудь важные общественныя работы союзамъ рабочихъ *). Спрашивается: чѣмъ такая точка зрѣнія отличается отъ анархической? Чѣмъ коллективизмъ Папа отличается отъ синдикальнаго анархизма? Повидимому, только тѣмъ, что Папъ подчиняетъ федерацію профессіональныхъ союзовъ контролю какой-то другой инстанціи, чему-то вродѣ рабочаго сената. Зачѣмъ понадобилась эта бюрократическая затѣя—рѣшительно непонятно. Разъ эта высшая инстанція не будетъ имѣть въ своихъ рукахъ карательной власти, то она вѣдь будетъ находиться въ полной зависимости отъ профессіональныхъ союзовъ и будетъ, такимъ образомъ, служить не средствомъ контроля, а источникомъ постоянныхъ недоразумѣній и треній. Если же эта инстанція будетъ подкрѣплена организованной силой, то становится ясно, что вершителемъ судебъ въ будущемъ обществѣ будетъ именно она. Профессіональные союзы будутъ служить только такъ сказать профессіональными департаментами промышленности въ рукахъ соціаль-демократической бюрократіи. Что Папъ склоняется несмотря на видимую путаницу въ понятіяхъ, именно къ такому бюрократическому пониманію будущаго общества, видно изъ того, что послѣ блестящей критики государственнаго деспотизма, послѣ того, какъ онъ самъ доказалъ „искусственность“ государственной группировки и необходимость новой „добровольной группировки“ людей по профессіямъ, послѣ того, какъ онъ самъ убѣждалъ насъ въ томъ, что эта добровольная профессіональная группировка «коренится» въ основахъ современнаго способа производства, онъ неожиданно приходитъ къ выводу, что пролетаріату, собственно говоря, нечего много измѣнять въ государственной организаціи. «Завладѣвъ ею (государственной машиной), говоритъ Папъ, они увидятъ, что государственная машина не требуетъ большихъ измѣненій для того, чтобы работать на общее благо: нужно будетъ только выкинуть колесики, поставленныя эксплоататорами—буржуа и и вставить другія, которыя имъ больше не нужны. Они увидятъ, что совсѣмъ не придется всецѣло перестраивать эту машину на новыхъ основаніяхъ. Когда все это будетъ слѣлано, мы можемъ смѣло сказать: рабочіе, государственная машина въ вашихъ рукахъ!» **). Выходитъ, что всѣ прежніе длинные разговоры о «добровольной группировкѣ», объ «устарѣлости

*) Стр. 14 и др.

**) Стр. 22.

политической организаціи» и о другихъ умныхъ вещахъ были только пустой болтовней, которая должна была пустить пыль въ глаза недовѣрчивому пролетарію.

Оказывается, что не только не предвидится необходимость полнаго разрушенія той машины, которая въ теченіе тысячелѣтій своей исторіи всегда неизмѣнно была самымъ наглымъ орудіемъ угнетенія, порабощенія и всяческой эксплуатаціи рабочихъ классовъ, что эта государственная машина, полученная въ наслѣдство отъ разбойничьихъ бандъ древнихъ греческихъ и римскихъ рабовладѣльцевъ и средневѣковыхъ грабителей—бароновъ и служащая въ настоящее время послушнымъ и гибкимъ оружіемъ въ рукахъ современныхъ кровопійцъ-буржуевъ для охраны частной собственности и для подавленія всякой попытки къ освобожденію труда,—словомъ, что современная государственная организація не только не должна быть разрушена до тла, какъ самое дьявольское изобрѣтеніе, созданное для увѣковѣченія рабства и эксплуатаціи, но и не должна быть даже перестроена на новыхъ основаніяхъ. Это ужаснѣйшее орудіе пытки сразу трогательно превращается въ благодѣтельную производительную машину. Какъ всѣ эти вздорные выводы примирить со всѣмъ тѣмъ, что было сказано раньше, и съ простымъ здравымъ смысломъ, отвѣчать не берусь. Ясно только одно, что даже Папъ, который лучше многихъ другихъ коллективистовъ понялъ тенденцію развитія современнаго способа производства, все таки приходитъ къ выводу, что государственная власть должна остаться незыблемой, будущее общество должно быть авторитарнымъ, т. е. принудительнымъ. Такъ же понимаютъ основу будущаго строя жизни всѣ остальные теоретики коллективизма, хотя Карлъ Марксъ, послѣ опыта Парижской Коммуны, нѣсколько колебался въ этомъ взглядѣ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Кугельману, помѣченнымъ 12 апрѣля 1871 г., Марксъ между прочимъ говоритъ: «Если ты просмотришъ послѣднюю главу «18 Брюмера», ты увидишь, что, по моему мнѣнію, ближайшій подъемъ французской революціи будетъ имѣть задачей *не передачу бюрократически—военной машины изъ однихъ рукъ въ другія какъ это бывало до сихъ поръ, а разрушеніе этой машины.* Именно таково предварительное условіе *всякой* дѣйствительно *народной* революціи на континентѣ*)». Какъ бы то ни было, современные теоретики коллективизма, которые видятъ научность въ томъ, чтобы упорно отстаивать взгляды, которые самъ «учитель»

*) № 11 «Вѣстникъ Жизни».

призналь устарѣлыми, видятъ въ авторитетѣ со всѣми милыми украшеніями въ видѣ закона, суда, полиціи и даже арміи необходимое условіе соціальной жизни.

Рѣшивъ вопросъ о томъ, какъ соціаль-демократы представляютъ себѣ основной характеръ будущихъ организаціонныхъ отношеній, мы должны поставить теперь другой вопросъ: какъ соціаль-демократы думаютъ совершить переходъ отъ капитализма къ коллективизму? Такъ какъ политическую организацію современнаго строя они оставляютъ нетронутой, то для соціаль-демократа вопросъ звучитъ такъ: какъ передать средства производства въ руки государства? какъ совершить экспропріацію?

Этимъ вопросомъ въ послѣднее время вынуждены были заниматься всѣ видные теоретики коллективизма. Удѣлилъ ему свое вниманіе и самый видный изъ нихъ—Карлъ Каутскій. Въ своей брошюрѣ «На другой день послѣ соціальной революціи» онъ ставитъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ будетъ совершена экспропріація;—путемъ-ли выкупа или путемъ конфискаціи. Казалось бы, что такой вопросъ не можетъ существовать для партіи, которая считаетъ собственность буржуазіи продуктомъ организованнаго грабежа и съ гордостью называетъ себя «революціонной». Наивный читатель, пожалуй, не пойметъ, зачѣмъ нужно именоваться соціалистомъ и къ тому же «революціоннымъ», «научнымъ» соціалистомъ, чтобы проповѣдывать выкупъ рабочимъ классомъ имъ самимъ созданныхъ общественныхъ богатствъ. Неужели «научный» революціонизмъ состоитъ въ томъ, чтобы идти на встрѣчу интересамъ собственниковъ и тѣмъ продолжить страданія рабочаго класса? Интересно поэтому послушать самого Каутскаго. У него, понятно, не хватаетъ смѣлости откровенно заявить, что соціаль-демократія принципіально отказывается отъ конфискаціи во избѣжаніе революціоннаго столкновенія съ буржуазіей и съ буржуазнымъ государствомъ. Ему приходится поэтому, пытаться всякими изворотами раздобыть аргументы въ пользу выкупа. Читая его, невольно вспоминаешь объ аргументаціи нашихъ россійскихъ министровъ, которые съ удивительной тонкостью всегда доказывали, что расширеніе землевладѣнія крестьянъ только принесетъ вредъ послѣднимъ и что безземелье и малоземелье есть чуть ли не благодать дтя русскаго крестьянства. Такою же благодатью оказывается для пролетаріата въ устахъ г. Каутскаго и выкупъ въ сравненіи съ конфискаціей, т. е. безплатнымъ возвращеніемъ народу ограбленныхъ у него богатствъ. По его словамъ, цѣлый рядъ соображеній говоритъ за то, что пролетарскій режимъ *по-*

старается избрать путь выкупа, т. е. вознагражденія капиталистовъ и землевлядѣльцевъ за отходящую отъ нихъ собственность *). «Ибо, прибавляетъ онъ, разъ пролетаріатъ не прибѣгнетъ къ конфискаціи, то насъ могутъ спросить—какая же будетъ польза рабочему классу отъ экспропріаціи? Экспропріація приведетъ только къ тому, что всякій капиталъ превратится въ денежный капиталъ, въ долговыя обязательства государства, общинъ и товариществъ и что прибавочная стоимость, которую капиталисты выжимали до сихъ поръ непосредственно, станутъ теперь брать съ рабочаго государство, общины и товарищества и передавать ее капиталистамъ. Измѣнится ли отъ этого хоть чѣмъ нибудь положеніе рабочаго класса? **)

«Такой вопросъ вполнѣ умѣстенъ (спасибо за признаніе!) Однако, если бы даже пролетарскій режимъ сталъ доставлять капиталу такую же массу прибыли, какую получалъ капиталъ и прежде, то экспропріація все таки представляла бы ту огромную выгоду, что всякое *дальнѣйшее* увеличеніе эксплоатаціи сдѣлалось бы невозможнымъ. Уничтожена была бы возможность всякаго *новаго* помѣщенія капитала, а, слѣдовательно, и всякаго *увеличенія* его равно какъ и всякаго *возвышенія* земельной ренты. Одно уже это было бы грандіознымъ результатомъ пролетарской революціи (Ой-ли!). Всякое дальнѣйшее увеличеніе общественнаго богатства шло бы отнынѣ на благо всего общества» ***). Такъ разсуждаетъ ученый «соціалистъ».

Что говорятъ намъ эти разсужденія? Насъ хотятъ увѣрить, что превращеніе всего капитала въ денежный, такъ сказать, кристаллизація современной собственности, было бы «грандіознымъ результатомъ пролетарской революціи». Такъ ли это? Вѣдь въ сущности говоря, это просто-на-просто значитъ искусственно остановить развитіе классовыхъ противорѣчій и фиксировать ихъ въ той стадіи, которой они достигли теперь. Если, напримѣръ, въ настоящее время прибавочная цѣнность составляетъ приблизительно двѣ трети продукта, то соціаль-демократическая, съ позволенья сказать, «экспропріація» кристаллизуетъ эту норму эксплуатаціи, узаконяетъ ее на долгое время впередъ, впредь до полнаго погашенія всего капитала. Выгода, которую получаетъ пролетаріатъ, выражается только въ томъ, что дальнѣйшій *ростъ* эксплуатаціи невозможенъ. Это было бы дѣйствительно утѣшительно, еслибы теперешняя «норма» гра-

*) Стр. 121.
**) Стр. 122.
***) Стр. 123.

бежа была бы хоть сколько-нибудь сносной. Но при теперешнемъ положеніи вещей соціаль-демократическая реформа сводится къ тому, чтобы драть съ рабочаго только одну шкуру, а не три. Эта спасительная реформа которая именуется по «научному» «экспропріація», гораздо лучше и проще можетъ быть достигнута и безъ «диктатуры пролетаріата» и безъ разныхъ соціальныхъ революцій. Достаточно для этого профессіональнымъ рабочимъ союзамъ добиться подходящихъ «подвижныхъ тарифовъ», регламентировать введеніе новыхъ машинъ, установить болѣе строгій контроль надъ условіями объ ученичествѣ, о пріемѣ новыхъ рабочихъ, расширеніи предпріятій и т. д., и т. д. Это и дѣлаютъ давно уже тихо, скромно и безъ шума самые мирные, даже самые реакціонные трэдъ-юніоны, не заявляя никакихъ претензій ни на какія «диктатуры», «революціи» и «экспропріаціи». Что новаго даетъ «научный» соціализмъ? Во-первыхъ, рядъ ученыхъ терминовъ, которые имѣютъ назначеніе затуманить и сбить съ толку простодушнаго рабочаго. Во-вторыхъ, то, что трэдъ-юніоны стремятся сдѣлать *собственными усиліями* на почвѣ *экономической* борьбы, то соціаль-демократія мечтаетъ совершить на *политической* аренѣ *путемъ декретовъ* и полицейскихъ предписаній. Измѣняетъ ли это сущность вещей? Развѣ не ясно, что такая «экспропріація» является чисто буржуасной реформой, которая далека отъ идеала рабочихъ, какъ небо отъ земли? Вѣдь *эта реформа не затрагиваетъ принципа собственности, не является вторженіемъ въ существующую систему права, а наоборотъ, признаетъ существующую форму собственности, построена на почвѣ существующаго буржуазнаго права.*

Самъ Каутскій, видимо, чувствуетъ неловкость своего положенія и пытается спастись путемъ хитрости. «Тамъ, гдѣ силой взять нельзя, тамъ нужно полукавить», говоритъ старикъ Крыловъ. И вотъ нашъ «ученый» соціалистъ пускается во всѣ тяжкія, чтобы придумать лукавый исходъ. Для спасенія ему является (чтобы вы думали?) прямой налогъ. Оказывается, что «пролетарское» правительство обложитъ капиталистовъ прямымъ налогомъ на доходъ, при чемъ лукавые министры соціаль-демократической республики постараются такъ организовать налогъ этотъ, чтобы поглотить часть выкупной суммы и приближаться такимъ образомъ къ конфискаціи. Каутскій однако чувствуетъ, что и эта хитрость не вполнѣ спасаетъ его, ибо бросаетъ его въ новую неловкость: невольно возникаетъ вопросъ—какой смыслъ имѣетъ одной рукой выкупать собствен-

ность, а другой посредствомъ налога конфисковывать выкупные платежи. На этотъ вопросъ у него есть два отвѣта. Во-первыхъ, благодаря налогу, по его мнѣнію, есть возможность не трогать мелкихъ собственниковъ. Во-вторыхъ, «прамая конфискація совершилась бы *очень быстро*, можетъ быть, даже *сразу*, между тѣмъ какъ конфискація посредствомъ обложенія налогомъ позволяетъ придать уничтоженію капиталистической собственности характеръ *болѣе или менѣе длительнаго процесса*, который подвигается впередъ по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ и обнаруживаетъ свое благотворное вліяніе новый порядокъ вещей. *Она даетъ возможность растянуть операцію на десятки лѣтъ*».... Онъ прибавляетъ, что «*чѣмъ лучше онъ* (пролегаріатъ) *организованъ и чѣмъ выше стоитъ по своему умственному развитію*, тѣмъ скорѣе можемъ мы ожидать, что онъ отдастъ предпочтеніе утонченной формѣ конфискаціи предъ примитивной». Иначе говоря, чѣмъ организованнѣе и сознательнѣе будетъ пролетаріатъ ко времени соціальной революціи, тѣмъ большимъ уваженіемъ будетъ онъ проникнутъ къ карманамъ своихъ нѣжныхъ хозяевъ и предпочтетъ «утонченно» и «научно» выкупать и облагать налогами свои собственныя имущества, растянувъ собственное рабство на «деесятки лѣтъ», чѣмъ совершить «рѣзкую» и «болѣзненную» конфискацію, которая сразу подорвала бы корни эксплуатаціи. Такъ ли это? Посмотримъ.

Раньше всего, сознательный пролетарій спроситъ г. Каутскаго: зачѣмъ вы, г. «учитель», такъ боитесь конфисковать мелкій капиталъ? Вѣдь всѣ эти мелкія сбереженія имѣютъ въ глазахъ мелкаго собственника только ту цѣнность, что они спасаютъ его отъ ужасовъ голодной смерти. Разъ соціалистическое общество уничтожаетъ безработицу, бѣдность, нищету и другія соціальныя бѣдствія, разъ такимъ образомъ устраненъ страхъ голода и голодной смерти, зачѣмъ нужны мелкому собственнику или пролетарію его грошевыя сбереженія, которыя только въ видѣ насмѣшки можно назвать «капиталомъ»? Развѣ соціалистическое общество не въ правѣ сказать владѣльцамъ этихъ ничтожныхъ сбереженій: «Вы скопили свои ничтожныя экономіи съ цѣлью обезпечить себѣ право на извѣстную, хотя бы ничтожную долю общественнаго богатства. Мы теперь признаемъ такое право за *всякимъ* членомъ общества, стало быть, и за вами. Зачѣмъ же нужны вамъ ваши бумажки, которыя имѣютъ смыслъ въ обществѣ основанномъ на всеобщемъ грабежѣ, но является чѣмъ-то вродѣ талисмановъ въ обществѣ, основанномъ на общей человѣческой солидарности. Въ соціали-

стическомъ обществѣ всякій человѣкъ въ одинаковой степени собственникъ, независимо отъ пріобрѣтенныхъ или наслѣдственныхъ правъ, потому что собственникомъ является все общество въ цѣломъ, весь союзъ работниковъ». Думаетъ ли г. Каутскій, что такое заявленіе соціалистическаго общества менѣе «научно» и менѣе «утончено», чѣмъ его остроумные проекты о выкупѣ и обложеніи налогомъ? Вдумчивый пролетарій позволитъ себѣ усомниться.

Затѣмъ, странныя размышленія возбуждаетъ Каутскій своею заботою о томъ, «чтобы растянуть операцію на десятки лѣтъ». Если экспропріація «болѣзненный процессъ, то какой же умный врачъ захочетъ растянуть, продолжить болѣзненное состояніе? Развѣ медицина не преслѣдуетъ противоположной цѣли—по возможности сократить время недуга, болѣзни? Если же экспропріація есть фактъ глубокой исторической необходимости, фактъ вызываемый переходомъ капитализма къ соціализму, то почему бы рабочему классу, по крайней мѣрѣ, не стараться по возможности ускорить этотъ неизбѣжный и желанный переходъ отъ каторги капитализма въ свѣтлый міръ свободы и равенства? Разсужденія Каутскаго производятъ впечатлѣніе, какъ будто пролетаріатъ долженъ всѣми силами стремиться замедлить моментъ наступленія своего собственнаго освобожденія. Неужели Каутскій предчувствуетъ, что у рабочаго класса нѣтъ особыхъ мотивовъ слишкомъ торопиться въ царство коллективизма? Только это предположеніе могло бы въ нашихъ глазахъ придать нѣкоторый смыслъ совершенно безсмысленной болтовнѣ о «выкупѣ съ налогомъ», объ «утонченныхъ» и «примитивныхъ» методахъ экспропріаціи, о «болѣзненныхъ» и «рѣзкихъ» формахъ и другихъ пустякахъ. Но зачѣмъ же не сказать это прямо, откровенно? Зачѣмъ вводить въ заблужденіе простодушнаго читателя, не искушеннаго въ тонкостяхъ гегельянской діалектики?

Работа Каутскаго отвлечена и даетъ только общіе штрихи соціальдемократическаго пониманія соціалистическаго общества. Чтобы получить болѣе конкретное представленіе о коллективизмѣ мы должны обратиться къ работѣ другого соціальдемократическаго писателя г. Антлантикуса, сочиноніе котораго переведено на русскій языкъ («Производство и потребленіе въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ»). Что въ этой работѣ Антлантикусъ выражаетъ въ общемъ не только свои личные взгляды, но и воззрѣнія, общепринятыя въ «высшихъ сферахъ» соціальдемократіи, видно изъ предисловія Каутскаго, которое заканчивается слѣдующими словами: *мои возраженія не за-*

трашиваютъ существеннаго содержанія книги и не касаются статистическаго разсчета, который данъ авторомъ. Этотъ разсчетъ заслуживаетъ, по моему мнѣнію, *глубокаго* вниманіе. И такъ пожелаемъ этой книги *полнаго* успѣха». Если Каутскій рекомендуетъ нашему «глубокому вниманію» книгу Атлантикуса, мы имѣемъ всѣ основанія, по крайней мѣрѣ, въ общемъ считать ее выраженіемъ средняго соціальдемократическаго взгляда на данный вопросъ Мы далеки отъ мысли, что цифровые разсчеты Антлантикуса обязательны для всѣхъ коллективистовъ, что коллективизмъ приметъ какъ разъ ту конкретную форму, которую даетъ ему авторъ. Коллективизмъ есть извѣстный общественный принципъ, а не разъ навсегда данная форма организаціи общества, съ разъ навсегда даннымъ бюджетомъ, съ постоянными рабочими платами и т. д. Впрочемъ, не это насъ интересуетъ. Мы хотимъ знать не то, каково въ точности, *дѣйствительно будетъ* коллективистское государство, а то, какимъ *хочетъ* его видѣть г. Антлантикусъ, какимъ онъ себѣ рисуетъ его.

Раньше чѣмъ перейти къ наиболѣе интересующему насъ пункту, къ вопросу объ общественныхъ отношеніяхъ при коллективизмѣ не мѣшаетъ сдѣлать рядъ предварительныхъ замѣчаній. Въ одномъ мѣстѣ своего «Введенія» авторъ говоритъ: «Если переходъ къ соціализму долженъ произойти мирнымъ путемъ и въ ближащемъ будущемъ, то необходимо прежде всего уничтожить то пугало, которое превращаетъ самаго мирнаго гражданина, имѣющаго хотя бы ничтожную собственность, въ отъявленнаго врага соціальдемократіи,—я говорю о безвозмездной экспропріаціи имущихъ. Даже безпроцентный выкупъ (Каутскій, Шефле) или выкупъ съ высокими платами въ погашенія (Флюршейнъ) какъ бы они не были правильны съ теоретической точки зрѣнія, съ практической рѣшительно неудобны и встрѣтили бы самое упорное сопротивленіе» *) Каутскій, выражаясь вульгарно, еще виляетъ по поводу «рѣзкости», «болѣзненности», «примитивности» конфискаціи и пытается скрыть отъ насъ испытанный мотивъ предпочтенія выкупа. Атлантикусъ болѣе откровенно объясняетъ намъ сущность этого явленія. Онъ совершенно отвергаетъ въ сторону разныя лукавыя изобрѣтенія генерала отъ марксизма и просто заявляетъ намъ. что выкупать пролетаріатъ долженъ потому, то это необходимо для успокоенія собственниковъ. Такая откровенность только говоритъ въ пользу Атлантикуса. Дальше

*) Страница 24.

онъ прибавляетъ: «На мой взглядъ, необходимо составить предварительную смѣту съ такимъ разсчетомъ, чтобы огосударствленіе средствъ производства состоялось на условіяхъ *достаточно* (?) *выгодныхъ* для *собственниковъ*, которые должны получать *вѣчную* ренту, равную удостовѣренной величинѣ получаемаго ими дохода (по реальной его цѣнности), при этомъ слѣдуетъ, конечно (!) установить или очень (?) небольшую амортизацію ренты (около $^1/_{10}$ ежегодно) или незначительный налогъ на наслѣдство. Для тѣхъ, которые владѣютъ естественной монополіей, слѣдовательно, прежде всего земельными угодьями, можно было бы установить ренту, которая *превышала бы* вычисленный чистый средній доходъ на 20—25%».

Итакъ, не только оказывается необходимымъ выкупъ всѣхъ имуществъ, но г. Атлантикусъ ревниво оберегаетъ всѣ интересы капиталиста: по его мысли, владѣлецъ имущества долженъ быть обезпеченъ *вѣчнымъ* доходомъ. При этомъ землевладѣльцы не только получаютъ право на увѣковѣченіе своего теперешняго дохода, чего даже капитализмъ не въ состояніи сдѣлать, но и награждается солидной надбавкой въ 20—25%. На какомъ основаніи дѣлаетъ это г. Атлантикусъ? Почему капиталистъ имѣетъ вѣчное право на тотъ доходъ, который онъ теперь, благодаря современной системѣ эксплуатаціи и насилія высасываетъ изъ рабочаго класса? Очевидно, этотъ ученый «соціалистъ» полагаетъ, что современный доходъ капитала есть нѣчто весьма естественное, вытекающее изъ «производственныхъ отношеній» и онъ хотѣлъ бы это милое положеніе вещей увѣковѣчить. Не объяснить ли это нѣжное отношеніе къ имущему природной сердечной добротой г. Атлантикуса? Это покажетъ дальнѣйшее. Теперь-же мы позволимъ себѣ процитировать еще нѣсколько интересныхъ мѣстъ изъ того же предисловія.

Наградивъ «по царски» крупныхъ помѣщиковъ и крупныхъ капиталистовъ, г. Атлантикусъ, кокетливо заигрываетъ съ другой привиллегированной группой. «Что же касается, говоритъ онъ, крупныхъ собственниковъ изъ крестьянъ, сельскихъ управляющихъ, а отчасти и земельныхъ собственниковъ, словомъ—всѣхъ тѣхъ, которые теперь выполняютъ функцію правителей, то большая часть изъ нихъ останется и въ будущемъ при своихъ занятіяхъ, съ той лишь разницей, что вознагражденіе будетъ имъ *повышено*»*). Какъ видите, даже

*) Стр. 27.

сельскіе управляющіе не только не потерпятъ отъ соціальнаго переворота, но и выиграютъ отъ него. Какой развратъ должны такіе взгляды вносить въ рабочую среду! Вотъ это-то и называется «стоять на пролетарской точкѣ зрѣнія»....

Разбрасывая дальше плѣнительныя улыбки въ сторону тѣхъ общественныхъ группъ, которыя стоятъ надъ рабочимъ классомъ, нашъ авторъ подходитъ къ интеллигенціи. Оказывается, что безобидный коллективизмъ не можетъ понятно обидѣть и эту общественную группу, которая играетъ такую видную роль въ общественной жизни буржуазнаго общества. Во-первыхъ, мы узнаемъ, что люди, которые выберутъ интеллигентную карьеру, будутъ совершенно освобождены отъ обязательныхъ работъ. Во-вторыхъ, эти такъ называемые умственные работники получатъ гораздо болѣе обезпеченное и привиллегированное положеніе, чѣмъ теперь. «Вѣдь въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, имъ нечего опасаться, что ихъ милые родственники, т. е. дѣти современной интеллигенціи, перейдутъ при паденіи ренты въ ряды обыкновеннаго (!) (какой ужасъ, какъ подумаешь) рабочаго класса. Въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ этотъ *классъ* будетъ къ тому же стоять выше какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ» *). Теперь г. Атлантикусъ намъ открылъ новую поразительную вещь. Вѣдь до сихъ поръ соціаль-демократія увѣряла, что она стремится къ полному уничтоженію классовъ. Изъ устъ г. Атлантикуса мы слышимъ, что новое общество представляетъ собою въ сущности только новую перетасовку, а не разрушеніе классовъ. Во главѣ общества оказывается современный классъ капиталистовъ, положеніе которыхъ не только не измѣнилось къ худшему, но сильно упрочилось. Капиталисты и землевладѣльцы получаютъ свою прибыль и ренту какъ и раньше, но безъ прежней борьбы, безпокойствъ и неудобствъ. За классомъ капиталистовъ слѣдуетъ другой классъ—интеллигенція, которой создается такое же привиллегированное и прочное положеніе. Атлантикусъ откровенно обѣщаетъ ей, что ей не грозитъ опасность упасть въ ряды «обыкновеннаго рабочаго класса», хотя и положеніе послѣдняго улучшится.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать коллективизмъ этого соціаль-демократическаго ученаго, мнѣ остается указать еще только нѣсколько черточекъ. Во-первыхъ, онъ предлагаетъ соціаль-демократіи не стремиться къ отдѣленію церкви отъ государства и не воевать съ духовенствомъ вообще, такъ какъ

*) Стр. 29.

этимъ соціаль-демократія упускаетъ случай привлечь къ себѣ «вѣрующихъ» *). Во-вторыхъ, онъ считаетъ необходимымъ сохранить современную форму семьи: ему кажется «непонятнымъ, почему современныя брачныя нормы подлежатъ измѣненію». Тутъ же онъ прибавляетъ, что «о полномъ искорененіи проституціи въ ближайшемъ будущемъ не можетъ быть и рѣчи» и считаетъ совершенно лишней «свободную любовь». Въ-третьихъ, по его мнѣнію, монархія весьма легко можетъ удержаться, «если она готова проводить всѣ мѣропріятія, которыхъ требуетъ народъ и если она признаетъ волю народа высшимъ закономъ» **). Наконецъ, мнѣ остается только прибавить для полноты картины, что въ будущемъ обществѣ не только будутъ «преступники», но и будетъ оставлено по необходимости войско съ 25000 офицеровъ во главѣ... Эти общіе штрихи не нуждаются въ комментаріяхъ. Перейдемъ лучше къ разсмотрѣнію бюджета коллективистскаго государства. Вѣдь именно въ бюджетѣ, по справедливому мнѣнію Каутскаго, вскрывается истинный классовый характеръ всякаго государства.

Раньше всего, намъ остается выяснить, какова общая сумма доходовъ коллективистскаго государства. Такъ какъ при коллективизмѣ доходы государства въ сущности совпадаютъ съ цѣнностью всѣхъ продуктовъ національнаго производства, то раньше всего намъ приходится открыть, сколько сможетъ произвести весь рабочій классъ Германіи, когда населеніе возрастетъ приблизительно до 60.000.000... Атлантикусъ даетъ для Германіи слѣдующій болѣе или менѣе правильный подсчетъ, предполагая, что все населеніе до 17-тилѣтняго возраста освобождено отъ всякихъ обязательныхъ работъ, а всѣ взрослые люди, кромѣ имущихъ и интеллигенціи, обложены всеобщей рабочей повинностью въ теченіе 10 лѣтъ, отъ 17 до 27.

«Общая цѣна, говоритъ онъ, всего того, что даетъ государству установленная всеобщая рабочая повинность, представится въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ милліонахъ марокъ ***).

Пищевые продукты	М. 22.420
Одежда и бѣлье	„ 6.600
Обувь	„ 1.000
Мыло и свѣчи	„ 500
Прочіе товары	„ 320
	М. 30.840

*) Стр. 30.
**) Стр. 31.
***) Стр. 116.

Если сюда прибавить доходы государства съ продажи желѣзно-дорожныхъ билетовъ, съ морскихъ поѣздокъ, съ почты и телеграфа, плату за отопленіе, за театральные билеты, то г. Атлантикусъ исчисляетъ общую сумму доходовъ соціаль-демократическаго государства въ 33.140 милліоновъ марокъ. Не будемъ входить въ разборъ того, возможно ли, чтобъ въ *рабочемъ* обществѣ пользованіе такими необходимыми учрежденіями какъ театръ, почта, телеграфъ и желѣзная дорога, было поставлено въ зависимость отъ какой бы то ни было платы. Такія учрежденія стали для современнаго человѣка абсолютно необходимыми, подобно воздуху и водѣ. Взымать за нихъ плату значитъ просто на просто продолжать старую систему монополій и привиллегій. Но пока оставимъ въ сторонѣ этотъ споръ и посмотримъ, какъ соціаль-демократическій теоретикъ распредѣляетъ эти государственные доходы.

Раньше всего, нужно, понятно, вознаградить помѣщиковъ и г. Атлантикусъ послѣ длиннаго ряда разсужденій о цѣнности современныхъ помѣщичьихъ имуществъ говоритъ: «Итакъ, если мы, достаточно соблюдая интересы землевладѣльцевъ (какъ трогательно звучитъ это въ устахъ «соціалиста!»), положимъ на уплату за земельную собственность 10 милліардовъ, если мы даже насчитаемъ еще 10 милліардовъ на приростъ капитала (предполагая, что огосударствленіе произойдетъ черезъ 10 лѣтъ), то мы получимъ еще 125 милліардовъ или круглымъ счетомъ, въ видахъ *наивозможно меньшаго нарушенія интересовъ собственниковъ*, 130 милліардовъ. Въ настоящее время обычный размѣръ дохода съ солидныхъ цѣнностей едва ли выше 3—3¼%. Мы, однако, примемъ во вниманіе, что придется платить полныхъ 3½%. Тогда мы получимъ 4550 милліонновъ марокъ *ежегоднаго процентнаго вознагражденія* за экспропріированныя цѣнности» *). Въ этихъ словахъ характерно звучитъ предупредительное отношеніе къ собственникамъ: къ современной настоящей цѣнности имуществъ соціальдемократическое правительство прибавляетъ собственникамъ 10 милліардовъ, такъ сказать, на чай, а норму повышаетъ чуть ли не на ½%. Въ результатѣ кучка народныхъ эксплуататоровъ обезпечивается *вѣчнымъ* доходомъ въ 4550 милліоновъ марокъ. И это называется экспропріаціей... По-рыцарски наградивъ собственниковъ, г. Атлантикусъ оплачиваетъ услуги интеллигенціи. Раньше всего идутъ учителя. «Средній размѣръ жалованья, *помимо даровой квартиры при школьномъ зданіи*, мы можемъ

*) Страница 118.

принять слѣдующій: для учителя 3500 марокъ (низшій окладъ 2500 марокъ, а высшій 4500 марокъ), для учительницы 2500 марокъ *).

Нѣсколько большую плату получаетъ сельско-хозяйственный управляющій: на содержаніе 3500 марокъ + 1500 марокъ наградныхъ, всего 4500 мар. въ годъ.

«Что касается правительственныхъ чиновниковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то на первомъ планѣ стоятъ управляющіе 30000 государственныхъ товарныхъ складовъ, которые возьмутъ на себя и завѣдыванье кассой, т. е. выплату пенсіи рабочимъ. Кромѣ того потребуется еще около 20000 человѣкъ судей и иныхъ правительственныхъ чиновниковъ» **). Здѣсь обращаетъ наше вниманіе странный намекъ на «иныхъ правительственныхъ чиновниковъ». Невольно возникаетъ вопросъ: кого это разумѣетъ Атлантикусъ подъ «иными правительственными чиновниками», кромѣ учителей, «чиновниковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова», судей и всякихъ промышленныхъ управляющихъ, о которыхъ онъ говоритъ отдѣльно? Остается не упомянутой только одна категорія правительственныхъ чиновниковъ — такъ называемые чины жандармскаго вѣдомства.... Неужели ихъ разумѣетъ г. Атлантикусъ? Зачѣмъ же не сказать прямо? Къ чему это зловѣщее выраженіе «иные правительственные чиновники»? Кто разгадаетъ? Во всякомъ случаѣ управляющимъ складами, судьямъ и «инымъ чиновникамъ» назначается недурной окладъ въ 5000 марокъ на человѣка.

Особенно распинается ученый «соціалистъ» за высшихъ правительственныхъ чиновниковъ. «Для высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, говоритъ онъ, необходимо, *разумѣется* (великолѣпное разумѣется!), такъ же, какъ и теперь установить жалованье отъ 6 до 10 или даже отъ 15 до 25 тысячъ марокъ» ***).

Нѣкоторую нѣжность обнаруживаетъ авторъ и къ завѣдующимъ и къ директорамъ фабрикъ. «Завѣдующіе фабриками и директора должны, *разумѣется*, получать большое вознагражденіе—отъ 10 до 12 тысячъ марокъ и кромѣ того еще преміи за лучшіе успѣхи» ****).

Зато врачамъ, техникамъ, химикамъ, инженеръ-механикамъ, инженерамъ путей сообщенія и учителямъ среднеучеб-

*) Страница 118.
**) Страница 119.
***) Страница 119.
****) Страница 119.

ныхъ заведеній назначается плата только въ 5000 марокъ. Профессоръ получаетъ, понятно, больше—8000 марокъ въ годъ.

Наградивъ и оплативъ собственность, государственные «труды», организаторскій трудъ и науку, г. Атлантикусъ не обходитъ своею милостью и искусство. Вѣдь въ «благоустроенномъ государствѣ» рядомъ съ полиціей, духовенствомъ, судьями и «иными правительственными чиновниками» необходимы чиновники по департаменту искусства. Театральнымъ чиновникамъ (артистамъ, музыкантамъ, декораторамъ) назначается жалованье въ 4000 марокъ въ годъ. Г. Атлантикусъ сознаетъ при этомъ, что искусство нужно развивать. Но, что могло бы въ будущемъ обществѣ наиболѣе содѣйствовать этому развитію? Можетъ быть, вы думаете, что въ будущемъ обществѣ, когда съ человѣка будутъ сняты всѣ путы, связывающія его духовную личность, когда человѣкъ освободится отъ каторги долгаго и подневольнаго труда, высокій подъемъ духовныхъ потребностей человѣчества яркимъ образомъ отразится и на искусствѣ? Можетъ быть, вы вѣрите, что изъ глубины народа выйдутъ многія могучія личности, которыя до сихъ поръ были задавлены тяжкимъ трудомъ и позорнымъ рабствомъ, и въ захирѣвшее, сѣрое искусство буржуазнаго міра внесутъ новыя, свѣжія и яркія струи жизни? Можетъ быть, на этомъ основаніи вы дерзнете предсказать, что именно этотъ необычайный духовный подъемъ создастъ такое искусство, котораго до сихъ поръ не зналъ еще міръ, на которомъ вѣчно лежало проклятье братоубійственной борьбы и клеймо позорнаго рабства? Если вы такъ думаете, то вы только жалкій «утопистъ».... «Научный соціализмъ» имѣетъ другое, болѣе рѣшительное и болѣе простое средство развитія и обновленія искусства: назначить болѣе высокій окладъ лучшимъ артистамъ,—и дѣло съ концомъ. А для того, чтобы первоклассные артисты могли получать болѣе значительное вознагражденіе, извѣстное число театровъ должно имѣть большіе бюджеты и взимать поэтому болѣе высокую входную плату. «Средняя цѣна билетовъ, при условіи полнаго сбора, не должна превышать 60, 80 пфенниговъ (30, 40 копеекъ), и можно быть увѣреннымъ (спѣшитъ онъ успокоить артистовъ, встревоженныхъ такой высокой входной платой), что при такихъ цѣнахъ незанятыхъ мѣстъ будетъ очень мало» *). Какъ просто рѣшаются всѣ воиросы, если «стать на пролетарскую точку зрѣнія»!

*) Стр. 121.

Такъ щедро и великодушно воздавъ должное всѣмъ сильнымъ міра сего, г. Атлантикусъ вспоминаетъ, что онъ забылъ еще о двухъ категоріяхъ умственныхъ «работниковъ»: о духовенствѣ и арміи. Онъ просто и откровенно декретируетъ: «На 3000 духовныхъ лицъ государству придется расходовать 100,000,000 марокъ», а 25,000 офицеровъ, которые должны исполнять благородную службу защиты отечества, онъ назначаетъ, разумѣется, не менѣе высокую плату—5000 марокъ въ годъ. «Пока существуетъ нынѣшнее натянутое отношеніе, глубокомысленно разсуждаетъ «научный соціалистъ», между государствами, *нечего и думать* (sic!) о томъ, чтобы распустить войско и забросить профессіональное военное образованіе. Необходимо, *конечно*, (милое словечко!) сохранить *хотя бы* однолѣтнюю воинскую повинность. Прямо перейти къ милиціонной системѣ было бы во всякомъ случаѣ рискованно (почему, мудрый Эдипъ?) Для военной подготовки было бы, конечно, достаточно одного года обязательной службы, такъ какъ *въ будущемъ всѣ молодые люди получатъ такое школьное образованіе, которое требуется теперь отъ вольноопредѣляющагося 1-го разряда; помимо того, и сама школа можетъ дать нѣкоторую военную подготовку*» *). Болѣе наглое издѣвательство надъ всѣми идеалами рабочаго класса трудно было бы себѣ представить. Если до сихъ поръ «ученый» соціалистъ строилъ на нашихъ глазахъ форменный грабежъ народнаго труда, чтобы подкупить крупныхъ собственниковъ, интеллигенцію, судей и «иныхъ» чиновниковъ, то теперь, въ предыдущей цитатѣ, онъ безстыдно заливаетъ грязью все, что есть свѣтлаго въ соціализмѣ. Не только оставляется духовенство—этотъ вѣчный источникъ мракобѣсія, не только сохраняется постоянная армія съ военной повинностью и, стало быть, съ ея притупляющей казарменной жизнью, но и будущая школа, на которую направлено столько трогательныхъ надеждъ всѣхъ свободомыслящихъ, отъ которой все переродовое человѣчество ждетъ дѣйствительнаго духовнаго обновленія и полнаго искорененія всѣхъ грубыхъ человѣконенавистническихъ инстинктовъ военщины и низкопоклонства,—эта самая соціалистическая школа будетъ, подъ рукодствомъ соціальдемократическихъ авантюристовъ, давать военную подготовку подростающему соціалистическому поколѣнію. Слишкомъ долго комментировать такіе взгляды было бы величайшимъ оскорбленіемъ для читателя. Но, можетъ быть, не лишнее прибавить еще одну многопоучительную цитату.

*) Стр. 121.

«Какъ соціальное государство, прибавляетъ г. Атлантикусъ, Германія могла бы выставить значительно большія силы, чѣмъ теперь»... «Когда средства перейдутъ къ государству, придется тратить на военныя суда *только* матеріалъ и *трудъ*. Если *каждый* мужчина будетъ работать 1/4 года сверхъ установленнаго срока, то мы получимъ для постройки военныхъ кораблей 12500 рабочихъ дней, что вполнѣ достаточно для того, чтобы въ теченіе 3—4 лѣтъ построить такой флотъ, который будетъ могущественнѣе англійскаго флота».Вмѣсто долгихъ безполезныхъ комментаріевъ невольно хочется задать вопросъ: чѣмъ отличается г. Атлантикусъ, развивающій теорію коллективизма, отъ г. Гогенцоллерна, управляющаго Германской Имперіей? Идеалы тѣ же, средства различны....

Оставимъ въ сторонѣ длинныя разсужденія Атлантикуса о разныхъ пенсіяхъ и наградныхъ для выслужившихся интеллигентовъ и посмотримъ въ общихъ чертахъ, какъ вознаграждается въ «идеальномъ» обществѣ трудъ работниковъ. Читатель будетъ пораженъ, когда узнаетъ, что послѣ громадныхъ тысячныхъ окладовъ, которые такъ щедро расточались имущимъ и чиновникамъ, работникамъ и работницамъ назначается довольно скромная плата: первымъ 800 марокъ въ годъ, послѣднимъ только 700. Понятно, что на такую плату совершенно немыслимо жить. Г. Атлантикусъ хочетъ поэтому нѣсколько задобрить читателя. Первымъ долгомъ, оказывается, что «каждый рабочій и работница должны имѣть по меньшей мѣрѣ одну *) отдѣльную комнату». Если читатель все еще скептически настроенъ и скажетъ, что даже при даровой комнаткѣ, которую дастъ рабочему попечительное начальство, на 700 марокъ въ въ годъ (350—400 руб.) роскошной жизни не устроишь, г. Атлантикусъ заявляетъ: «Какъ изъ практическихъ, такъ и изъ физіологическихъ соображеній нельзя высказаться за то, чтобы рабочіе (а интеллигенты и имущіе?) *вступали въ бракъ до окончанія своего срока всеобщей обязательной повинности*. При нашемъ климатѣ мужчина достигаетъ полной физической зрѣлости *не раньше 25 лѣтъ*, женщина не раньше 20. Не было бы, разумѣется, вреда (для кого? очевидно, для г. Атлантикуса), еслибы мущина вступалъ въ бракъ 27 лѣтъ, а женщина послѣ 22» **). Тутъ въ высшей степени интересно обра-

*) Характерно, что интеллигентамъ обѣщана просто хорошая квартира, а рабочему—комната. Хватитъ, молъ, этой сволочи и одной комнаты...

**) Стр. 123.

тить вниманіе на 2 момента. Во-первыхъ, человѣкъ, который имѣетъ дерзость называть себя «соціалистомъ», считаетъ возможнымъ дозволить соціаль-демократическому государству наложить свою грязную лапу на одну изъ наиболѣе интимныхъ сторонъ личной жизни,—дѣло, на которое до сихъ поръ не рѣшалось еще ни одно правительство *). Во-вторыхъ, въ обществѣ, состоящемъ изъ работниковъ, построенномъ на господствѣ труда, такое ограниченіе смѣютъ наложить именно на *рабочихъ* и *только* на рабочихъ, потому что имущіе и представители интеллигентныхъ профессій свободны отъ «всеобщей рабочей повинности», въ продолженіе которой и существуетъ это достойное ограниченіе.

Однако, указанная выше плата относится только ко времени рабочей повинности, отъ 17 до 27 лѣтъ. По отбытіи этой повинности работникъ и работница получаютъ извѣстную пенсію: мужчина 800 марокъ, а женщина «соотвѣтсвенно меньшей производительности» только 500 марокъ. Спрашивается: какимъ образомъ можно жить на такую сумму, которой едва можетъ хватать на порядочную квартиру? Г. Атлантикусъ раскрываетъ намъ эту тайну: «Работая по выслугѣ пенсіи, всякій будетъ въ состояніи пріобрѣсти себѣ или отдѣльный домикъ или же право на часть городского дома. Необходимые плоды, зелень и т. д. каждая семья можетъ разводить у себя, получая даже излишекъ *для продажи имущимъ* (!). Можно даже съ увѣренностью сказать—за участіе въ производствѣ предметовъ роскоши и тому подобное рабочіе получатъ около 1/2 изъ тѣхъ 8875 милліоновъ, которые приходятся на долю имущихъ» **). Дѣйствительно, загадка рѣшается очень просто: рабочій дополняетъ свое скудное государственное жалованье «услугами» и за это получаетъ объѣдки со стола имущихъ. Да будетъ стыдно ученому коллективисту!

Мы могли бы оставить теперь отвратительную работу дальнѣйшаго разбора той грязи, которую намъ преподноситъ теоретикъ коллективизма въ видѣ плана коллективистскаго государства, но намъ интересно подвести итогъ всему сказанно-

*) Только одно предположеніе могло бы пролить свѣтъ на эту безсмысленную затѣю: именно, что запрещается *законный* бракъ и соціаль-демократическое начальство вводитъ государственную проституцію, разумѣется, на новыхъ, «научныхъ» началахъ, прямо вытекающихъ изъ основъ марксизма... Отчего бы въ «будущемъ обществѣ» рядомъ съ духовенствомъ, офицерами, судьями и «иными» чиновниками не фигурировать и проституткѣ?

**) Стр. 124.

му. Оказывается, что общая сумма доходовъ государства=М. 33.140 милліоновъ.

I. Изъ нихъ тратится:

	въ милліонахъ
На плату работникамъ и работницамъ	М. 6.520
На пенсіи всѣмъ отбывшимъ рабочую повинность .	„ 16.170
Всего рабочему классу	М. 22.690

II.

Учителямъ	М. 1.080	мил.
С.-Хозяйст. управляющ. . . .	„ 450	„
Государствен. чиновникамъ .	„ 260	„
Техникамъ	„ 200	„
Машинистамъ	„ 120	„
Препод. средн. и высш. уч. зав.	„ 150	„
Театральному персоналу . . .	„ 540	„
Духовенству и офицерамъ . .	„ 225	„
На стипендіи учащимся . . .	„ 50	„
Пенсіи	„ 950	„
Всего интеллигенціи .	„ 4335	„
Имущимъ	М. 4550	мил.
Рабамъ—неграмъ за работу въ колоніяхъ .	„ 450	„

Стало быть прибавочная цѣнность равняется:

$$\frac{\text{Плата интеллиг.+плат. имущ.}}{\text{Плата раб.+пенсіи+плат. рабамъ}} = \frac{4335+4550}{6520+16170+450} = 38{,}4\%.$$

Въ заключеніе, повторяю еще разъ, что я далекъ отъ мысли, что коллективизмъ непремѣнно долженъ принять такую безобразную форму. Что выкладки г. Атлантикуса дѣйствительно доказываютъ, такъ это то, что составляетъ *тенденцію* коллективизма—поставить *надъ* рабочимъ классомъ новую аристократію, аристократію умственнаго труда, которая въ союзѣ съ остатками буржуазіи будетъ, подъ видомъ «организаціи производства», командовать трудомъ не лучше дворянъ и капитали-

стовъ. *Соціаль-демократы хотятъ казаться выразителями интересовъ рабочаго класса, но на дѣлѣ они только представители «новаго средняго сословія»—буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенціи. Они хотятъ казаться соціалистами, но они только болѣе послѣдовашельные демократы.*

XI.

Либерализмъ, соціализмъ и анархизмъ.

Никогда человѣчество не видало еще такого грандіознаго развитія матеріальной культуры, какъ эпоха господства буржуазіи. За одинъ вѣкъ техника сдѣлала болѣе поразительные успѣхи, чѣмъ во всю предшествовавшую исторію человѣчества. Но едва ли не болѣе поразительны еще успѣхи культуры умственной—этой грандіозной смѣны потоковъ идей.

Всѣ идеи, всѣ идеалы, которыми человѣчество жило вѣками, какъ будто внезапно поблекли, отжили. Философія, наука, нравственность, искусство, подобно всему экономическому и политическому укладу жизни, понесли коренную ломку. Съ какой-то необъяснимой любовью и страстью отдалась передовая интеллигенція передового класса, интеллигенція буржуазіи, суровому и великому дѣлу безпощаднаго разрушенія строя крѣпостничества и мракобѣсія. Этотъ грандіозный порывъ разрушенія называется Великой Революціей.

Какая же идея руководила интеллигенціей въ ея борьбѣ съ феодализмомъ? На чемъ хотѣла она построить новое общественное зданіе на мѣстѣ старыхъ феодальныхъ развалинъ? Во имя чего вела она свою разрушительную работу?

Этой руководящей идеей была идея политической свободы. Буржуазная интеллигенція объявила, что она не видитъ никакихъ разумныхъ причинъ для существованія крѣпостничества и не можетъ найти никакого оправданія для существованія кастовыхъ привиллегій. Только въ безпросвѣтномъ невѣжествѣ видѣла она источникъ дикихъ общественныхъ учрежденій средневѣковья. Отмѣну крѣпостничества она назвала «свободой», отмѣну кастовыхъ привиллегій она признала «равенстомъ» и мечтала о томъ, что «братство» будетъ вѣнцомъ *этой* свободы

и этого равенства. Она не лгла, не лицемѣрила и не скрывала своихъ цѣлей передъ врагомъ: оттого-то она до сихъ поръ окружена какимъ-то ореоломъ величія и славы. Когда врагъ оказался упорнымъ и не захотѣлъ уступить поля безъ кровавой битвы, она не поблѣднѣла, не отступила, а шла впередъ съ античнымъ мужествомъ: она отточила топоръ для враговъ внутреннихъ и объявила дерзкую войну всѣмъ врагамъ внѣшнимъ. И она изъ гигантской борьбы вышла побѣдительницею. Она окончательно сломила или навсегда подломила страшныя силы мрачнаго прошлаго и создала новую жизнь, ту жизнь, о которой она мечтала. Такъ родился, воевалъ и побѣдилъ либерализмъ.

Но еще раньше, чѣмъ полный тріумфъ увѣнчалъ борьбу буржуазной интеллигенціи, раздоры начали разрушать ея прежнее единство. Одна часть ея сочла достаточнымъ добытое и хотѣла помириться съ остатками прошлаго, чтобы обезпечить за собою настоящее и предохранить себя отъ грядущихъ бурь темнаго будущаго. Это умѣренное крыло интеллигенціи имѣло за собою крупную буржуазію, которая по своему общественному положенію могла быть наименѣе взыскательной. Что нужно крупному капиталисту? Ему нуженъ «вольный» и голодный пролетарій, какъ владѣлецъ и продавецъ рабочей силы: освобожденіе крестьянъ доставило ему вдоволь этого живого матеріала. Ему нужна хорошая полиція для охраны «порядка» и «собственности»: революція съ первыхъ шаговъ создала ее. Капиталисту нужно еще возможно дешевое правительсво: монархическая конституція вводитъ извѣстный порядокъ въ систему государственныхъ доходовъ и расходовъ. И крупный капиталистъ скоро утомился революціей и съ удовольствіемъ поддерживалъ умѣренную, конституціонно-монархическую интеллигенцію. Крупный капиталистъ не можетъ быть послѣдовательнымъ либераломъ. Поэтому вездѣ, гдѣ дворянство и духовенство благоразумно уступали революціоному напору и дѣлали частичныя уступки либерализму, крупная буржуазія охотно бросала непривычный фригійскій колпакъ и вступала въ союзъ съ реакціонными силами стараго міра. Такъ было въ Германіи, въ Австріи... Вздорная глупость, будто въ этихъ случаяхъ крупная буржуазія «измѣняетъ народу», «продаетъ дѣло свободы». Наоборотъ, она измѣняетъ себѣ, своимъ кровнымъ интересамъ, когда она пялитъ на себя революціонно-демократическій плащъ и рядится въ тогу народнаго трибуна. Неудивительно, что вскорѣ послѣ первыхъ успѣховъ революціи она

охотно пошла за самыми умѣренными интеллигентными представителями своего класса.

Рядомъ съ этимъ умѣреннымъ теченіемъ въ буржуазной интеллигенціи обнаружилось другое направленіе, которое своей революціонностью внушило страхъ всей остальной интеллигенціи. Чтобы сломить упорное сопротивленіе реакціи, нужны были крупныя общественныя силы: ихъ могли доставить только народные низы. Чтобы привлечь на сторону революціи крестьянство и всю мелкую буржуазію, интеллигенція должна была сдѣлать всѣ крайніе выводы буржуазнаго либерализма: ихъ освятила конституція 93 года.

Но вмѣстѣ съ мелкой буржуазіей поднялись и городскіе рабочіе, на авансценѣ появился пролетаріатъ. И вотъ среди буржуазнаго ликованья раздался первый грубый пролетарскій свистъ, который заставилъ всполошиться всю буржуазію, и жестокія кары обрушились на головы первыхъ туманныхъ идеологовъ рабочаго класса. Но все же рядомъ съ ликующимъ либерализмомъ появился страшный призракъ—соціализмъ.

Напрасны были всѣ усилія буржуазіи задержать ростъ соціализма. Ни замалчиванье, ни суровая критика новаго ученія, ни жестокая расправа съ первыми соціалистическими обществами не остановили развитія соціалистической идеи. Идея крѣпла, отъ туманныхъ грезъ она перешла къ положительному ученію, соціалистическая партія изъ утопической секты сложилась въ международную соціальную демократію. Ученіе соціализма широко распространилось въ народныхъ массахъ и даже въ средѣ господствующаго класса. Соціальдемократія проникла въ парламенты, ландтаги, муниципалитеты, изъ которыхъ нѣкоторые цѣликомъ завоеваны соціалистами.

Но странное дѣло! Соціальдемократія стала грозной силой въ цѣломъ рядѣ европейскихъ странъ, господствующій классъ боится ея и заигрываетъ съ ней, были даже попытки приглашенія соціалистовъ на министерскіе посты, а между тѣмъ *реальная* сила соціальдемократіи видимо падаетъ. Въ ея собственныхъ рядахъ чувствуется какое-то смятеніе: повсюду расколы; часто изъ-за пустяковъ, какъ въ нашей отечественной соціальдемократіи, разногласія растутъ, количество ея членовъ, т. е. сознательныхъ соціаль-демократовъ, а не голосующихъ, крайне туго растетъ даже въ Германіи и сильно падаетъ во Франціи, Голландіи, Италіи и др. странахъ. Замѣчательно, что въ самыхъ свободныхъ странахъ соціаль-демократія не можетъ укрѣпиться и теряетъ почву тамъ, гдѣ кое-какъ пустила корни.

Напрасны заклинанія, которыя въ изобиліи творятъ разные съѣзды въ видѣ многошумныхъ резолюцій: соціаль-демократія, видимо, страдаетъ отъ какой-то внутренней болѣзни, загадочной и неизлѣчимой.

Въ то же время пускаетъ все болѣе глубокіе корни новая идея, которая долго, почти незамѣтно жила и развивалась. Эта идея вездѣ вытѣсняетъ соціализмъ, неуклонно подрываетъ къ нему довѣріе въ рабочихъ массахъ и становится новымъ символомъ вѣры рабочаго люда. Какъ нѣкогда либерализмъ неистово враждовалъ съ соціализмомъ, такъ послѣдній теперь свирѣпо преслѣдуетъ своего могильщика. Клевету, ложь и насиліе соціалисты считаютъ вполнѣ годными средствами для борьбы съ этимъ новымъ ученіемъ. Его сторонники подобно первымъ соціалистамъ, должны прятаться въ подземельяхъ и вдали отъ зоркаго ока вездѣсущей власти ковать оружіе для борьбы съ врагомъ. Для нихъ нѣтъ пощады, нѣтъ законовъ, для нихъ возстановлена въ Испаніи инквизиція, они населяютъ тюрьмы «республиканской» Франціи и другихъ «свободныхъ» странъ, въ которыхъ соціалисты считаются почтенными гражданами и принимаютъ участіе въ изданіи законовъ и управленіи страной. Они настоящіе отщепенцы современнаго общества, но къ нимъ же все больше обращается вниманіе всѣхъ; ихъ ненавидятъ, но ихъ боятся; ихъ ученіе презираютъ современные рабовладѣльцы, но оно льетъ бальзамъ въ измученныя сердца современныхъ рабовъ... Кто же эти люди, окруженные таинственнымъ ореоломъ величія и героизма? Какъ зовутъ они свое ученіе? Этихъ заклятыхъ враговъ современнаго строя зовутъ теперь анархистами и ихъ идеалъ-Анархія. Идея анархіи —вотъ то ученіе, которое идетъ на смѣну соціализму, подобно тому какъ соціализмъ когда-то смѣнилъ либерализмъ.

Въ чемъ же причины этой смѣны идей? Какія силы подорвали корни соціализма и безпрерывно питаютъ всѣмъ ненавистный анархизмъ. Каково классовое содержаніе этихъ двухъ великихъ ученій?

Мы безъ труда отвѣтимъ на эти вопросы, внимательно разсмотрѣвъ содержаніе и взаимное отношеніе либерализма, соціализма и анархизма.

Либерализмъ отрицаетъ кастовыя привиллегіи, но отстаиваетъ экономическое неравенство, т. е. классовыя противорѣчія. Онъ отрицаетъ родовую аристократію, но признаетъ денежную. Онъ ненавидитъ мечъ дворянина, но преклоняется передъ мѣшкомъ банкира.

Соціализмъ идетъ дальше и требуетъ уничтоженія современнаго дѣленія общества на классы имущихъ и неимущихъ, на буржуазію и пролетаріатъ. Онъ стремится къ уничтоженію той пропасти, которая теперь существуетъ между отдѣльными общественными классами. Но хочетъ-ли соціализмъ добиться *полнаго* экономическаго равенства? Хочетъ ли онъ добиться *полной* политической свободы? Нѣтъ и нѣтъ: соціализмъ оставляетъ наемный трудъ и неравенство заработковъ; а, главное, онъ оставляетъ государственную власть и тѣмъ сохраняетъ послѣднюю антагонистическую форму дѣленія людей на управляющихъ и управляемыхъ, правителей и подданныхъ. Онъ готовъ наложить свою руку на частнаго капиталиста, но почтительно останавливается передъ полицейскимъ и чиновникомъ.

Анархизмъ дѣлаетъ послѣдній шагъ по пути къ освобожденію личности: онъ добивается полнаго уничтоженія власти во всѣхъ ея видахъ, уничтоженія государства, хотя бы въ видѣ демократіи. Его идеалъ не жандармъ, охраняющій рабочаго, а полное уничтоженіе самого института жандармеріи, уничтоженіе всѣхъ организацій насилія, превращеніе буржуазнаго государства не въ соціальную республику, а въ рабочее общество, въ свободный союзъ свободныхъ рабочихъ ассоціацій.

Наивному человѣку можетъ показаться, что эти три ученія отличаются другъ отъ друга только большею послѣдовательностью и логичностью. Но этотъ дѣтскій взглядъ не выдерживаетъ никакой критики. Классы борются не для защиты оскорбленной священной логики, а для охраны своихъ интересовъ. Если какая-нибудь общественная группа хочетъ остаться «нелогичной», «непослѣдовательной», «трусливой», то въ этомъ скрывается тайна ея групповыхъ интересовъ, тайна, благодаря которой кажущіеся «пороки» превращаются въ классовыя «добродѣтели». Смѣшно, поэтому, бичевать ее за эти «пороки», глупо читать ей лекціи о морали и смѣшить ее тошнымъ повтореніемъ законовъ логики. Вмѣсто этихъ безполезныхъ комическихъ усилій, которыя такъ сильно напоминаютъ басню о добродѣтельномъ и глупомъ поварѣ и порочномъ, но хитромъ котѣ, лучше поставить себѣ вопросъ: *почему* же данный классъ дѣйствуетъ именно такъ, а не иначе? Какіе интересы сознательно или безсознательно руководятъ его тактикой, диктуютъ ему опредѣленныя симпатіи, создаютъ опредѣленные взгляды?

Съ этой точки зрѣнія классовое содержаніе либерализма теперь уже внѣ всякаго сомнѣнія. Теперь уже никто не ста-

нетъ отрицать, что либерализмъ есть чистѣйшее выраженіе интересовъ буржуазіи въ цѣломъ. Либерализмъ сыгралъ великую революціонную роль въ борьбѣ съ мракомъ среднихъ вѣковъ, но онъ глубоко реакціоненъ, какъ только заходитъ рѣчь о преобразованіи капитализма.

Но какому общественному классу служитъ *современный* соціализмъ, который такъ гордится самозваннымъ чинамъ научности? Чьи интересы выражаетъ этотъ «научный соціализмъ»?

Спросимъ раньше всего самихъ соціалистовъ: какой классъ представляете вы въ современномъ обществѣ? Они съ гордостью даютъ намъ отвѣтъ: «мы единственные представители рабочаго класса. Только мы боремся за его полное освобожденіе и только мы охраняемъ его интересы всегда и вездѣ».

Но такъ ли это, господа? Не ошиблись ли вы? Вы сами насъ учите, что о партіяхъ и классахъ нужно судить не по тому, что они *говорятъ*, а по тому что они *дѣлаютъ*. Развѣ либерализмъ не клянется до сихъ поръ, что онъ защитникъ интересовъ всего человѣчества, что онъ храбрый, постоянный защитникъ культуры, прогресса, свободы и другихъ великихъ общественныхъ сокровищъ? И хотя либерализмъ, дѣйствительно, оказалъ грандіозные услуги освобожденію человѣка, хотя онъ когда-то съумѣлъ такъ глубоко и сильно воодушевлять борцовъ и создалъ цѣлую плеяду титановъ съ крѣпкимъ умомъ и гордымъ сердцемъ, мы бросаемъ ему въ лицо дерзкій окрикъ: «Ты лжешь, ты лжешь! Ты чванишься тѣмъ, будто ты защищаешь «культуру». Но ты благоразумно умалчиваешь, что эта культура—буржуазная, что она служитъ кучкѣ бездѣльниковъ и тунеядцевъ, а питается плотью и кровью забитыхъ, обѣднѣвшихъ рабочихъ массъ. Ты кичишься охранной «свободы», но эта буржуазная свобода есть вѣрный залогъ вѣчнаго рабства тѣхъ святыхъ труженниковъ, которыхъ ты безстыдно клеймишь «подлой чернью». Ты сторонникъ прогресса, но твой жалкій прогрессъ только звукъ пустой, ты прикрываешь имъ твое глубокое желаніе держать въ вѣчномъ невѣжествѣ народъ. Ты на дѣлѣ не защитникъ человѣчества, а вѣрный лакей буржуазіи».

Почему говоримъ мы такъ либераламъ? Развѣ потому, что они *сознательно* лгутъ? Нѣтъ! Но потому, что на дѣлѣ *ихъ* слова противорѣчатъ *ихъ* дѣйствіямъ, а только въ *тактикѣ* обнаруживается тайна классового происхожденія.

Почему должны мы сдѣлать исключеніе для *васъ*, соціалистовъ? Почему мы должны вамъ вѣрить на слово? Гдѣ ваши

великія дѣла, ради которыхъ мы должны питать къ вамъ исключительное довѣріе? Припомните всю ту массу грязи, которой вы покрыли себя во всѣхъ сторонахъ? Въ Германіи вы еще недавно вступили въ союзъ съ попами, а на Іенскомъ съѣздѣ отказались рѣзко порицать даже тактику Бюлова этого германскаго Плеве, чтобы показать свою лойальность и патріотизмъ.... Въ Бельгіи вы отказались дать женщинамъ избирательное право; посредствомъ предательскаго союза съ либералами въ 1902 г. погубили вы, генеральную стачку, когда она готовилась стать дѣйствительно революціонной. Въ бельгійскихъ соціалистическихъ кооперативахъ вы продаете житія святыхъ, четки не меньше, чѣмъ монастырскія лавки. Въ Испаніи вы боролись противъ забастовавшихъ рабочихъ и убѣждали англійскихъ пролетаріевъ не помогать ихъ несчастнымъ братьямъ—испанскимъ «вольнымъ» рабочимъ. Во Франціи вы въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ братаетесь съ буржуазіей и часто предлагаете законы, которые кажутся реакціонными даже радикальнымъ буржуа. Въ этой же Франціи, въ Лиможѣ вашъ муниципалитетъ оффиціально отрекся отъ возставшихъ рабочихъ, которые напали на оружейные магазины послѣ того, какъ солдаты стрѣляли въ безоружныхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей. Вы, что живете соками рабочихъ и засѣдаете въ парламентахъ и муниципалитетахъ, вы заявили въ Лиможѣ, что снимаете съ себя отвѣтственность за печальныя событія по поводу рабочихъ безпорядковъ и назвали (поймите весь ужасъ вашихъ словъ), этихъ героевъ-пролетаріевъ *бандитами*. Въ Голландіи вы такъ позорно измѣнили рабочимъ во время ихъ всеобщей забастовки, что возбудили къ себѣ лютую ненависть пролетаріата и только съ большимъ трудомъ, по вашимъ собственнымъ словамъ, немного утихомирили возмущенныхъ рабочихъ... Въ Швейцаріи вы имѣете своихъ полицейскихъ приставовъ... Религію вы объявили «частнымъ дѣломъ», чтобы не пугать отсталыхъ массъ и купить себѣ ихъ довѣріе и голоса измѣной своимъ убѣжденіямъ. Вездѣ вы кичитесь своимъ патріотизмомъ и прививаете любовь къ «отечеству» тѣмъ самымъ пролетаріямъ, которыхъ это милое отечество кормитъ свинцомъ и кровью.... А Мильеранъ? Вы забыли это имя и уже торопитесь въ Россіи во «временное правительство».... Вы забыли, что у «пролетаріата нѣтъ отечества», вы забыли, что честный человѣкъ не можетъ присягать на вѣчность экономическому и политическому строю, который онъ хочетъ уничтожить—только для того, чтобы получить парламентское кресло... Вы все забыли, все, что мѣшаетъ на спинѣ пролета-

рія пролѣзть въ парламентъ... Что жъ, господа, продолжайте въ этомъ духѣ, бросьте революціонную фразеологію и дѣйствуйте откровенно... Мы, анархисты, идемъ за вами слѣдомъ, зорко слѣдимъ за каждымъ вашимъ шагомъ, строимъ свои батальоны и... скоро настанетъ уже день, когда мы похоронимъ васъ со всѣми остатками рабства, лжи и бѣдности.... Да здравствуетъ Анархія!

Какому же классу служитъ современный соціализмъ *фактически*, а не на словахъ? Мы отвѣчаемъ прямо и безъ обиняковъ: *соціализмъ есть выраженіе интересовъ не рабочаго класса, а такъ называемой разночинной, или деклассированной интеллигенціи.* Объяснимся — что мы хотимъ сказать этимъ?

Интеллигенція не представляетъ однороднаго цѣлаго—она рекрутируется преимущественно изъ крупной и мелкой буржузіей. Выходцы изъ среды крупной буржуазіи—профессора, высшіе чиновники, масса юристовъ, врачей и т. д.—ничѣмъ не отличаются отъ своей прежней среды: это чистые буржуа не только по образу жизни, но и по убѣжденіямъ; они теоретики и сторожевые псы буржуазнаго міра и самые заклятые, опасные враги рабочаго класса. Иное значеніе имѣетъ мелкобуржуазная интеллигенція. Она представляетъ изъ себя группу, далеко отличную отъ мелкой буржуазіи. Если для буржуазной интеллигенціи ея знаніе является своего рода выгодно помѣщеннымъ капиталомъ, приносящимъ часто весьма недурные проценты,—для мелкой буржуазіи «образованіе стало товаромъ», который далеко не всегда находитъ себѣ полный сбытъ и доставляетъ ихъ владѣльцамъ часто полунищенское существованіе. Эту многочисленную группу мы и будемъ называть разночинной или деклассированной интеллигенціей, такъ какъ она не совпадаетъ ни съ однимъ классомъ. Отъ буржуазіи и отъ буржуазной интеллигенціи она отдѣлена непроходимой стѣною и служитъ для нихъ такимъ же предметомъ эксплуатаціи, какъ и рабочій классъ; она далека и отъ пошлаго торгашества мелкой буржуазіи и отъ чисто трудовой жизни наемнаго рабочаго крупной промышленности. Это—группа дѣйствительно деклассированная, разночинная. Психологію этой общественной группы и выражаетъ современный соціализмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы интересы разночинной интеллигенціи? Разночинецъ раньше всего непримиримый врагъ деспотизма, искренній и беззавѣтный демократъ—республиканецъ, ибо всякое стѣсненіе политической свободы ложится на

него невыносимымъ бременемъ: его товаръ—образованіе можетъ имѣть сносный сбытъ только въ политически свободной странѣ. Свобода печати и слова для него являются такимъ же непремѣннымъ условіемъ жизни, какъ свобода собраній и стачекъ для рабочаго. Всякій шагъ на пути демократизированья государства является для него новымъ поприщемъ для приложенія его силъ. Разсмотрите современные парламенты, муниципалитеты, всѣ представительныя учрежденія всѣхъ государствъ... Спросите: какой общественный элементъ преобладаетъ въ нихъ? Вы найдете, что вездѣ орудуетъ все тотъ же нервный, шумливый и пронырливый разночинецъ. Не трудно понять, что «свобода» должна быть настоящимъ символомъ вѣры разночиннаго интеллигента: не легко найти того разночинца, у котораго сердце не забилось бы сладкой тревогой отъ этихъ двухъ музыкальныхъ словъ: *политическая свобода*.

На первыхъ ступеняхъ капитализма разночинецъ и былъ исключительно борцомъ за «свободу», исключительно демократомъ. Это онъ наложилъ свой рѣзкій отпечатокъ на Великую Французскую Революцію. Изъ среды разночинной интеллигенціи вышли—Камиль Демуленъ, Робьесперъ, Дантонъ, Маратъ и др. Такъ какъ сама по себѣ она своей численностью никогда не представляла значительной силы, она всегда нуждалась въ народной опорѣ. Понятно, что легче всего она могла найти серьезную помощь въ рядахъ мелкой буржуазіи, съ которой у нея тогда были во многомъ сходные интересы. Союзъ разночинца и мелкаго буржуа и создалъ европейскую демократію, которая господствовала повсемѣстно до второй половины XIX в. Пролетарій игралъ въ ней незначительную, подчиненную роль.

Но развитіе капитализма подкосило устои мелкой буржуазіи. Въ испугѣ передъ грозно наступающимъ капитализмомъ, она бросается въ объятія реакціи—монархизма и антисемитизма. Разночинецъ, который до сихъ поръ остался и не могъ не остаться вѣрнымъ демократомъ, «солдатомъ революціи», какъ любилъ называть себя типичный разночинецъ Либкнехтъ, почувствовалъ, что у него почва зашаталась подъ ногами. Онъ оказался безъ опоры, висящимъ въ воздухѣ, старымъ генераломъ безъ арміи...

Что дѣлать? Какъ быть? Гдѣ найти силу для защиты старыхъ идеаловъ? Кто возьметъ на себя тяжелое дѣло искорененія и защиты Республики? Съ грустью глядитъ вокругъ себя разночинецъ и привычнымъ опытнымъ взглядомъ онъ

ищетъ. Къ кому онъ пойдетъ? Понятно, не въ чинные салоны аристократіи, гдѣ прозябаютъ послѣдніе жалкіе экземпляры когда-то могучей породы воинственнаго феодальнаго дворянства: его плохонькій пиджакъ тамъ такъ же презираютъ, какъ крестьянскую серьмягу и рабочую блузу... Нѣтъ, съ этими беззубыми хищниками разночинецъ будетъ продолжать свою старую славную борьбу, борьбу за свѣтъ противъ мрака, противъ душнаго средневѣковья... Не пойти ли ему въ богатую гостинную, гдѣ послѣ плотнаго обѣда въ дружеской бесѣдѣ съ «конкуррентомъ» крупный буржуа рѣшаетъ «рабочій вопросъ» Тамъ иногда такъ долго говорятъ о реформахъ, мѣрахъ, мѣропріятіяхъ, проэктахъ... особенно послѣ сильныхъ рабочихъ безпорядковъ, когда «подлая чернь» пытается взять себѣ съ бою свое право на жизнь... Но нѣтъ! И въ буржуазной гостинной не мѣсто разночинцу; тутъ смѣются надъ республикой и свободой такъ же искренно, какъ и въ аристократическихъ салонахъ: дворянинъ готовъ все промѣнять на хорошую «наслѣдственную» должность, а чего, чего порядочный капиталистъ не продастъ за хорошую концессію? Только жиденькій, хитрый, умѣренный либералъ можетъ еще найти опору въ кошелькахъ и умахъ крупной буржуазіи, но не онъ—разночинецъ, этотъ честный радикалъ-демократъ, который такъ много, такъ славно боролся за «свободу»...

Можетъ быть, попытаться все таки сохранить за собою свою старую опору—мелкую буржуазію—и взять на себя охрану ея отъ убійственнаго капитализма?.. Можетъ быть, «черный передѣлъ»—новое распредѣленіе всѣхъ земель между мелкими сельскими производителями,—мелкій кредитъ, кооперації смогутъ оживить еще разъ когда-то горделивую мелкую буржуазію? И вотъ во всѣхъ странахъ разночинецъ старается вырвать мелкую буржуазію изъ рукъ реакціи, безъ конца сыплетъ обѣщаніями, которыхъ онъ никогда не сможетъ исполнить. Онъ идеализируетъ свой «народъ», строитъ планы, мечтаетъ, организуетъ свои «партіи» или идетъ рядомъ съ другими, родственными по духу... Во Франціи эти разночинцы называютъ себя поссибилистами (жоресисты и бруссисты), въ Германіи ревизіонистами, въ Россіи соціалистами-революціонерами.

Но увы! Результаты усилій плачевны... Нельзя оживить трупа; никакіе труды разночинной интеллигенціи не воскресятъ стараго свободнаго духа въ жалкой душонкѣ мелкаго лавочника. Духъ свободы ушелъ изъ среды мелкой буржуазіи на-

всегда, ушелъ изъ маленькой лавочки и крестьянской хижины въ просторныя фабрики крупныхъ городовъ, чтобы тамъ, подъ грохотъ машинъ, пѣть пролетарію великую, чудную пѣснь о счастьѣ, о волѣ всего человѣчества... Только одинъ великодушный пролетарій является теперь самымъ смѣлымъ стражемъ свободы, человѣчности и правды... Крупные, средніе и мелкіе буржуазные коршуны рвутъ на части его богатство, плоды его рукъ, а онъ—тотъ, кто все производитъ, хочетъ только одного: «жить работая или умереть сражаясь»... Это онъ-наивный пролетарій—выходилъ изъ своихъ предмѣстій умирать на баррикадахъ, какъ только ему чудилась блѣдная зоринька свободы... Это онъ объявилъ въ 48 г., что онъ требуетъ «права на трудъ», между тѣмъ какъ всѣ классы добиваются только права на праздность... Это онъ создалъ Коммуну. Есть ли хоть одно мѣстечко въ мірѣ, необагренное твоей горячей кровью, братъ нашъ рабочій? А ты по прежнему въ рабствѣ...

Не удивительно, что разночинецъ скоро разгадалъ, какую могучую силу представляетъ многочисленный и вѣчно растущій пролетаріатъ, и онъ сказалъ себѣ устами Плеханова: «революція не восторжествуетъ никогда или восторжествуетъ, какъ движеніе рабочихъ». Онъ увидѣлъ, что этотъ мятежный пролетаріатъ куда-то идетъ, часто самъ не сознаетъ ясно куда, но никогда не становится на защиту реакціи—только тамъ, гдѣ свѣтъ и свобода, борется и умираетъ пролетарій. Онъ увидѣлъ, какъ инстинктивно пролетаріатъ началъ стремительно организовывать свои силы и вступилъ въ неравную борьбу со своимъ хищнымъ врагомъ—буржуазіей—и со всей ея страшной машиной—организованной властью. Разночинецъ понялъ, что на смѣну старому народу средневѣковья явился новый народъ, народъ рабочій, пролетаріатъ, который носитъ въ себѣ самомъ великую миссію—разсѣять мракъ и уничтожить рабство, разорвать всѣ человѣческія и божескія цѣпи.

Разночинецъ взглянулъ на самого себя и почувствовалъ, что его что-то связываетъ съ этимъ вѣчнымъ бунтаремъ-пролетаріемъ... Развѣ его интеллигентный трудъ не такъ же сильно убиваетъ его силы, какъ трудъ рабочаго? Развѣ его не эксплуатируетъ такъ же безстыдно буржуазія? Развѣ онъ,—вѣчно ищущій, свободолюбивый разночинецъ—можетъ когда либо помириться съ капитализмомъ, съ этимъ наглымъ насиліемъ надъ трудомъ и личностью? Во что превратилъ буржуа его красивый, сіяющій девизъ: свобода, равенство и братство! Эти слова звучатъ теперь только грубой насмѣшкой надъ порабощеннымъ,

ограбленнымъ и униженнымъ рабочимъ народомъ. Развѣ свободенъ нищій пролетарій, который долженъ продавать свою шкуру, чтобы только дышать? Развѣ голодный рабочій, этотъ современный рабъ, можетъ быть равенъ сытому капиталисту, господину буржуазнаго міра? А братство? Надъ нимъ откровенно смѣется буржуа: не даромъ онъ написалъ это слово на всѣхъ своихъ тюрьмахъ, куда онъ сажаетъ своихъ «преступниковъ», т. е. голодныхъ и недовольныхъ.

Что же дѣлать, чтобы наконецъ осуществить желанную свободу? спрашиваетъ себя разночинный интеллигентъ и самъ себѣ отвѣчаетъ: нужно обезпечить каждаго человѣка трудомъ и заработкомъ, нужно дать пролетарію «право на трудъ»— нужно устроить такъ, что бы каждый желающій работать, всегда находилъ работу: тогда исчезнетъ пропасть между людьми... Но это «право на трудъ» непримиримо со свободной конкурренціей: нужно поэтому «организовать производство», т. е. отнять распоряженіе орудіями производства у маленькой монопольной группы капиталистовъ и передать его демократическому государству. Вотъ и все!

Къ чему сводится перемѣна? Государство рядомъ съ полиціей, образованіемъ и почтой получаетъ еще одну функцію— организацію производства и обмѣна. Рядомъ со всѣми «правами» гражданинъ получаетъ еще одно право—право на трудъ. Полиція и чиновничество получаютъ новую обязанность—блюсти порядокъ не только на улицахъ, но и на фабрикахъ и заводахъ. Республика—эта вѣчная возлюбленная разночинца съ ея парламентами, въ которыхъ онъ такъ любуется своимъ краснорѣчіемъ—не умираетъ, а получаетъ новые соки и достигаетъ невиданной силы: она получаетъ только новый эпитетъ «соціальная». А онъ, разночинецъ, нисколько не измѣнилъ своимъ старымъ, дорогимъ убѣжденіямъ, онъ по прежнему ярый демократъ съ тѣмъ же безобиднымъ эпитетомъ «соціальный».

Но какъ же приблизить этотъ «рай земной»? Разночинецъ, который уже по своему соціальному положенію всегда склоненъ ставить все на голову, отвѣчаетъ: современный строй держится властью парламента, овладѣть этимъ парламентомъ значитъ овладѣть государственной властью, сдѣлать буржуазное государство пролетарскимъ. Но парламентъ носитъ свой теперешній ярко буржуазный характеръ потому, что онъ состоитъ изъ буржуазныхъ интеллигентовъ... Нужно ихъ замѣнить соціаль-демократами, т. е. разночинцами, и свирѣпая голова бур-

жуазной Медузы превратится въ прекрасную голову пролетарской Венеры...

Съ твердымъ видомъ выпрямляется разночинецъ: онъ нашелъ разгадку соціальнаго сфинкса. Онъ нашелъ средство спасти пролетаріатъ отъ нищеты и смерти, не нанося тяжелаго удара буржуазіи; разрушить современное общество «развивая его», т. е. поддерживая и укрѣпляя его; «упразднить» государство, создавая новую государственную власть; добиться свободы личности, уничтоживъ святое святыхъ личности—свободу труда, *вдвинувъ* личность въ рамки планомѣрнаго (т. е. обязательнаго, принудительнаго производства*); а главное, уничтожить господство человѣка надъ человѣкомъ, ставъ самому организаторомъ производства, т. е. настоящимъ господиномъ... И для этого «рая» нужно такъ мало. Нужно только пролетарію оставить всякія «утопическія» мечтанія крѣпкимъ ударомъ кулака свалить на землю своего буржуазнаго вампира, ждать, набраться терпѣнія и только каждыя нѣсколько лѣтъ подать свой голосъ за того или иного разночинца интеллигента до тѣхъ поръ, пока ихъ не станетъ большинство, а тогда... тогда... Но что будетъ тогда, современный демократъ считаетъ лишнимъ говорить; онъ чувствуетъ, что онъ не можетъ сказать всю правду рабочему человѣку.

Но тутъ возвышаетъ свой голосъ анархистъ, этотъ вѣчный «грубіянъ» и природный мятежникъ. Онъ говоритъ рабочему люду: ты разрушилъ дворянскую Бастилію въ 89 г., но только для того, чтобы построить себѣ Бастилію буржуазную: по прежнему стонетъ рабочій въ каждомъ городѣ, на каждой фабрикѣ, стонетъ отъ ига наемнаго труда. Почему ты ничего не добился во время Великой Французской Революціи? Потому, что ты боролся не за свое дѣло, потому, что шелъ подъ чужимъ знаменемъ, ты шелъ за буржуазіей добывать ей *политическую свободу*: ты убивалъ дворянъ и поповъ, чтобы обогатить своего хозяина—капиталиста, своего злѣйшаго врага. Что ты дѣлалъ въ 48 и 71 гг. во Франціи? Горькимъ опытомъ ты научился уже не довѣрять сытымъ буржуа, но ты нашелъ себѣ новыхъ командировъ-интеллигентовъ, которые въ качествѣ соціалистовъ черезъ твои спины перелѣзли во временное правительство (въ 48 г.) и Совѣтъ Коммуны (въ 71 г.), но, повидимому, только для того, чтобы дать тебѣ новое разочарованіе, показать тебѣ, какъ ты довѣрчивъ и наивенъ и на-

*) К. Кауцкій «Соціальная революція» стр. 159.

учить тебя простой и великой истинѣ—что рабочій классъ нигдѣ не долженъ искать себѣ спасителей: ни въ туманныхъ облакахъ пустого неба, ни въ роскошныхъ дворцахъ царей, ни въ палатахъ богачей, ни въ какихъ парламентахъ. А ты, русскій рабочій, повторяешь старую ошибку твоихъ братьевъ европейскихъ рабочихъ. Во имя чего шелъ ты въ Петербургѣ 9 января и падалъ отъ вѣроломной пули свирѣпаго казака? Во имя чего твои дѣти и жены обагрили кровью холодные камни столичныхъ улицъ? Во имя стараго жалкаго буржуазнаго обмана—во имя политической свободы, во имя буржуазной Бастиліи—парламента, гдѣ будетъ командовать тобою твой хозяинъ-кровопійца.

За что умиралъ ты въ Варшавѣ, Лодзи, Одессѣ, во всѣхъ городахъ нашей обширной родины-мачехи? За ту же лживую свободу дохнуть съ голоду на другой день послѣ побѣды. И все потому, что ты, наивный рабочій, вѣришь твоимъ новымъ благодѣтелямъ, соціалистамъ, что вѣчно ждешь спасенія свыше, отъ начальства. А ты самъ долженъ стать своимъ спасителемъ «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ».

Братъ нашъ рабочій! прислушайся хорошенько къ рѣчамъ твоихъ новыхъ командировъ-соціалистовъ. Что обѣщаютъ они тебѣ хотя бы въ далекомъ будущемъ? Только новое рабство. Теперь ты работаешь на отдѣльныхъ капиталистовъ, въ соціалистическомъ государствѣ ты будешь работать на свое начальство: парламентъ будетъ тебѣ указывать какъ, гдѣ, сколько работать, когда начать рабочій день, когда кончать его, какія машины употреблять и какія оставлять, какую плату давать тебѣ за твой тяжелый трудъ... Словомъ, ты опять будешь на фабрикѣ не распорядителемъ, не господиномъ, а тѣмъ же подчиненнымъ рабочимъ, той же живой машиной, которою вертятъ другіе: теперь—капиталистъ, а потомъ парламентъ. Ты не будешь имѣть права выбирать себѣ трудъ по душѣ; тебя погонятъ на работу, какъ когда-то гоняли на барщину, только безъ кнута, а по указу начальства—парламента.

Какъ ты въ началѣ боролся за интересы буржуазіи и добивался *для нея* политической свободы, такъ ты борешься теперь за интеллигентовъ, чтобы создать *имъ* соціалистическое общество, въ которомъ они будутъ хозяевами жизни, ибо, подумай, братъ нашъ, многіе ли изъ рабочихъ, задавленныхъ нуждою, попадутъ въ парламентъ, гдѣ нужны именно интеллигенты.

Нѣтъ! Нѣтъ! Ты долженъ взять судьбу свою въ свои же руки. Ты долженъ уничтожить всякое господство Капитала и Государства. Рабочіе должны соединяться въ вольные союзы свободныхъ профессіональныхъ обществъ и не признавать надъ собою никакого начальства, никакихъ законовъ: ни бога, ни хозяина, ни власти! Да здравствуетъ Анархія!

Такъ говоримъ мы, анархисты... Мы не знаемъ, пойметъ ли сейчасъ русскій рабочій народъ святую правду нашихъ словъ... Можетъ быть, онъ повѣритъ лживой сказкѣ политикановъ и честолюбцевъ и пойдетъ за нихъ проливать свою кровь и ковать себѣ новыя цѣпи. Кто знаетъ? Нельзя пронзить теперь взглядомъ туманную даль... Но мы пойдемъ впередъ съ открытымъ забраломъ, твердой рукой и крѣпкой вѣрой въ рабочій народъ. Мы не знаемъ страха передъ врагомъ и не дадимъ ему пощады: мы объявляемъ войну всѣмъ царямъ и парламентамъ, буржуа и соціалистамъ—всѣмъ врагамъ рабочаго люда.

Старый міръ нищеты и насилія хотимъ мы разрушить до тла и создать новый міръ—міръ труда и свободы... Съ крѣпостныхъ стѣнъ современнаго общества хотимъ мы сорвать, растоптать въ пыли трехцвѣтное знамя буржуазіи и развернуть надъ всей землею черное знамя рабочаго класса—знамя Анархіи.

XII.

Классовый характеръ соціальдемократіи

Соціальдемократизмъ не есть выраженіе интересовъ рабочаго класса, а является идеологіей разночинной интеллигенціи или такъ называемаго «новаго средняго сословія». Присмотримся къ этому положенію.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ положеній «научнаго» соціализма является тотъ взглядъ, что вершителемъ историческихъ судебъ являются объективныя силы экономическихъ отношеній, что роль личности ничтожна въ сравненіи съ могучими силами стихійнаго процесса. Изъ этого взгляда соціальдемократы совершенно правильно дѣлаютъ тотъ выводъ, что соціальная революція не можетъ быть сознательно сдѣлана, что революцій не совершаютъ, ибо онѣ только совершаются.

Но за то—странное противорѣчіе! Когда рѣчь заходитъ о политическомъ переворотѣ, о буржуазной революціи, они откровенно измѣняютъ своимъ научнымъ взглядамъ, они сознательно «готовятъ революцію, готовятъ революціонную армію», готовятся къ временному правительству, словомъ готовятъ цѣлую программу революціи. Почему такая непослѣдовательность? Почему дворянско-поповское правительство нужно свергать сознательно-организованнымъ насиліемъ, а буржуазное правительство можетъ быть свергнуто только стихійными силами экономическаго развитія? Почему остатки крѣпостничества, остатки феодальнаго строя могутъ быть сознательно разрушены революціоннымъ пролетаріатомъ, а обветшалое зданіе буржуазной эксплуатаціи можетъ быть опрокинуто только стихійнымъ ростомъ объективныхъ силъ?

Почему пролетаріатъ можетъ быть безпощаднымъ, пока рѣчь идетъ о феодальныхъ эксплуататорахъ, но долженъ почтительно трепетать передъ буржуазной собственностью? Откуда

происходитъ такая двойная мѣра по отношенію къ двумъ одинаково враждебнымъ пролетаріату эксплуататорамъ?

На всѣ эти безконечныя «почему» можетъ быть только одинъ отвѣтъ: соціальдемократія есть партія интеллигенціи. Интеллигенція угнетена экономически, но она нисколько не страдаетъ отъ политическаго гнета въ такъ называемыхъ свободныхъ странахъ. Поэтому въ республиканскихъ и конституціонныхъ государствахъ они должны бороться только за уничтоженіе современной формы капитализма и должны сопротивляться всѣми силами уничтоженію современнаго государства, которое является въ ея рукахъ такимъ могучимъ орудіемъ власти.

Вотъ почему они должны всѣми силами бороться за «политическую свободу». Гдѣ этой свободы нѣтъ или гдѣ ей угрожаютъ, она должна, естественно, забыть о всякихъ объективныхъ силахъ, историческихъ процессахъ и другихъ пустякахъ. Когда рѣчь идетъ о реальныхъ интересахъ, реальные люди плюютъ на метафизику. Понятно, что соціальдемократическая интеллигенція готова на всякое усиліе и насиліе, чтобы раздобыть или сохранить политическую свободу. Русскіе соціальдемократы поэтому сознательно готовятъ революцію.

Даже самые умѣренные, т. е. самые послѣдовательные изъ с.-демократовъ, люди, вродѣ Бернштейна, стоятъ за необходимость сознательно подготовленной революціи, когда буржуазное правительство посягнетъ на главную опору интеллигенціи, на всеобщее избирательное право. Но разъ избирательное право добыто, с.-демократическая интеллигенція перестаетъ быть *непримиримымъ* врагомъ существующаго общества. Наоборотъ, она вступаетъ въ это общество законнымъ сыномъ.

Она получаетъ въ свои руки орудіе, съ помощью котораго она можетъ или надѣется преобразовать существующій строй. Она перестаетъ быть въ прежней оппозиціи *ко всей* буржуазіи въ цѣломъ,—она становится только крайней лѣвой. Изъ презрѣннаго гонимаго пасынка она превращается въ капризнаго и требовательнаго сынка.

Съ буржуазіей у соціаль-демократіи одна и таже почва—существующій политическій режимъ—парламентъ, съ той только разницей, что буржуазія хочетъ посредствомъ парламента «упрочить господство капитализма» *), а соціаль-демократія хочетъ «при помощи парламентаризма его разрушить», правильнѣе преобразовать.

*) Парвусъ. Искра № 110.

Между тѣмъ феодальное правительство стремится совершенно уничтожить парламентаризмъ и хочетъ такимъ образомъ отнять у интеллигенціи основныя условія ея жизни и господства. Отсюда: непримиримая война «феодальной реакціи» и кокетливая улыбка буржуазному либерализму. Бомбы, ружья, кинжалы и всякое насиліе для строптиваго правительства дворянъ и рыцарская любезность буржуазному министерству, превознесеніе массовой *политической* стачки и пренебреженіе генеральной *революціонной* стачкой. Отсюда же вытекаетъ и «научная» теорія революціи, которая подобно Янусу, имѣетъ два лица: одно мрачное, воинственное («субъективное»), направленное въ сторону феодальнаго дворянства и другое нѣжное, миролюбивое («объективное»), ласково созерцающее буржуазію.

Но перейдемъ отъ разбора ученія къ его исторіи. Что она говоритъ намъ?

Съ первыхъ страницъ мы узнаемъ, что соціаль-демократія далеко не всегда была такой, какой мы видимъ ее теперь,—и она умѣла быть революціонной. Въ пору своей юности, когда на ея молодыхъ плечахъ еще не лежало бремя «государственныхъ заботъ», когда она еще не была допущена въ «хорошее общество», она тоже умѣла выпрямляться въ весь свой ростъ и говорить такимъ тономъ, что трепетъ охватывалъ бѣдныхъ мирныхъ буржуа.

«Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои цѣли. Они говорятъ откровенно, что ихъ цѣль можетъ быть достигнута только насильственнымъ разрушеніемъ существующаго строя. Пусть господствующіе классы дрожатъ передъ коммунистической революціей. Пролетаріямъ нечего въ ней терять, кромѣ своихъ цѣпей. Имъ предстоитъ пріобрѣсти цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!»

Это говоритъ не какой-нибудь невѣжественный утопистъ-анархистъ, который не понимаетъ, что революціи нельзя совершать. Это говоритъ «самъ» учитель Марксъ. Можетъ быть такой революціонный тонъ былъ только случайнымъ явленіемъ далекаго прошлаго? Послушаемъ Либкнехта. Въ 1869 г. онъ сказалъ, что соціализмъ не является болѣе вопросомъ теоріи, а есть «вопросъ силы». Онъ не можетъ быть рѣшенъ въ парламентѣ, но на улицахъ, въ битвѣ. Парламентъ полезенъ только мелкимъ буржуа. Бебель сказалъ на партейтагѣ въ Ганноверѣ: «кто хочетъ добиваться цѣли соціализма посредствомъ парламентаризма или не знаетъ этой цѣли, или хочетъ обманывать».

Въ органѣ гедистовъ (французскихъ ортодоксальныхъ соціаль-демократовъ) 21 января 1880 года мы читаемъ: «наше дѣло не въ томъ, чтобы имѣть много депутатовъ въ парламентѣ, наше дѣло организовывать рабочихъ для революціи».

Поль Бруссъ—одинъ изъ самыхъ ярыхъ выразителей современнаго оппортюнизма, говоритъ въ 1888 году: Единственное положеніе, которое долженъ принять народъ во всякой странѣ состоитъ въ томъ, чтобы разрушать свое правительство постоянно, но никогда въ пользу новаго.

Какъ видите, соціаль-демократы умѣли говорить не только почтительнымъ тономъ государственныхъ людей, но и языкомъ революціонеровъ.

Около 80 годовъ въ одной странѣ раньше, въ другой позже, въ международной соціаль-демократіи обнаруживается новое теченіе. Прежній революціонный языкъ совершенно изчезаетъ, исчезаетъ прежнее непримиримое отношеніе къ буржуазному строю. Одни за другими наперерывъ вожди соціаль-демократіи не только вступаютъ въ сдѣлки съ буржуазнымъ режимомъ, но возводятъ ихъ въ принципъ.

Либкнехтъ, тотъ самый Либкнехтъ, который съ такимъ презрѣніемъ говорилъ о парламентской дѣятельности, написалъ цѣлую брошюру противъ всякихъ компромиссовъ и былъ ярымъ защитникомъ насилія*), начинаетъ толковать о реакціонномъ вліяніи насилья и революціонномъ значеніи легальности. Онъ не только говоритъ, онъ дѣйствуетъ! Онъ присягаетъ на вѣрность экономическому и политическому строю, чтобы войти депутатомъ въ саксонскій ландтагъ. Еще рѣшительнѣе отказался отъ своего революціоннаго прошлаго Бебель. Ученый теоретикъ Карлъ Каутскій взялъ на себя доблестную задачу обосновать научно эту измѣну революціоннымъ принципамъ. Онъ нашелъ, что прежняя непримиримая революціонная тактика подобала соціаль-демократамъ, пока они были слабы; когда же соціаль-демократы стали силой, они должны заняться политической работой, т. е. дѣлать мелко-буржуазную работу по старому выраженію Либкнехта, обманывать рабочій классъ, какъ любилъ когда-то выражаться Бебель. Скоро дѣло дошло до того, что начали отрицать всякое значеніе за самостоятельной дѣятельностью рабочаго класса, начали отрицать стачки и все спасеніе видѣли только въ одномъ — въ ростѣ числа депутатовъ.

*) Въ брошюрѣ «Безъ компромиссовъ» онъ говоритъ, что «сила есть оружіе не только королей, но и народовъ».

Впервые рѣзко проявилось новое теченіе на Эрфуртскомъ съѣздѣ. Съ одной стороны, впервые заговорили Фольмаръ и другіе оппортюнисты, съ другой стороны, громко возвысили свой голосъ такъ называемые «молодые», которые были представителями самаго крайняго лѣваго крыла с-д-іи, предтечи современныхъ революціонныхъ синдикалистовъ, какъ они называютъ себя во Франціи, или анархо-соціалистовъ, какъ они называютъ себя въ Германіи. Между двумя крайними теченіями стояла громадная масса непослѣдовательныхъ и нерѣшительныхъ соціаль-демократовъ съ Бебелемъ во главѣ. Эти такъ называемые ортодоксы хотѣли сохранить старую фразеологію и принять новую тактику. Такъ какъ дѣло важнѣе фразъ, ортодоксы соединились съ оппортюнистами и съ трогательнымъ единодушіемъ исключили изъ партіи всѣхъ «молодыхъ», т. е. самые свѣжіе революціонные элементы тогдашней соціаль-демократіи. Прошло 15 лѣтъ со времени Эрфуртскаго съѣзда, что дали эти долгіе годы борьбы и испытаній? Они показали только одно, что будущее принадлежитъ не Бебелю и Каутскому, а Фольмару и Бернштейну. Теперь ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что оппортюнизмъ побѣждаетъ вездѣ. Чѣмъ объясните вы это господа? Неужели вы и теперь станете утверждать, что оппортюнизмъ временное явленіе, увлеченіе нѣсколькихъ лицъ? Посмотрите вокругъ себя: можете ли вы отличить—по совѣсти говоря—ортодокса отъ реформиста? Вы безсильны отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что откровенный отвѣтъ обнаруживаетъ классовую сущность соціаль-демократіи.

Кто хочетъ дѣйствительно понять характеръ и причины совершившейся эволюціи соціаль-демократіи, долженъ стать на мою точку зрѣнія. Нужно признать, что соціаль-демократія всегда была партіей интеллигенціи и потому всегда была авторитарной, т. е. стояла за власть, за авторитетъ. Пока она не была признана закономъ, пока она не имѣла доступа въ парламентъ, она должна была искать опоры въ рабочемъ классѣ. Какъ буржуазія въ эпоху французской революціи самоотверженно шла на борьбу и братalась съ рабочимъ людомъ, такъ и соціаль-демократическая интеллигенція пережила пору восторженной юности.

Когда она была политически угнетена, она естественно не церемонилась съ буржуазіей, не страдала отъ половинчатости и искренно почти цѣликомъ переходила на «точку зрѣнія» рабочаго класса. Этимъ объясняется рѣзкій тонъ Манифеста «коммунистической партіи» и вызывающія выходки Либкнехта, Бе-

беля, Геда и др. ортодоксовъ. Когда всеобщее избирательное право открыло доступъ въ парламентъ интеллигентамъ, когда они почувствовали близость власти въ своихъ рукахъ благодаря росту партіи, они не могли сохранить старую тактику: безумно было рисковать карьерой, рисковать своей жизнью для революціонной пропаганды, когда имъ въ руки попало такое могучее орудіе, какъ государственная власть. Какъ буржуазія забыла всѣ свои прежнія революціонныя фразы, какъ только она сама стала у кормила правленія, такъ и соціаль-демократическая интеллигенція распростилась со своимъ прошлымъ едва она стала твердою ногой въ парламентѣ. Теперь старая тактика, которая видвинула столько славныхъ самотверженныхъ бойцовъ, кажется политиканамъ только жалкимъ донкихотствомъ. Стыдитесь, господа, вы отрекаетесь отъ самаго лучшаго, самаго прекраснаго періода вашей исторіи! Духъ революціи ушелъ отъ васъ, какъ только вы стали «государственными людьми» и перешелъ къ тѣмъ, которыхъ вы теперь такъ величественно третируете «утопистами». Духъ революцію ушелъ къ анархистамъ. Для подтвержденія нашего взгляда на соціальдемократію, мы можемъ указать еще хотя бы на исторію ея возникновенія въ различныхъ странахъ.

Вспомните, кто составилъ главное ядро соціаль-демократіи въ Германіи. Развѣ не такъ называемые «эйзенахцы» съ Бебелемъ во главѣ. А вѣдь они прямо, непосредственно вышли изъ рядовъ буржуазной партіи. А Марксъ? Энгельсъ? А весь союзъ коммунистовъ вслѣдъ за ними развѣ не шли долгое время подъ руководствомъ буржуазіи? Развѣ они не издѣвались надъ всякой попыткой самостоятельной организаціи рабочихъ внѣ буржуазно-демократической партіи? Развѣ всѣ вожаки основатели соціаль-демократической партіи не вышли изъ рядовъ буржуазіи?

Но нѣтъ, я не буду останавливаться на всѣхъ этихъ фактахъ. Послушаемъ лучше немного самихъ соціальдемократовъ. Понятно, что они въ обыкновенное время не скажутъ намъ всей правды. Мы должны разспросить ихъ въ такой моментъ, когда они болѣе склонны къ откровенности, въ особенности въ моменты фракціонной полемики. Въ такихъ случаяхъ они не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы выдать партійную тайну.

Одна брошюра, вышедшая подъ заглавіемъ: «Большинство и меньшинство» особенно интересна. Авторъ ея въ борьбѣ съ Ленинымъ иногда настолько выбалтываетъ нѣкоторыя

«конспираціи», что заставляетъ г. Дана дѣлать ему серьезныя внушенія въ видѣ примѣчаній.

«Интеллигенція, говоритъ авторъ брошюры, страдаетъ прежде всего отъ самодержавія, поэтому большинство интеллигентовъ больше всего интересуется политическими вопросами. Рабочій классъ страдаетъ главнымъ образомъ отъ классового господства, поэтому его интересуетъ соціальный вопросъ въ цѣломъ—и экономическая и политическая стороны его. Въ этомъ кроются причины противоположности ихъ стремленій».

«Большинство интеллигенціи выставляетъ на первый планъ сверженіе самодержавія, всю тактику партіи она направляетъ противъ крѣпости самодержавія, пренебрежительно относится къ профессіональной борьбѣ и изгоняетъ ее изъ вѣдѣнія соціальдемократической партіи: профессіональная борьба, но лишь постольку, поскольку она служитъ средствомъ политической агитаціи—вотъ въ какую сторону направляетъ большинство интеллигентовъ партію пролетаріата.»

Авторъ, очевидно, не имѣетъ никакого представленія о тактикѣ европейскихъ соціальдемократическихъ партій. Онъ наивно думаетъ, что стрѣляетъ въ одного Ленина, а на самомъ дѣлѣ попадаетъ во всю международную соціальдемократію. Онъ констатируетъ коренное различіе въ интересахъ между интеллигенціей и пролетаріатомъ, онъ признаетъ противоположность ихъ стремленій и въ то же время не замѣчаетъ, что *руководитъ всѣми соціальдемократическими партіями именно эта интеллигенція*, что соціальдемократія *всей* своей тактикой, всей своей дѣятельностью отстаиваетъ именно политическіе интересы интеллигенціи, что ея стремленіе торжествуетъ повсемѣстно. Наивное недоразумѣніе, которое выяснится автору, какъ только русская соціальдемократія войдетъ въ обычное русло и получитъ наконецъ долгожданный парламентъ.

Нашъ грузинскій соціальдемократъ видитъ характерную черту интеллигентской психологіи въ пренебреженіи къ профессіональной борьбѣ. И опять таки наивный авторъ не знаетъ, что его стрѣла попала въ сердце самыхъ ортодоксальныхъ соціальдемократовъ, людей вродѣ Бебеля. Еще недавно Бебель говорилъ, что рабочіе синдикаты не только не приносятъ пользы рабочему дѣлу, но вредятъ освобожденію рабочихъ, ибо отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ самой главной, самой насущной задачи, отъ завоеванія политической власти посредствомъ парламента. Нашъ авторъ, повидимому, не подозрѣваетъ, какую жестокую борьбу пришлось выдержать нѣмецкимъ синдикатамъ съ германской соціальдемократіей, которая стремилась всѣми

силами подчинить ихъ себѣ, превратить въ простые избирательные комитеты. Недаромъ нѣмецкіе синдикаты не хотятъ праздновать первое мая, которое выродилось только въ пустую политическую манифестацію. Но не только въ Германіи, въ Австріи, но и во Франціи, Италіи, Испаніи, въ Америкѣ, въ Англіи, словомъ вездѣ только, гдѣ существуетъ соціальдемократія, вездѣ признается «профессіональная борьба», но «лишь по стольку, по сколько она служитъ средствомъ политической агитаціи». Значитъ, если вѣрить нашему грузинскому соціальдемократу, вездѣ торжествуетъ интеллигентская психологія, вездѣ соціальдемократія по своей тактикѣ есть партія интеллигенціи.

Мнѣ скажутъ—цитируемый неизвѣстный не можетъ быть выразителемъ соціаль-демократіи. Обратимся же къ такому видному, авторитетному теоретику, какъ г. Георгій Плехановъ.

Въ 1888 году, когда русская соціальдемократія только зарождалась, заботы русскихъ соціальдемократовъ естественно направлялись на то, чтобы организовать партію. Интересно поэтому послушать ихъ въ такой моментъ, узнать отъ нихъ самихъ, на какіе общественные элементы они хотятъ опереться, каковы ихъ главныя задачи, въ чемъ ихъ идеалъ. Въ такой-то моментъ написана г. Плехановымъ статья: «Какъ добиться конституціи?» Ужа само названіе характерно: соціальдемократическая партія организуется не для полнаго уничтоженія порабощенія работника капиталомъ, а для того, чтобы «добиться конституціи».

Далѣе, къ кому обращается этотъ будущій вождь русской соціальдемократіи? Не къ русскимъ рабочимъ, а къ русскимъ либераламъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ и говоритъ: «мы думаемъ, что еслибы наши либералы дѣйствительно хотѣли добиться политической свободы, то они въ концѣ концовъ не могли бы придумать ничего лучшаго, какъ пристать къ соціалистамъ» *).

Итакъ «философъ» соціализма полагаетъ, что соціальдемократія есть лучшее убѣжище для буржуазныхъ либераловъ. Онъ доходитъ до того, что откровенно выставляетъ самой главной задачей соціальдемократіи—политическую свободу, ради которой онъ готовъ не только вступить въ союзъ съ либералами, но и отказаться отъ соціализма.

«Если бы мы могли *хоть немного* приблизить его (т. е. политическій переворотъ) своимъ *превращеніемъ въ либераловъ*,

*) «На два фронта» стр. 99.

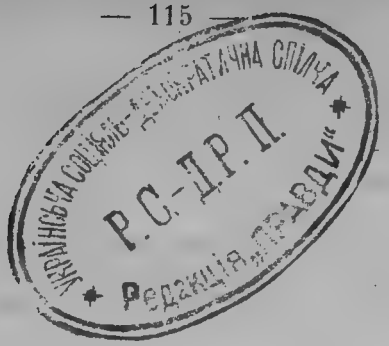
то колебаться было бы *нельпо* и *преступно*. Мы не только *могли бы*, но мы обязаны были бы забыть обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ этихъ двухъ словъ: *политическая свобода. Всѣ тѣ, которые вздумали бы тогда говорить о соціализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа*, потому что своимъ доктринерствомъ они задержали бы его политическое развитіе. *Бѣда* лишь въ томъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: превратившись въ либераловъ, соціалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи».

Обратите вниманіе на то, что теоретикъ русской соціальдемократіи считаетъ бѣдой: «бѣда» для него въ томъ, что онъ не имѣетъ возможности вполнѣ превратиться въ либерала, т. е. совершенно отказаться отъ клички соціалиста. Плехановъ—либералъ не потому, что это необходимо для соціализма, но онъ называетъ себя соціалистомъ потому, что это необходимо для торжества либерализма. Можно ли болѣе ясно выразить мысль, что современный, такъ называемый «научный» соціализмъ есть только послѣдовательный демократизмъ? Старые демократы опирались на мелкую буржуазію, преимущественно крестьянство и интеллигенцію, и ихъ экономическая программа естественно, вращалась въ области расширенія мелкаго землевладѣнія, дешеваго кредита и т. д. Новая демократія поняла необходимость опереться на пролетарскія массы и потому внесла въ свою программу рядъ рабочихъ требованій и назвала себя соціальдемократіей. Но она плоть отъ плоти, кость отъ кости буржуазной демократіи.

Другое цѣнное признаніе даетъ намъ другой видный лидеръ русской соціальдемократіи Ленинъ въ своей прекрасной работѣ «Что дѣлать?» Онъ успѣшно приводитъ ту мысль, что соціализмъ нисколько не вытекаетъ изъ условій жизни и борьбы рабочаго класса, трэдъ—юніонизмъ ни коимъ образомъ не ведетъ къ соціализму. По его мнѣнію, соціалистическое сознаніе приносится рабочимъ *извнѣ* интеллигенціей. Да и въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе имѣетъ рабочій синдикатъ, созданный для непосредственной борьбы съ капиталомъ, съ грезами о «захватѣ» парламента? Профессіональная борьба есть борьба *за долю продукта*; логически развиваясь, она можетъ и должна привести къ борбѣ *за весь продуктъ*, за коммунизмъ Но какимъ образомъ она можетъ привести къ необходимости захвата власти посредствомъ избирательной записки? Далѣе. Профессіональный союзъ есть организація работниковъ, занимающихъ однородное положеніе въ процессѣ производства, организація, которая самой жизнью толкается къ участію въ ру-

ководствѣ производствомъ (норма рабочаго дня, гигіена, пріемъ и разсчетъ рабочихъ и т. п.) Отсюда съ теченіемъ времени можетъ логически развиться идея о переходѣ *всей* организаторской роли по отношенію ко *всему* производству въ руки *исключительно* свободныхъ союзовъ работниковъ. Это—анархизмъ и ничего общаго не имѣетъ съ вожделѣніемъ соціальдетократовъ, чтобъ руководство производствомъ было передано въ руки демократическаго начальства. Тысячу разъ правъ Ленинъ, когда онъ заявляетъ, что соціализмъ нисколько не вытекаетъ изъ экономической борьбы работниковъ, что соціальдемократы должны «совратить» рабочихъ съ экономики на политику.

Трудно ярче выразить ту мысль, что «научный» соціализмъ есть продуктъ буржуазной интеллигенціи, которая свое кровное дѣтище хочетъ подбросить и навязать рабочему классу, чтобы «совратить» его съ пути, который ведетъ къ полному уничтоженію всѣхъ существующихъ общественныхъ отношеній, и толкнуть на путь буржуазнаго политиканства. Трудно точнѣе выразить мысль, что соціальдемократія есть организованная интеллигенція, которая ведетъ за собою одураченныя темныя массы рабочихъ.



XIII.

Захватъ власти.

Я придаю громадное значеніе разногласіямъ въ пониманіи идеала. Я даже пытался доказать, что пониманіемъ идеала опредѣляется сама тактика. Но все же я долженъ тутъ сказать, что партія не религіозная секта, а политическій союзъ, который ставитъ себѣ опредѣленныя чисто практическія задачи уже въ настоящемъ, а не ко времени второго пришествія. Практическія задачи требуютъ опредѣленныхъ практическихъ дѣйствій. Именно эти дѣйствія, т. е. тактика, кладутъ непроходимые барьеры между партіями. Анархистъ можетъ по чисто научнымъ соображеніямъ считать болѣе осуществимымъ коллективизмъ, чѣмъ коммунизмъ. Въ Испаніи и до сихъ есть анархисты-коллективисты. Но анархистъ перестаетъ быть самимъ собою, когда подъ какой-либо формой становится на точку зрѣнія парламентаризма. Точно такъ же соціаль-демократъ можетъ быть коммунистомъ, не переставая быть соціаль-демократомъ, но онъ дѣлаетъ крупный шагъ въ нашемъ направленіи, отвергнувъ парламентъ и признавъ революціонную всеобщую стачку. Словомъ, партіи, подобно людямъ, отличаются другъ отъ друга больше своимъ повседневнымъ образомъ жизни, чѣмъ своими представленіями о далекомъ будущемъ.

Основная тактическая идея соціаль-демократіи выражается двумя простыми словами: захватъ власти. Эрфуртская программа—этотъ классическій документъ международной соціаль-демократіи—гласитъ такъ такъ: «Онъ (рабочій классъ) не можетъ осуществить передачи средствъ производства въ руки общества, не овладѣвши политической властью». Въ резолюціи, принятой на международномъ парижскомъ конгрессѣ 14—21 іюня 1889 г., мы читаемъ: «Парижскій международный конгрессъ постановляетъ:

Что во всѣхъ странахъ, гдѣ пролетаріи обладаютъ избирательными правами, они должны вступить въ ряды соціалистической партіи, не идущей на компромиссы съ другой политической партіей и *пользуясь своими правами голоса, стремиться на почвѣ даннаго строя къ завоеванію политической власти*; что во всѣхъ странахъ, гдѣ пролетаріи лишены избирательнаго права и конституціонныхъ правъ, они должны бороться за право полученія голоса всѣми средствами, которыми располагаютъ».

На международномъ конгрессѣ въ Лондонѣ 1896 г. резолюція о «политическихъ дѣйствіяхъ» выражается такъ:

«Подъ политическими дѣйствіями конгрессъ понимаетъ борьбу, организованную во всѣхъ формахъ ея проявленія, *для завоеванія рабочимъ классомъ политической власти съ цѣлью своего освобожденія* и для приложенія этой власти въ законодательной и административной (?) работѣ въ государствѣ и общинѣ;

2) «Конгрессъ объявляетъ, что *завоеваніе политической власти есть лучшее средство для рабочихъ достигнуть полнаго освобожденія*—человѣческой и гражданской свободы, благодаря которой они смогутъ установить соціалистическую республику.

Онъ обращается къ рабочимъ всѣхъ странъ и призываетъ ихъ объединиться въ одну, отличную отъ всѣхъ буржуазныхъ партій, и выставить слѣдующія требованія:

Всеобщую подачу голосовъ всѣхъ взрослыхъ;

Право быть выбраннымъ для каждаго взрослаго;

Избраніе путемъ баллотировки;

Право петицій и референдума, мѣстнаго и національнаго;

. . . . . .

5) «Онъ (конгрессъ) призываетъ трудящихся всѣхъ странъ бороться рука объ руку съ рабочимъ классомъ всѣхъ странъ и сорганизоваться съ нимъ, чтобы низвергнуть международный капитализмъ и установить *господство соціаль-демократіи*».

Наконецъ, резолюція парижскаго конгресса 1901 г. заключаетъ слѣдующую важную мысль: «При современномъ демократическомъ правленіи завоеваніе политической власти пролетаріатомъ не можетъ явиться результатомъ какого-нибудь смѣлаго нападенія, но какъ слѣдствіе *долгой и трудной работы по организаціи пролетаріевъ на экономической и политичес-*

кой почвѣ, какъ результатъ физическаго и нравственнаго возрожденія рабочаго класса и постепеннаго завоеванія муниципалитетовъ и законодательныхъ собраній» *).

Такъ говорятъ авторитетные оффиціальные документы международной соціаль-демократіи. Сочиненія ея выдающихся представителей разъясняютъ эти мысли на тысячу ладовъ. На партейтагѣ въ Іенѣ Бебель выразился такъ: «По той самой логикѣ, по которой угнетенные классы въ исторіи человѣчества до сихъ поръ захватывали государственную власть, чтобы затѣмъ преобразовывать государство и общество въ своихъ классовыхъ интересахъ, и послѣдній угнетенный классъ—пролетаріатъ, долженъ захватить политичеекую власть, чтобы съ ея помощью создать тѣ соціальныя установленія, которыя сдѣлаютъ его мощь несокрушимой» **).

Въ одномъ мѣстѣ К. Кауцкій говоритъ: «*пролетаріатъ освободитъ себя лишь тогда, когда онъ организуется* въ самостоятельную политическую партію, которая завоюетъ государственную власть» ***). Въ другомъ мѣстѣ эту же мысль онъ выразилъ нѣсколько иначе.

«Уже теперь, говоритъ онъ, всѣмъ становится яснымъ, что истинно парламентскій режимъ можетъ быть такимъ же орудіемъ диктатуры въ рукахъ пролетаріата, какимъ онъ сейчасъ является въ рукахъ буржуазіи». «*Важнѣйшимъ* шагомъ по пути пролетарской революціи является въ истинно парламентскихъ странахъ завоеваніе всеобщаго избирательнаго права; въ странахъ же конституціонныхъ къ этой задачѣ присоединяется еще другая—утвержденіе истинно парламентскаго режима» ****).

Я очень подробно цитировалъ соціаль-демократическіе источники потому что для пониманія теоріи «захвата власти», необходимо ея всестороннее освѣщеніе. Теперь она представляется намъ довольно ясной во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Она, повидимому складывается изъ трехъ главныхъ положеній: о роли государства, какъ фактора прогресса, о значеніи современнаго парламента и о цѣнности всеобщаго избирательнаго права.

*) Курсивъ не нашъ.

**) А. Бебель «О политической массовой стачкѣ». Изд. «Лучъ», стр. 26.

***) К. Кауцкій «Республика и с.-д-ія во Франціи». Издан. Алексѣевой 1996, стр. 28.

****) К. Кауцкій «Парламентаризмъ и народное законодательство». Изд. «Демосъ» 1905, стр. 111.

Первороднымъ грѣхомъ соціаль-демократіи является ея глубоко ошибочное пониманіе характера государства. Въ соціаль-демократической литературѣ вы найдете несчетное количество взаимно-противорѣчивыхъ опредѣленій значенія государства въ будущемъ. Но во всемъ, что касается прошлаго и настоящаго у всѣхъ соціаль-демократическихъ теорстиковъ несомнѣнно господствуетъ одна идея, что государство было и является носителемъ культуры. Отсюда, естественно, дѣлается выводъ, что каждый угнетенный и прогрессивный классъ долженъ стремиться овладѣть этимъ орудіемъ прогресса-государственной властью. Взглядъ этотъ не выработанъ марксистами, а заимствованъ у буржуазныхъ революціонеровъ. Съ особенной силой развивали и примѣняли эту теорію французскіе якобинцы. Бабефъ, вышедшій изъ ихъ среды, унаслѣдовалъ этотъ взглядъ цѣликомъ; отъ него онъ перешелъ къ бланкистамъ, которые передали его Марксу. Отъ послѣдняго это печальное наслѣдство перешло къ современнымъ соціаль-демократамъ. Ортодоксальные соціаль-демократы отличаются отъ якобинцевъ и бланкистовъ только пониманіемъ наилучшаго способа захвата власти, но не въ оцѣнкѣ самого значенія этой власти. Бланкисты отстаивали необходимость тайной, конспиративной организаціи революціонеровъ, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ вооруженнымъ нападеніемъ на государство захватываетъ власть въ свои руки. Соціаль-демократы считаютъ мирный, легальный, парламентскій способъ болѣе вѣрнымъ и болѣе близкимъ. Бланкисты—конспираторы и революціонеры; марксисты—легалисты и эволюціонисты. Но и тѣ и другіе—настоящіе идопоклонники государства; и тѣ и другіе соціальную революцію считаютъ революціей политической (въ узкомъ смыслѣ слова).

Раньше всего, мы должны отмѣтить, что этотъ фетишистическій взглядъ на государство находится въ вопіющемъ противорѣчіи со всей человѣческой исторіей. Государство никогда и нигдѣ не играло роли носителя прогресса. Оно создано господствующимъ классомъ въ незапамятныя времена съ явной цѣлью защиты его господства. Оно мѣняло свои формы въ пространствѣ и во времени, но оно никогда не брало и не могло брать на себя фантастической роли носителя какого-то культурнаго прогресса. Да и что такое этотъ прогрессъ? Кто стоитъ на классовой точкѣ зрѣнія, знаетъ, что нѣтъ прогресса вообще, а есть прогрессъ того или иного класса. Государство всегда «носило» только свой собственный прогрессъ, т. е. интересы господствующаго класса въ цѣломъ. Эти интересы оно

должно было отстаивать извнѣ отъ нападеній иностранныхъ господъ, извнутри—отъ угнетенныхъ. Иногда съ общеклассовыми интересами господъ сталкиваются частные интересы отдѣльныхъ членовъ господствующей касты. Тогда государству приходитси вступить въ борьбу и съ отдѣльными лицами командующаго класса. Но и это обстоятельство только подтверждаетъ нашъ взглядъ, что государство не что иное какъ спеціальный механизмъ, имѣющій только одно назначеніе—поддерживать основы существующаго строя. Государство ни реакціонно, ни прогрессивно, оно абсолютно консервативно по самому существу. Нужно поэтому быть такимъ бюрократомъ какъ Ф. Лассаль, чтобы сказать: «*Но въ томъ-то и состоитъ задача и назначеніе государства, чтобы облегчить великіе культурные успѣхи человѣчества и помогать имъ. Въ томъ его призваніе. Для этого оно и существуетъ; на это оно всегда служило и должно служить*» *).

Государство не только не знало «призванія» «облегчать» и «помогать», но и уступало самымъ назрѣвшимъ реформамъ съ большимъ трудомъ. Всякія крупныя перемѣны до сихъ поръ проводились фактически самимъ возставшимъ народомъ и когда государственная власть не въ силахъ была взять ихъ обратно, она узаконяла ихъ. Государство не создаетъ, а регистрируетъ побѣдоносную реформу. Эта мысль такъ очевидна, что ее призналъ косвенно «самъ» Каутскій, который о Французской Революціи говоритъ такъ: «Они (мѣщане, крестьяне и пролетаріи) вооружились, штурмовали Бастилію, сжигали замки феодаловъ, *сбросили съ себя всѣ феодальныя тяготы* и начали сами управлять своими общинами. *Учредительное Собраніе узаконило только то, что совершилъ самъ народъ* **)». Въ другомъ мѣстѣ той же книги онъ утверждаетъ: «Подобное имѣло мѣсто въ ночь на 4-ое августа 1789 г., когда дворянство и духовенство добровольно отреклось отъ своихъ привиллегій, которыя, если трезво смотрѣть на это событіе, *возмутившійся народъ уже значительно раньше фактически разбилъ вдребезги*».

Можно смѣло сказать, что вся исторія является опроверженіемъ соціаль-демократической мысли будто, по выраженію Бебеля, угнетенные классы захватывали государственную власть, чтобы *затѣмъ* преобразовать государство и общество въ сво-

*) Ф. Лассаль «Гласный отвѣтъ». Изд. «Буревѣстникъ» 1905, стр. 34.

**) К. Каутскій «Республика и с-д-ія во Франціи». Изд. Алексѣевой, 1906, стр. 12.

ихъ классовыхъ интересахъ. Вѣрно какъ разъ противоположное: угнетенные классы *раньше* съ оружіемъ въ рукахъ преобразовывали экономическія отношенія, а затѣмъ создавали *новую* политическую организацію для охраны совершившагося переворота. Я подчеркнулъ «новую», чтобы отмѣтить другую ошибку, которую проповѣдуютъ соціаль-демократы. Они предлагаютъ пролетаріату овладѣть *существующей* государственной властью—парламентомъ, чтобы съ его помощью произвести соціальную революцію, между тѣмъ какъ французская революція, на которую они любятъ ссылаться, даетъ совсѣмъ другой примѣръ. Французская буржуазія не стремилась *овладѣть* королевскимъ деспотизмомъ, чтобы заставить *его* служить своимъ интересамъ; наоборотъ, она разрушила эту старую форму политической власти и создала новую, специфически—буржуазную форму господства—парламентаризмъ. Чтобы быть болѣе послѣдовательными подражателями французскихъ якобинцевъ, соціаль-демократы должны были бы ставить себѣ цѣлью *уничтоженіе* современной буржуазной парламентарной формы государства и *созданіе* новаго пролетарскаго государства для проведенія въ жизнь требованій пролетаріата. Но и этотъ болѣе послѣдовательный взглядъ, какъ мы видѣли уже, въ корнѣ невѣренъ. На дѣлѣ не новая политическая власть преобразовала экономическія отношенія, а наоборотъ, она сама выросла изъ *фактическаго* уничтоженія феодальныхъ привиллегій, изъ *фактическаго* ниспроверженія *экономической* основы феодализма. *Экономическая революція предшествовала политической.* Иронія судьбы: соціаль-демократы уши прожужжали своимъ экономическимъ матеріализмомъ, а когда имъ приходится коснуться вопроса о государствѣ, они становятся на чисто идеалистическую точку зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, каково отношеніе экономики къ политикѣ по ученію марксистовъ? Они никогда не затрудняются отвѣтить, что политика есть только «надстройка» надъ «экономической базой». Какимъ же образомъ эта надстройка можетъ радикально передѣлать самое базу, надъ которой она возвышается? Какимъ образомъ государство—надстройка старыхъ общественныхъ отношеній—можетъ провести въ жизнь новый соціальный принципъ? Какъ можетъ марксистъ, стоя на своей пресловутой матеріалистической точкѣ зрѣнія, стремиться къ завоеванію политической власти раньше, чѣмъ не уничтожена старая экономическая база? Куда дѣваютъ «ортодоксальные марксисты» свое матеріалистическое пониманіе (?) исторіи?

Гораздо послѣдовательнѣе разсуждаетъ Бернштейнъ, такъ несправедливо оклеветанный ортодоксами за его прямодушіе, откровенность и послѣдовательность. Бернштейнъ исходитъ изъ того чисто марксистскаго взгляда, что экономика вполнѣ опредѣляетъ политику. Поэтому рабочій классъ достигнетъ господства тогда, когда этого будутъ требовать экономическія отношенія и рабочій классъ постепенно созрѣетъ. Но тогда не нужно «захватывать» ее: она неизбѣжно перейдетъ въ руки рабочихъ.

Поэтому, теперь Бернштейнъ считаетъ только пустой революціонной фразеологіей всякіе разговоры о «захватахъ», «диктатурахъ» и другихъ страшныхъ вещахъ и предлагаетъ чисто по-марксистски сосредоточить все вниманіе и работу на экономикѣ — трэдъ-юніонизмѣ, кооперацiяхъ, реформахъ. На эти резонныя и чисто-марксистскія разсужденія ортодоксальные политиканы отвѣтили безпрерывнымъ градомъ оскорбленій, но взглядъ Бернштейна остался неопровергнутымъ. Правда, ортодоксы не могутъ никогда *открыто* признать правоту Бернштейна, потому, что такое признаніе есть уничтоженіе послѣднихъ остатковъ революціонизма, т. е. революціонной фразы, изъ которой ловкіе политиканы умѣютъ извлечь все человѣчески возможное. Когда они обращаются къ власти, они говорятъ буквально то же самое, за что залили грязью Бернштейна. Когда имъ приходится спорить съ нами, революціонерами, они одѣваютъ старые боевые доспѣхи—и тогда земля начинаетъ дрожать отъ звучныхъ словъ: революція, диктатура, захватъ власти, упраздненіе государства, полное уничтоженіе эксплуатаціи и т. д., и т. д. Но этотъ наборъ фразъ не можетъ скрыть отъ насъ того несомнѣннаго факта, что послѣдовательность на сторонѣ Бернштейна, а не Каутскаго, и что, стало быть, послѣдовательный марксизмъ ведетъ къ мирной тактикѣ реформъ, а не къ революціи. Еслибъ не было насъ, зловредныхъ анархистовъ, ортодоксія давно уже открыто признала бы выводы Бернштейна. Но она прекрасно знаетъ, что это признаніе оттолкнуло бы отъ соціальдемократіи всѣ революціонные элементы къ намъ и постепенно лишило бы ее всякаго вліянія на рабочія массы. Вотъ почему приходится дурачить простодушныхъ и нерѣшительныхъ революціонными фразами, въ которыя сами авторы не вѣрятъ.

Ортодоксія не могла справиться съ критикой Бернштейна, который на почвѣ марксизма непобѣдимъ. Это чувствуетъ даже самъ «великій» Каутскій, который свою книгу противъ Бернштейна начинаетъ съ оригинальнаго признанія, что Бернштейнъ,

собственно, ничего не внесъ въ тактику и многіе взгляды Бернштейна были раньше его высказаны имъ самимъ, г. Каутскимъ, и такими заядлыми и нахальными ортодоксами, какъ Парвусъ, Люксенбургъ и др. Дѣйствительно, кто хочетъ выпутаться изъ паутины фразъ, долженъ порвать совершенно съ марксистскимъ взглядомъ на государство.

Государство не надстройка надъ чѣмъ бы то ни было. Только идіоту придетъ въ голову считать, напримѣръ, такой органъ, какъ руки, надстройкой надъ тѣломъ. Государство есть общественный органъ, который взрастилъ и развилъ господствующій классъ для охраны своихъ привиллегій. Государство мѣняетъ свою форму не потому, что метафизически «отражаетъ» экономическія отношенія, а потому, что господствующій классъ приспособляетъ *форму* власти къ экономическому строю жизни такъ, чтобы всего лучше охранять *свои* привиллегіи. Безсмыслено поэтому, съ помощью государства, созданнаго и служащаго для охраны современнаго экономическаго строя, стремиться разрушить послѣдній. Добиваться захвата данной государственной власти или созданія новой должна такая общественная группа, которая нуждается въ организованной силѣ для охраны новыхъ привиллегій. Поэтому буржазія, уничтожая феодальныя привиллегіи собственности, создала и новый органъ для своей защиты—современное буржуазное государство. Но какія привиллегіи намѣренъ создать пролетаріатъ, во имя котораго его самозванные представители стремятся къ власти на плечахъ рабочихъ? Анализъ соціальнаго состава руководящихъ и направляющихъ сферъ соціальдемократическихъ партій даетъ намъ ключъ къ пониманію вопроса. Активный и вліятельный элементъ соціальдемотратіи цѣликомъ рекрутируется изъ такъ называемаго «новаго третьяго сословія»—управляющихъ, директоровъ, техниковъ, инженеровъ, адвокатовъ, журналистовъ, чиновниковъ, словомъ изъ той группы, которую нужно считать по справедливости организаторомъ, руководительницей современной экономической жизни. Какъ бы ни падало вознагражденіе за такъ называемый организаторскій «трудъ», привиллегированное положеніе организатора несомнѣнно. Капиталистъ можетъ не получать никакой прибыли отъ предпріятія, онъ можетъ совершенно раззориться, но въ своемъ самомъ убыточномъ предпріятіи онъ все таки эксплуататоръ, потому что занимаетъ привиллегированное положеніе. Подобное положеніе занимаетъ и организаторская группа. Перепроизводство интеллигентныхъ силъ понижаетъ жалованье умственныхъ работниковъ, но тѣмъ не менѣе, независимо отъ своего жалованья

инженеръ или управляющій занимаетъ въ предпріятіи привиллегированное положеніе: *онъ получаетъ плату не за опредѣленное количество своего труда, а за то, что дѣлаетъ чужой трудъ возможно болѣе производительнымъ и прибыльнымъ для капиталиста.*

Собственно говоря, теперь дѣйствительнымъ, *непосредственнымъ* эксплуататоромъ рабочаго класса является не буржуазія, а это «новое среднее сословіе». Къ своему глубокому сожалѣнію, оно только не пользуется выгодами своей эксплуатаціи.

Въ этомъ отношеніи эта группа занимаетъ теперь положеніе, поразительно подобное тому, которое занимала буржуазія до своей революціи. Буржуазія тогда фактически руководила всей экономической жизнью, но прибыль, добытая ею, въ большей части уходила въ бездонные карманы духовенства, дворянства и двора. Къ чему она стремилась? Она хотѣла уничтожить фикцію-феодальную форму собственности, благодаря которой она, буржуазія, реальная руководительница экономической жизни, должна была дѣлиться своей добычей. Въ такомъ же положеніи теперь современная организаторская группа. Фактически она во главѣ экономическаго строя, но добыча, которую она высасываетъ изъ рабочихъ, въ значительной части переходитъ къ капиталисту только благодаря устарѣвшей фикціи—фикціи частной собственности. Чего должно хотѣть это «новое среднее сословіе»? Того же, что и старое: устраненія этой фикціи и замѣны ея такой формой собственности, которая передала бы всю прибавочную цѣнность фактическимъ организаторамъ. Для этого должны быть уничтожены всѣ привиллегіи собственности, но должна получить признаніе послѣдняя изъ привиллегій—организаторство, такъ называемый умственный трудъ. Нужно оставить право господствовать только за группой организаторовъ. Соціальдемократическое государство наилучше удовлетворяетъ этимъ полусознательнымъ и полуинстинктивнымъ вожделѣніямъ новаго средняго сословія. Вѣдь, каждому ясно, что стремиться къ созданію правительства, которое руководило бы всѣмъ производствомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ, значитъ создавать именно правительство спеціалистовъ промышленнаго производства, правительство управляющихъ, инженеровъ, техниковъ и т. д. Такое государство уничтожаетъ привиллегіи собственности, но создаетъ новую и послѣднюю привиллегію—привиллегію организаціи труда. До сихъ поръ эта привиллегія соединялась съ какой нибудь другой, напримѣръ, владѣніемъ рабочими, владѣніемъ землею, владѣ-

ніемъ вообще. Буржуазная революція уничтожила всѣ привиллегіи кромѣ двухъ: привиллегіи собственности и привиллегіи организаціи. Коллективисты хотятъ уничтожить и привиллегію собственности, но оставляютъ послѣднюю базу господства—организаторство, команду производителями. Въ соціальдемократическомъ государствѣ до нихъ существовавшая привиллегія—организація труда—выступаетъ впервые въ оголенномъ видѣ, безъ всякихъ прикрасъ. Это можно здраво объяснить только тѣмъ, что направляющая группа въ соціальдемократическомъ движеніи—«новое среднее сословіе»—заинтересовано въ сохраненіи послѣдней привиллегіи. Оттого соціальдемократическіе вожди не жалѣютъ пыла для критики частной собственности, но пишутъ злобой, клеветой и грязью на насъ за то, что мы критикуемъ государство. Государство должно остаться, потому что разрушеніе его уничтожаетъ привиллегію «умственнаго труда». Оттого его и нужно захватить вопреки исторіи, логикѣ и самому марксизму. Оттого же мы—революціонные анархисты стремимся къ свободному сотрудничеству, хотимъ не захватить, а совершенно разрушить государство и замѣнить принудительную организацію труда свободными союзами самихъ производителей.

XIV.

Двѣ диктатуры.

Соціаль-демократія считаетъ необходимымъ условіемъ соціальной революціи захватъ власти. Но какъ захватить власть въ современномъ обществѣ? Въ этомъ отношеніи соціаль-демократія пережила серьезную эволюцію. Въ началѣ, въ пору своей юности, когда ея вожаки еще не были «государственными мужами», она видѣла только одно средство—вооруженное возстаніе. «Манифестъ Коммунистической Партіи» прямо говоритъ о необходимости «насильственнаго ниспроверженія всего существующаго строя». Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ даже въ средѣ германской соціаль-демократіи презрѣніе къ мирному парламентаризму было широко распространено. Теоретическимъ выразителемъ тогдашняго антипарламентаризма былъ самъ «солдатъ революціи» Вильгельмъ Либкнехтъ. Его брошюра*) до сихъ поръ является прекраснымъ оружіемъ въ рукахъ враговъ троицы —парламентаризма, легализма и оппортюнизма. Во Франціи враждебное отношеніе къ парламенту было очень сильно еще въ 90-хъ годахъ. Въ это время французскіе ортодоксы, гедисты, далеки были отъ теперешней вѣры въ «революцію посредствомъ избирательнаго листка» и проповѣдывали всеобщую стачку и возстаніе.

Каковы бы ни были причины, заставившія измѣнить взглядъ на парламентъ, несомнѣнно только одно: *теперь* международная соціаль-демократія стала партіей парламентарной и, стало быть, легальной и оппортюнистической по необходимости. Теперь, какъ мы видѣли выше изъ многихъ цитатъ, орудіемъ соціальной революціи считается парламентъ, совершить соціальную революцію значитъ овладѣть большинствомъ въ парла-

*) «Тактика соціаль-демократіи, какъ политической партіи».

ментѣ. Но кто хочетъ совершить революцію посредствомъ законовъ, долженъ уважать *существующіе* законы. Отсюда ясно, что *признаніе парламентскаго захвата власти необходимо ведетъ къ признанію существующаго строя законнымъ, пока законная власть не перейдетъ законнымъ образомъ въ руки соціаль-демократіи.* Это есть отказъ отъ революціи, который превратилъ соціаль-демократію фактически въ партію, стоящую на почвѣ буржуазнаго міра, въ партію буржуазную, какъ бы часто соціаль-демократы ни склоняли слово «революція». Вожди соціаль-демократіи это прекрасно понимаютъ и часто достаточно честны, чтобы это откровенно выставить. Бебель никогда почти не упускаетъ случая живо протестовать противъ тяжкаго обвиненія въ «революціонности». Въ своей Ганноверской рѣчи противъ Бернштейна онъ говоритъ съ обычнымъ самодовольствомъ: «Если сторонники буржуазнаго общества такъ глупы, что думаютъ, будто мы желали бы произвести *насильственную* революцію и пробить своими черепами стѣну, то мы, право, неотвѣтственны за ихъ глупость» *). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Нелѣпо думать, что соціаль-демократы желаютъ *силой* измѣнить современное положеніе вещей; они желаютъ понятно, насколько это отъ нихъ зависитъ, лишь *мирнаго* (курсивъ Бебеля) развитія. *Экономическія отношенія невозможно измѣнить насильственно*» **).

Каутскій съ своей стороны, не жалѣетъ крѣпкихъ словъ по адресу тѣхъ, кто полагаетъ, что буржуазія не откажется добровольно отъ своихъ привиллегій, и потому насильственную революцію считаютъ необходимой. Странна при этомъ терминологія его. Насильственную революцію онъ называетъ «революціей въ полицейскомъ смыслѣ слова», а «революцію» посредствомъ законнаго овладѣнія парламентскимъ большинствомъ онъ называетъ «революціей въ настоящемъ научномъ смыслѣ» ***). Почему насильственная революція попала въ немилость у политикановъ, заигрывающихъ съ высшими «сферами» и соперничающихъ съ г. Бюловымъ въ пониманіи «истинно государственныхъ интересовъ» и «истиннаго патріотизма»—вполнѣ понятно. Не понятно только, почему революція съ разрѣшенія полиціи не называется ея настоящимъ именемъ—полицейской, а титулуется почему-то «научной». Неужели научно только то, что разрѣшено полиціей? Неужели наука и полиція сино-

*) Изданіе «Буревѣстникъ», 1905, стр. 49.
**) Бебель «Грѣхи цѣнтра». Изд. Козмана, 1905, стр. 8.
***) «Нѣтъ больше соціаль-демократіи».

нимы? Преклоненіе предъ законностью и мирностью было еще характерной чертой Лассаля. Потомъ Энгельсъ пришелъ къ выводу, что на «законности» соціаль-демократы «нагуливаютъ себѣ красныя щеки». Въ резолюціи противъ анархистовъ, вынесенной на съѣздѣ германской соціаль-демократіи въ Сенъ-Галленѣ въ 1887 году, мы читаемъ: «Тактика единоличнаго примѣненія насилія не ведетъ къ цѣли и, ослабляя въ массахъ *чувство законности* *), является положительно вредной, а потому и предосудительной». Съ тѣхъ поръ воспѣвать законность вошло въ обыкновеніе. Въ настоящее время соціаль-демократія понимаетъ захватъ власти въ смыслѣ законнаго захвата парламентскаго большинства, подъ диктактурой пролетаріата она понимаетъ парламентскую диктатуру.

Мы отвергли теорію захвата власти вообще. Тѣмъ болѣе понятно наше отрицательное отношеніе къ мирному, легальному захвату парламента. Если теорія революціоннаго захвата власти намъ кажется утопической, потому что ставитъ себѣ утопическую задачу—произвести переворотъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ при помощи декретовъ и полиціи, то проповѣдь легальности и «воспитаніе чувства законности» намъ представляются уже открытой измѣной рабочему классу. У насъ нѣтъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить этотъ постыдный подмѣнъ революціоннаго возстанія народа безобидномѣщанской подачей избирательнаго билетика. Да, мы давно объявили себя неутомимыми врагами парламентской диктатуры главарей одураченнаго пролетаріата. Значитъ ли это, что мы противъ «диктатуры пролетаріата» вообще?

Раньше, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно объясниться. Почему мы противъ соціаль-демократической «диктатуры»? Потому-ли, что мы противъ *насильственнаго* давленія пролетаріата на рекціонные классы? Это идеологія поповскаго «непротивленія злу», а не идея революціоннаго анархизма. Революціонные анархисты тѣмъ и отличаются отъ соціаль-демократическихъ миротворцевъ и соглашателей, что всегда безъ обиняковъ твердили рабочему народу, что нечего надѣяться на миролюбіе или «здравый смыслъ» буржуазіи при рѣшеніи рабочаго вопроса, что нужно будетъ неизбѣжно прибѣгнуть къ вершителю всѣхъ судебъ, къ послѣднему дѣйствительному судьѣ въ гражданской войнѣ—къ насилію. Мы, стало быть, противъ парламентской диктатуры не потому, что она предполагаетъ насиліе, а потому, что она безполезна,

*) Ослабляетъ чувство законности! Da liegt der Hund begraben.

ибо невозможно произвести соціальную революцію посредствомъ декретовъ; вредна, ибо лишаетъ рабочихъ иниціативы. *Если* всякую теорію насильственнаго переворота въ общественныхъ отношеніяхъ называть диктатурой, то мы самые страстные защитники диктатуры, но не кучки депутатовъ, а широкихъ массъ пролетаріата, и не въ парламентахъ, а на улицѣ. Мы единственные, послѣдовательные защитники дѣйствительной, а не фиктивной диктатуры.

Какъ же представляется намъ дѣло? Первымъ необходимымъ условіемъ «диктатуры» пролетаріата является всеобщая стачка. Соціаль-демократы сдѣлали все мыслимое, чтобы затуманить этотъ поразительно-ясный вопросъ и намъ волей-неволей приходится остановиться на немъ. На международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 1893 году была вынесена резолюція, которая до послѣдняго времени выражала общепринятое мнѣніе въ соціаль-демократическихъ кругахъ. Вотъ что гласитъ эта резолюція. «Полагая, что успѣшное веденіе стачекъ возможно только при особыхъ обстоятельствахъ и съ особой цѣлью, которыя не могутъ быть опредѣлены заранѣе; что всемірная стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разныхъ странъ, но лишь только она станетъ возможной, какъ исчезнетъ въ ней надобность; полагая сверхъ того, что всеобщая стачка даже въ предѣлахъ одной страны можетъ дать благотворные результаты *лишь* въ томъ случаѣ, если она ведется *мирно*, потому что первыми страдать отъ голода будутъ стачечники, а это должно ихъ принудить къ сдачѣ, и потому, что стачка, сопровждаемая насиліями будетъ безжалостно раздавлена за это правящими классами,

Конгрессъ объявляетъ:

При современныхъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ всеобщая стачка можетъ быть проведена съ успѣхомъ *самое большее* въ отдѣльной отрасли промышленности; массовыя стачки, правда, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ оказаться очень сильнымъ орудіемъ не только въ экономической борьбѣ, но и въ борьбѣ политической. Впрочемъ, для цѣлесообразности пользованія этимъ орудіемъ, требуется могучая синдикальная и политическая организація рабочаго класса. Поэтому конгрессъ рекомендуетъ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ энергично работать надъ созданіемъ такой организаціи и отъ вопроса о всемірныхъ стачкахъ переходитъ къ порядку дня». Эта резолюція является въ своемъ родѣ классической,—ибо сконцентрировала въ себѣ

рѣшительно всѣ доводы противъ всеобщей стачки, такъ что слѣдующіе конгрессы только ссылались на нее. Мы должны поэтому удѣлить ей нѣсколько наше вниманіе. Будемъ разсматривать ее по порядку, съ самаго начала.

...«Успѣшное веденіе стачекъ возможно только при особыхъ обстоятельствахъ и съ особой цѣлью». Несомнѣнная, святая истина! Мы охотно принимаемъ это положеніе безъ всякихъ возраженій. Но я понять только не могу, какое отношеніе имѣетъ эта мысль къ отрицанію всеобщей стачки? Не только успѣшныя стачки, но и вообще всякое успѣшное человѣческое дѣйствіе мыслимо «только при особыхъ обстоятельствахъ и съ особой цѣлью». Я скажу еще больше: не только успѣшныя стачки, но и всякія стачки вообще; не только успѣшныя дѣйствія, но и всякія дѣйствія вообще возможны не иначе, какъ при опредѣленныхъ условіяхъ. Что же такое эта мудрая фраза, какъ не переливаніе изъ пустого въ порожнее?

«Всемірная стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разныхъ странъ». Раньше всего, нужно отмѣтить, что анархисты никогда не думали втянуть въ стачку эскимосовъ, индійцевъ, самоѣдовъ, чукчей и прочіе народы той же ступени развитія. Даже азіатскіе и африканскіе народы не входятъ въ наши разсчеты. Мы думаемъ посредствомъ всеобщей стачки приступить къ уничтоженію *буржуазнаго* господства и ужъ по этой простой причинѣ мы не можемъ мечтать о всемірной стачкѣ, потому что не вездѣ имѣются необходимые элементы—бужуазія и пролетаріатъ. Наша всеобщая стачка относится только къ странамъ капиталистическимъ. А въ этихъ странахъ, какъ показалъ опытъ, который выше доктринерскихъ фразъ политикановъ, «весьма различная степень экономическаго развитія» не является препятствіемъ всеобщей стачкѣ. Испанія, Италія, Франція, Бельгія, Голландія, Швеція, Швейцарія, Россія—страны, сильно отличающіяся въ промышленномъ развитіи, а всѣ были ареной болѣе или менѣе грандіозныхъ всеобщихъ стачекъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти стачки были бы еще грандіознѣй, если-бы трусливые «вожди» пролетаріата не вступили въ постыдный союзъ съ буржуазіей и не били бы отбоя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда стачка грозила принять революціонный характеръ, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи и Голландіи *). Возможность

*) Съ какимъ безстыдствомъ ведетъ себя Германская соціальдемократія по отношенію ко всеобщей стачкѣ, показываетъ знаменитый инциндентъ съ тайнымъ совѣщаніемъ по этому поводу въ

всеобщей стачки опредѣляется не количествомъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ, а революціоннымъ настроеніемъ работниковъ. Этимъ объясняется, что страны, менѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи, могутъ быть болѣе подготовлены ко всеобщимъ стачкамъ, чѣмъ болѣе передовыя промышленныя страны, если пролетаріатъ не успѣлъ еще проникнуться резвращающей любовью къ законности и холопской вѣрой въ благодѣтельность солдатской дисциплины и гдѣ онъ вѣритъ еще въ свои собственныя силы. Зависимость всеобщей стачки именно отъ революціонности рабочихъ видно, между прочимъ, изъ того, что всеобщія стачки особенно распространились въ тѣхъ странахъ, гдѣ укрѣпился анархизмъ—въ Испаніи, Италіи, Франціи и Голландіи. Знаменитая всеобщая стачка въ 1886 г. въ Чикаго велась подъ непосредственнымъ руководствомъ анархистовъ. Именно потому, что анархисты практиковали и проповѣдывали всеобщую стачку, соціаль-демократы долго отказывались пользоваться даже въ своихъ интересахъ этимъ драгоцѣннымъ оружіемъ. Боязнь уступить анархистамъ, а не различіе въ экономическомъ развитіи различныхъ странъ, является дѣйствительнымъ мотивомъ «неудобоисполнимости» всеобщихъ стачекъ *).

...«Лишь только она станетъ возможной, какъ исчезнетъ въ ней надобность». Это самый милый доводъ, поистинѣ, достойный діалектиковъ. Въ основѣ его, очевидно лежитъ слѣдующее разсужденіе. Всеобщая стачка возможна только тогда, когда рабочіе станутъ сознательными. Зачѣмъ же имъ тогда пытаться «пробить своими черепами стѣну», какъ выразился Бебель? Не лучше-ли вмѣсто того, чтобы во время стачки рис-

---

февралѣ 1906 г. вскорѣ послѣ Іенскаго партейтага. Хоть нѣкоторое представленіе объ этомъ позорномъ инциндентѣ, въ которомъ обнаруживается вся лицемѣрная лживость политикановъ, можно получить изъ брошюры, изданной книгоиздательствомъ «Интернаціоналъ» подъ заглавіемъ «Мангеймскій партейтагъ Германской соціаль-демократіи. Доклады и пренія о массовой стачкѣ. Предисловіе П. Орловскаго». С.-Петербургъ 1907 года.

*) Даже перенимая у насъ это тактическое оружіе эти господа никогда не упускаютъ случая отмѣтить, что *ихъ* (?) всеобщая стачка ничего общаго не имѣетъ съ анархистской. Дженте[illegible]! Кому вы замазываете глаза этими словами? Мы и такъ хорошо знаемъ, что *цѣль* вашихъ всеобщихъ стачекъ совсѣмъ иная: на то вы и мелко-буржуазные демократы, чтобы все свести къ избирательной урнѣ. Но развѣ сама всеобщая стачка перестаетъ отъ этого быть всеобщимъ прекращеніемъ работъ? А вѣдь именно это вы до послѣдняго времени считали не только невозможнымъ, но и гибельнымъ для пролетаріата.

ковать головами, послать въ парламентъ соціаль-демократическое большинство голосовъ, которое быстрѣе и лучше, а главное безопаснѣе рѣшитъ все дѣло? Критиковать этотъ вздоръ послѣ того, что уже было сказано раньше, совершенно излишне. Думать, что избирательная бумажка можетъ сдѣлать «излишней» всеобщую стачку значитъ потерять всякое реальное представленіе о борьбѣ классовъ и въ войнѣ, въ гражданской войнѣ Труда съ Капиталомъ вооружать рабочихъ картонными мечами.

«Всеобщая стачка даже въ предѣлахъ одной страны можетъ дать благотворные результаты лишь въ томъ случаѣ, если она ведется мирно, потому что стачка, сопровождаемая насиліями, будетъ безжалостно раздавлена за это правящими классами». Русская революція дала блестящее опроверженіе этого убѣжденія миротворцевъ. Ноябрьская стачка, которая сопровождалась насиліями, дала блестящіе результаты, а декабрьская стачка провалилась именно потому, что она во *многихъ мѣстахъ* прошла слишкомъ мирно. Всеобщая стачка есть открытая гражданская война, а во всякой войнѣ побѣждаетъ не болѣе мирный и болѣе корректный, а болѣе воинственный, болѣе дерзкій. Нападающій всегда имѣетъ преимущество передъ обороняющимся, хотя бы уже тѣмъ, что отъ него зависитъ время и мѣсто битвы,—условія громадной важности на войнѣ Мы съ увѣренностью говоримъ, что всеобщія стачки тѣмъ болѣе успѣшными будутъ, чѣмъ менѣе онѣ будутъ мирными манифестаціями. Всеобщія стачки никоимъ образомъ не должны заставить стачечниковъ «первыми страдать отъ голода» и «принудить ихъ къ сдачѣ». Экспропріація продуктовъ должна непремѣнно сопровождать ихъ. Нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы помѣшать это сдѣлать бастующему городу. Полиція помѣшаетъ экспропріаціи въ одномъ мѣстѣ, послѣдняя состоится въ другомъ, въ тысячѣ другихъ мѣстъ. Каждое удачное нападеніе на собственность подыметъ увѣренность и дерзость стачечниковъ, и весь бастующій классъ вступитъ въ генеральное сраженіе съ государственной властью. Это сраженіе можетъ быть проиграно, но оно непремѣнно будетъ выиграно, когда рабочіе поймутъ, что *единственная* надежда ихъ только въ полной, рѣшительной побѣдѣ надъ врагомъ въ открытой, вооруженной борьбѣ. Конца резолюціи я не стану критиковать, такъ какъ самый наивный читатель видитъ, въ какомъ вопіющемъ противорѣчіи онъ находится съ началомъ и логикой. Глупость и ничтожество доводовъ противъ возможности всеобщей стачки доказали особенно русскія событія послѣднихъ лѣтъ. Россія показала, что всеобщія стачки могутъ принять грандіозные раз-

мѣры и безъ фантастически могучей синдикальной и политической организаціи рабочаго класса. Нужно только поменьше постепеновщины и «чувства законности» и побольше здраваго революціоннаго смысла, который сильно развитъ въ русскихъ рабочихъ долгой революціонной борьбой съ правительствомъ и капиталомъ.

Но достаточно ли всеобщей стачки для соціальной революціи? Нѣтъ! Мы сказали уже выше, что всеобщая остановка есть только *предварительное* условіе «диктатуры» пролетаріата. Всеобщая стачка сильно ослабляетъ правительственный механизмъ и подымаетъ революціонный духъ рабочихъ. Это два очень важныхъ условія, которыя подготовляютъ неизбѣжное нападеніе на государственную власть и уничтоженіе ея. Съ этого момента и начинается диктатура пролетаріата. Вооруженные отряды повстанцевъ истребляютъ возможно полнѣе всѣхъ враговъ рабочаго класса, огнемъ и мечемъ уничтожаютъ всѣ реакціонные элементы; они даютъ возможность самимъ рабочимъ организаціямъ приступить къ организаціи производства и обмѣна на новыхъ началахъ—равенства и братства. Эти же военные отряды не только терроризуютъ и истребляютъ реакціонные и хулиганскіе элементы, но стараются расширить революцію до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Съ этой цѣлью они идутъ въ другіе города и деревни, чтобы помочь народу вездѣ стряхнуть вѣковое иго Капитала, Государства и Церкви.

Такъ понимаемъ мы «диктатуру». Она существенно отличается отъ соціаль-демократической диктатуры. Во-первыхъ, носителемъ нашей «диктатуры» является не жалкая группа болтуновъ, облеченныхъ законодательной властью, а самъ передовой слой революціоннаго пролетаріята. Этимъ мы избѣгнемъ великой ошибки Парижской Коммуны 71 года, которая погибла не столько отъ пуль версальскихъ разбойниковъ, сколько утонула въ своей собственной бездонной и безполезной болтовнѣ. Во-вторыхъ, наша диктатура носитъ ярко разрушительный характеръ; ея задача—возможно скорѣе и полнѣе уничтожить всѣ остатки рабства и открыть рабочему классу возможность постепенно построить свою общественную жизнь согласно принципамъ братства и справедливости. Въ-третьихъ, наша диктатура представляетъ собою дѣйствительную силу, стало быть, не фиктивную, а реальную диктатуру, которая посмѣетъ и сможетъ наложить свою руку на всѣ святыни стараго міра. Мы не только не должны будемъ почтительно отступить передъ частной собственностью, какъ это сдѣлали па-

рижскіе коммунары, но и не постѣснимся уничтожить тюрьмы, участки, казармы наравнѣ съ церквами: богъ такой же заклятый врагъ свободы и радостей жизни, какъ жандармъ или капиталистъ.

Такова наша «диктатура» въ общихъ чертахъ, о частностяхъ тутъ говорить неумѣстно.

XIV.

Реформы, парламентаризмъ, самодѣятельность.

Намъ часто говорятъ: «Допустимъ, что соціальная революція не можетъ быть совершена парламентски-бюрократическимъ путемъ, Но почему вы отказываетесь совершенно пользоваться парламентомъ? Вѣдь этимъ вы лишаете себя возможности проводить реформы, которыя такъ или иначе облегчаютъ положеніе работниковъ». Чтобы освѣтить наше отношеніе къ вопросу о реформахъ, намъ нужно разсмотрѣть три положенія: во-первыхъ, какія реформы вообще сколько нибудь возможны въ буржуазномъ обществѣ; во вторыхъ, что могутъ работники получить парламентскимъ путемъ; наконецъ, нѣтъ ли у работниковъ другого, внѣ парламентскаго орудія, которое гораздо проще и вѣрнѣе доставитъ работникамъ возможныя реформы.

Всѣ реформы сводятся къ четыремъ группамъ. Однѣ изъ нихъ чисто политическія и касаются системы избирательнаго права, референдума, иниціативы и пр. Вторыя заключаютъ общегражданскія реформы, подоходный налогъ, отмѣна косвенныхъ налоговъ, отдѣленіе церкви отъ государства, народную милицію. Третьи охватываютъ такъ называемыя политическія свободы, свободу стачекъ, союзовъ, собраній, печати и слова. Наконецъ: въ четвертую группу входятъ экономическія реформы. Разсмотримъ значеніе каждой группы отдѣльно.

Первую группу мы вправѣ теперь совершенно игнорировать, такъ какъ самостоятельнаго значенія эти реформы не имѣютъ. Та или иная система избирательнаго права можетъ имѣть какую либо цѣнность только въ томъ случаѣ, когда самому парламенту придается какое нибуь значеніе, какъ орудію революціи или реформы. Мы отвергли за нимъ всякое революціонное значеніе. Если окажется, что и въ смыслѣ реформы онъ ничего дать не можетъ, само собою становится очевид-

нымъ абсолютное ничтожество самыхъ демократическихъ системъ избирательнаго права.

Разсмотримъ раньше всего общегражданскія реформы. Читатель, слишкомъ пропитанный вѣрой въ законъ и парламентъ, сильно удивится, когда мы скажемъ ему, что эти реформы или совершенно *неосуществимы* или безмѣрно безполезны. Онъ еще больше удивится, когда узнаетъ, что мы это мнѣніе подкрѣпляемъ несомнѣнными «авторитетами» и очень внушительными фактами. Начнемъ съ подоходнаго налога.

Съ чисто абстрактной точки зрѣнія нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы отмѣнить всѣ косвенные налоги и замѣнить ихъ всѣ однимъ прямымъ налогомъ на доходы. Рабочіе не платили бы налоговъ на спички, водку и другіе предметы потребленія. Но гдѣ гарантія за то, что ихъ *плата* осталась бы на *прежнемъ* уровнѣ? Неужели капиталисты такъ просто и позволили бы взвалить себѣ на плечи такое громадное бремя, которое равносильно чрезвычайному повышенію рабочей платы и пониженію прибыли? Неужели они не постарались бы сбросить съ себя бремя хотя бы тѣмъ, что значительно сократили бы рабочія платы? Неужели у работниковъ оказалась бы сила, которая могла бы устоять противъ упорнаго, солидарнаго нападенія всѣхъ капиталистовъ? Если да, то прогресссивный налогъ совершенно лишняя вещь для работниковъ: гораздо проще сразу поднять плату на сумму косвенныхъ налоговъ. Вѣдь самъ по себѣ косвенный налогъ ничего дурного не заключаетъ: онъ даже удобнѣе подоходнаго, потому что уплачивается по частямъ, по мелочамъ, почти нечувствительно. Если же профессіональныя рабочія организаціи недостаточно сильны, чтобы устоять противъ стремленій капиталистовъ понизить плату, то несомнѣнно, *что введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога приведетъ къ одновременному паденію рабочей платы всѣхъ наемныхъ рабочихъ*, и пролетаріатъ потеряетъ прямо на рабочей платѣ то, что онъ косвенно выигрываетъ отъ отмѣны косвенныхъ налоговъ. Тутъ происходитъ то же, что имѣетъ мѣсто, напр., при переходѣ отъ бумажной къ золотой валютѣ: капиталисты далеки отъ того, чтобы платить рабочимъ въ золотѣ столько же, сколько они платили въ бумажныхъ деньгахъ. Заставить ихъ согласиться на такое повышеніе платы можетъ только сильная профессіональная организація, а не законъ. Выгода отъ походнаго налога могутъ такимъ образомъ оказаться совершенно фиктивными. Дѣйствительно выиграетъ отъ этой налоговой реформы *не* пролетаріатъ, а тотъ общественный классъ, который живетъ не наемнымъ

трудомъ, а доходомъ съ *собственнаго* хозяйства, именно—мелкая буржуазія. Не завися отъ капиталиста, она внѣ опасности отъ его попытокъ переложить на ее налогъ подъ какой нибудь благовидной формой. Поэтому подоходный налогъ принесетъ дѣйствительную выгоду только мелкой буржуазіи,—самостоятельному крестьянству, городскому мѣщанству и мелкимъ чиновникамъ. Но этого мало. Введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и отмѣна всѣхъ косвенныхъ совершенно невозможны. И это очень недурно доказалъ.... Фридрихъ Энгельсъ. Критикуя французскую соціалистическую программу, онъ говоритъ между прочимъ: «Возьмемъ, напримѣръ Англію. Тамъ государственный бюджетъ простирается до 90 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Отъ 13½ до 14 милліоновъ изъ нихъ доставляютъ налоги на доходы, остальные же 76 милліоновъ получаются отъ обложенія разныхъ сдѣлокъ (почта, телеграфъ, штемпель), *въ огромномъ большинствѣ отъ обложенія народнаго потребленія* путемъ постепеннаго урѣзыванія—маленькими, незамѣтными, по собирающимися во многіе милліоны суммами—доходовъ всѣхъ гражданъ, преимущественно же наиболѣе бѣдныхъ. И въ *современномъ обществѣ врядъ ли возможно инымъ способомъ покрыть государственные расходы.* Предположимъ, что всѣ эти 90 милліоновъ въ Англіи взимаются прогрессивнымъ налогомъ на доходы въ 120 фунтовъ стерлинговъ (1200 р.) и выше. Среднее годовое накопленіе, ежегодное увеличеніе національнаго богатства Англіи, составляло по Гиффену въ 1865—1875 г.г. 240 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Скажемъ, что оно теперь равняется 300 милліонамъ ежегодно; налоговое бремя въ 90 милліоновъ поглотило бы почти треть всего дохода. Иначе говоря, *ни одно правительство, кромѣ соціалистическаго, не можетъ провести ничего подобнаго*» *).

Абсолютная невозможность отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ настолько очевидна, что серіозные теоретики соціалъ-демократіи не разъ откровенно это признавали. Такъ, Карлъ Каутскій въ своей брошюрѣ: «На другой день послѣ соціальной революціи» повторяетъ вышеизложенную мысль Энгельса и утверждаетъ, что *отмѣна косвенныхъ налоговъ можетъ быть проведена только соціалистическимъ правительствомъ послѣ пролетарской революціи.* Зачѣмъ же эта реформа фигурируетъ въ программѣ минимумъ? Очевидно, только для одного—чтобы ослѣплять рабочихъ и привлечь мелкую буржуазію призракомъ радикальныхъ реформъ на почвѣ современнаго строя.

*) Фридрихъ Энгельсъ. «Къ аграрному вопросу на Западѣ». Изд. Е. М. Алексѣевой. 1905, стр. 13—14,

Посмотримъ теперь, что означаетъ замѣна постоянныхъ армій народной милиціей. Опять таки, съ внѣшней стороны реформа кажется довольно соблазнительной. Но при нѣкоторомъ вниманіи она мигомъ теряетъ свою обаятельность. Думаете-ли вы, что народная милиція, по крайней мѣрѣ, свободна отъ опасности служить орудіемъ въ рукахъ буржуазіи въ ея борьбѣ съ пролетаріатомъ? Въ такомъ случаѣ глубоко ошибаетесь. Въ Швейцарской республикѣ милиція служитъ такъ же недурно буржуазіи, какъ постоянная армія во Французской Республикѣ и наемные солдаты въ «Великой Американской Республикѣ»—Соединенныхъ Штатахъ.

Какова бы ни была *форма* вооруженной силы, вездѣ въ буржуазномъ обществѣ она должна служить буржуазіи, подобно тому, какъ въ буржуазномъ обществѣ всякое правительство по необходимости должно быть буржуазнымъ, капиталистическимъ. Въ ту минуту, когда милиція перестала служить слѣпо охраной капитализма, современное общеество пало, соціальная революція—совершившійся фактъ. Съ другой стороны, спросимъ себя: возможно-ли уничтоженіе постоянныхъ армій въ современныхъ большихъ капиталнстическихъ странахъ? Во первыхъ, ни одна капиталистическая нація не можетъ обойтись безъ внѣшнихъ рынковъ. Раззоряя свой собственный народъ, буржуазія должна постоянно искать покупателей заграницей, особенно въ неразвитыхъ промышленныхъ странахъ. Во-вторыхъ, она всегда, каждую минуту должна обергать свои земли и интересы отъ завистливой сосѣдки. Какъ же можетъ когда-либо буржуазія добровольно отказаться отъ опоры своего международнаго мугущества—громадной постоянной арміи? Только такая маленькая страна какъ Швейцарія, которая почти не имѣетъ крупной промышленности, почти не имѣетъ народной торговли, оторвана отъ всего міра *нейтралитетомъ*, можетъ держаться народной милиціей. Но въ такихъ странахъ какъ Франція, Германія или Россія уничтоженіе постоянной арміи равносильно уничтоженію господства буржуазіи. Понятно, что пока буржуазія сохранитъ за собою хоть тѣнь власти, она не распуститъ постоянной арміи. Все, что можно сдѣлать при сохраненіи частной собственности и государства, сводится къ нѣкоторому сокращенію постоянныхъ армій и къ рѣшенію маловажныхъ вопросовъ международнымъ третейскимъ судомъ. Если же соціальдемократы хотятъ дѣйствительно сколько-нибудь ослабить военныя силы буржуазіи, у нихъ есть только одинъ исходъ: не выставлять утопическихъ и полудемогогическихъ требованій въ родѣ отмѣны постоянныхъ армій при капита-

лизмѣ, а приглашать всѣхъ пролетаріевъ отказываться отъ военной службы, бросать позорныя знамена братоубійства, портить или передавать народнымъ борцамъ оружіе, уничтожать особенно способныхъ и враждебныхъ народу военныхъ начальниковъ, убѣдить рабочихъ не работать въ тѣхъ заводахъ, которые производятъ оружіе для государства и т. д.

Еще болѣе призрачна и фактивна цѣнность отдѣленія Церкви отъ Государства. Безъ сомнѣнія, было бы благодѣяніемъ для рабочаго человѣчества уничтожить или значительно ослабить могущество Церкви—этого вѣчнаго врага свободы и свѣта. Но достигается ли эта цѣль *политической* реформой? Нѣтъ! Сила Церкви не въ томъ, что священники получаютъ жалованье отъ Государства. Въ Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ Церковь отдѣлена отъ Государства,—развѣ Церковь слаба въ этихъ странахъ? Развѣ въ Бельгіи попы не командуютъ всей страной? Могущество Церкви не въ союзѣ съ Государствомъ, а въ двухъ факторахъ: матеріальномъ и духовномъ. Она обладаетъ громадной *экономической* силой благодаря своимъ капиталамъ и землямъ; она пользуется *нравственнымъ* авторитетомъ, благодаря народному невѣжеству. Какъ вырвать это двойное могущество у Церкви? Есть только одно средство: во-первыхъ, сжечь и истребить всѣ церкви, монастыри и лавры, какъ опасныя моральныя заразы; конфисковать и передать народу движимое и недвижимое имущество духовенства. Во-вторыхъ, всѣми средствами разсѣивать народную темноту не только пропагандой революціонныхъ идей, но и устройствомъ соціалистическихъ школъ, университетовъ и т. д. Рядомъ съ этимъ должно идти систематическое уничтоженіе разныхъ чудотворцевъ, знахарей и другихъ подобныхъ религіозныхъ шарлатановъ, которые поддерживаютъ и сгущаютъ убійственный мракъ вокругъ народа. А отдѣленіе Церкви отъ Государства является только пустой фразой, ибо оно дѣйствительно полезно только буржуазному свѣтскому государству, которое посредствомъ этого акта освобождается отъ матеріальной обузы и получаетъ возможность использовать освободившіяся средства на усиленіе арміи, флота, бюрократіи, шпіонства и другихъ такихъ-же «культурныхъ» учрежденій.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть другую группу реформъ, которыя всѣ обычно охватываются двумя словами: политическая свобода. Давно уже стало однимъ изъ самыхъ милыхъ полемическихъ пріемовъ нашихъ противниковъ иритворно ужасаться тому, что мы «отрицаемъ» политическую свобо-

ду. Это тяжкое обвиненіе—сущій вздоръ: анархисты никогда не отвергали политической свободы, хотя отказывались воспѣвать ту свободу, которая якобы существуетъ на Западѣ. Они показывали, что конституціонныя свободы Запада чисто бумажнаго свойства и нигдѣ не даютъ рабочему классу очень серіозныхъ гарантій. Не только въ полуфеодальной, полицейской Германіи, гдѣ на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ присутствуетъ полиція, которая имѣетъ право закрыть немедленно собраніе, какъ только найдетъ себя оскорбленнной въ своемъ «достоинствѣ», но и во Франціи, въ Швейцаріи, даже въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ каторжные законы вротивъ анархистовъ, къ которымъ буржуазное глубокомысліе причисляетъ, къ нашей чести, всякаго честнаго, непримиримаго революціонера. Даже въ Англіи рабочіе въ послѣдніе годы убѣдились, что ихъ «неотъемлемыя» политическія права вполнѣ отъемлемы, когда суды вдругъ стали привлекать стачечниковъ къ суду за вполнѣ мирныя стачки. Во Франціи ни одна манифестація не возможна безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи. Тѣмъ не менѣе полиція и гвардейцы всегда проявляютъ къ демонстрантамъ такую безсмысленную грубость, что рабочіе называютъ этихъ «охранителей» «казаками» и «убійцами». Гдѣ же основаніе приходить въ восторгъ отъ «политической свободы» Запада? Дѣйствительно отрицаемъ мы не политическую свободу, а тотъ способъ, который соціаль-демократы предлагаютъ для ея завоеванія или защиты. Мы настойчиво утверждаемъ, что параграфы закона крайне слабая гарантія народныхъ вольностей. Не только одни параграфы всегда удивительно легко замѣняются другими, когда это нужно буржуазіи, но и любой, самый выгодный рабочимъ параграфъ превращается въ мертвую букву подъ сильной рукой буржуазнаго государства и капиталистовъ. Это особенно интересно проявляется въ «странѣ свободы»—въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Не только правительство можетъ въ случаѣ серьезнаго рабочаго волненія объявить военное положеніе и оффиціально упразднить «вѣчную» конституцію и отнять неотъемлемыя права, но судъ можетъ отмѣнить любой законъ, признавъ его неконституціоннымъ. Когда штатъ Нью-Іоркъ издалъ законъ въ пользу сокращенія рабочаго дня, судъ просто объявилъ его противнымъ конституціи и этихъ нѣсколькихъ словъ достаточно было, чтобы обратить законъ въ мертвую букву. Словомъ, мы утверждаемъ, что законъ являетея для буржуасіи только покрываломъ, которое она безцеремонно бросаетъ на землю, когда находитъ это полезнымъ.

И потому конституція и законность самыя плохія опоры народной свободы.

Какъ же раздобыть и охранять политическія вольности? Обратимся раньше всего къ нашей авторитетной учительницѣ —Исторіи. Вспомнимъ, напр., какимъ образомъ была добыта въ Англіи самая высшая изъ всѣхъ свободъ—свобода союзовъ, «Въ настоящее время, говоритъ англичанинъ Смитъ, когда посмотришь, сколько почтенія удѣляется трэдъ-юніонамъ, трудно представить себѣ, что еще сравнительно недавно эти самые трэдъ-юніоны были внѣ охраны закона, и законъ и правительство дѣлали все возможное, чтобы раздавить ихъ. Снова и снова люди посылались въ тюрьмы, на основаніи стараго Акта о Заговорахъ, за то, что они пользовались правомъ союзовъ для защиты отъ хищничества и жестокости хозяевъ. Какъ же трэдъ-юніонисты тогдяшняго времени отвѣтили на это преслѣдованіе? Посмотрѣли ли они на вопросъ съ *легальной* точки зрѣнія и подчинились закону вмѣсто того, чтобы руководиться болѣе высокимъ принципомъ? Обращались ли они съ петиціями къ разнымъ господамъ съ покорнѣйшей просьбою помочь имъ раздобыть признаніе со стороны закона и свободное пользованіе ихъ неоспоримымъ правомъ? Если бы они поступали такъ, наши трэдъ-юніоны донынѣ не были бы еще признаны закономъ. Трэдъ-юніонисты тогдашняго времени не были такъ пропитаны уваженіемъ къ закону, какъ теперь. Разъ законъ отказывался признать трэдъ-юніоны, они отказывались признать право закона вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Снова и снова они передъ лицомъ закона утверждали свое право соединяться въ союзы, и такъ упорна была ихъ агитація, что правительство, безсильное въ виду этой энергіи и роста народнаго недовольства, боясь революціи, не видя никакого исхода изъ затруднительнаго положенія, созданнаго имъ самимъ, узаконило трэдъ-юніоны (т. е. посредствомъ парламентскаго акта дало имъ позволеніе дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствовали раньше безъ парламентской санкціи» *). Такъ обстояло дѣло въ Англіи. А какова исторія этой свободы во Франціи? Послушаемъ Карла Каутскаго:

Въ 60-ыхъ годахъ во Франціи начался значительный промышленный подъемъ и французскій пролетаріатъ пришелъ въ движеніе. «Профессіональная организація стала настоятельнѣйшей потребностью, которую они всѣми способами старались удовлетворить, и если это не удавалось законнымъ путемъ, то

*) Direct action versus legistlation. Blair Smith. Glasgow, p 20.

приходилось прибѣгать къ *незаконному*... Если въ 40-хъ годахъ мы встрѣчаемся съ этими «обществами сопротивленія», то въ 60-хъ годахъ сила ихъ и значеніе до того вырастаютъ, что правительству приходится съ ними считаться... Съ 1881 г. мы встрѣчаемся со стремленіями буржуазныхъ республиканцевъ подвести подъ профессіональныя организаціи правовую почву вмѣсто ненадежной терпимости, «дабы обезпечить соціальный миръ» въ странѣ**)».

Какъ видите исторія свободы одна и та же вездѣ: законъ отрицаетъ право, рабочіе вопреки ему пользуются правомъ, правительство начинаетъ опасаться за соціальный миръ и узаконяетъ то, что раньше преслѣдовало. Вотъ и все. Однако, намъ не зачѣмъ такъ далеко ходить за подобными фактами. Что говоритъ намъ исторія русской политической свободы? Какимъ образомъ добились мы тѣхъ свободъ, которыми мы пользуемся теперь и которыя безпрерывно возростаютъ? Ждали ли мы конституціи, чтобы устраивать стачки, союзы, печатать свободное слово, вести устную агитацію? Долгонько пришлось бы намъ ждать законнаго признанія какихъ-нибудь свободъ. Нѣтъ! Мы раньше *фактически* пользовались тѣми свободами, которыя намъ нужны были. Когда правительство не въ силахъ было лишить насъ завоеванныхъ нами на практикѣ свободъ, оно начало укрѣплять ихъ за нами юридически.

Законъ не только ничего не прибавляетъ къ тому, что уже фактически завоевано, но я откровенно утверждаю, что самый либеральный законъ *только ограничиваетъ* свободу. Въ самомъ дѣлѣ—что такое любая политическая свобода, какъ не право гражданъ вступать въ тѣ или иныя отношенія между собою? Если законъ хочетъ дать намъ дѣйствительную свободу сноситься съ согражданами всѣми средствами—словомъ, печатью, собраніемъ,—онъ совершенно лишній. Вѣдь, что можетъ быть естественнѣе того, чтобы люди, живущіе вмѣстѣ, имѣли право говорить между собою. Если у меня есть нормальный мозгъ, я даже противъ своей воли мыслю; мысли невольно выражаются звуками, словомъ, дѣйствіемъ. Запретить мнѣ говорить—значить запретить имѣть мозгъ. Этого фактически не можетъ сдѣлать ни одинъ законъ. Зачѣмъ же законъ беретъ на себя задачу—регулировать мое слово, мои дѣйствія? Еслибъ его задачей было расширить свободу, онъ былъ бы абсолютно излишнимъ: вѣдь нелѣпо же издавать, напр. законы о томъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право смѣяться, когда ему этого хо-

**) К. Кауцкій «Республика и с-д-ія во Франціи» стр. 77, 80, 81.

чется. Естественныя потребности удовлетворяются безъ всякой помощи закона. Ясно, что законъ, берущій якобы подъ свою защиту мою естественную свободу слова, не только ничего не можетъ придать мнѣ, но непремѣнно имѣетъ своей цѣлью поставить удовлетвореніе моей естественной потребности въ особыя условія, которыя даютъ возможность государству лишить меня моего человѣческаго права, какъ только я изъ него дѣлаю «преступное» употребленіе, т. е. пользуюсь имъ несоотвѣтственно видамъ господъ существующаго общества. Всякая свобода, якобы гарантируемая закономъ, дѣйствительна только въ предѣлахъ этого закона. Законъ не можетъ гарантировать свободы, потому что это внѣ его силы: онъ всегда только ограничиваетъ ее. Самое лучшее средство—дать народу полную политическую свободу: это отмѣнить всѣ ограничительные законы. Тогда слово, печать, собраніе будутъ такъ же свободны, какъ мысль, смѣхъ, плачъ и другія естественныя проявленія индивидуальной жизни. Оформить свободу юридически, поэтому, всегда въ интересахъ не народа, а правительства. Зачѣмъ же намъ, анархистамъ, добиваться оффиціальной, юридической свободы? Въ настоящее время всякій уважающій себя свободомыслящій человѣкъ считаетъ унизительнымъ для себя вмѣшательство государства въ его семейную жизнь. Онъ справедливо полагаетъ, что это личное дѣло мужа и жены. Но развѣ и всѣ такъ называемыя политическія свободы не такого же характера? Я хочу образовать союзъ—это касается меня и другихъ членовъ союза. Я выступаю на публичномъ собраніи съ рѣчью—это касается меня и моихъ слушателей, которые могутъ аплодировать мнѣ или осмѣять меня. Какое дѣло государству, кому, о чемъ и гдѣ я говорю? Очевидно, во-первыхъ, что свободное пользованіе моими естественными дарованіями даже съ согласія моихъ согражданъ невыгодно, опасно государству. Какая же наивность нужна, чтобы ждать отъ этого постояннаго врага моей естественной свободы защиты этой свободы! Очевидно, во-вторыхъ, что мѣра моей свободы опредѣляется не степенью покровительства закона, а степенью моей смѣлости и силы въ нарушеніи воли моего врага—закона. Если я хочу освободить себя отъ паутины закона, который безстыдно врывается во всѣ уголки моей жизни и стремится всю ее поставить подъ свой бдительный надзоръ, я долженъ вѣчно бороться съ нимъ, т. е. совершенно игнорировать его и устраивать свои отношенія къ своимъ друзьямъ и согражданамъ такъ, какъ это нравится намъ вопреки закону. Понятно, что государство будетъ преслѣдовать насъ. Но если право, ко-

торое мы незаконно осуществляемъ, дѣйствительно нужно народу, нашъ примѣръ найдетъ себѣ подраженіе, законъ потеряетъ всякую силу, и правительство поспѣшитъ дать намъ разрѣшеніе дѣлать то, что мы раньше дерзали дѣлать безъ его разрѣшенія. Такъ всегда до сихъ поръ добывались свободы и такъ будетъ впередь: чтобы добиться права, нужно его раньше осуществлять. Поэтому въ противовѣсъ конституціоннымъ мечтаніямъ соціаль-демократовъ мы выставляемъ тактику революціонной самодѣятельности (action directe) *).

Наше отношеніе къ послѣдней группѣ реформъ—къ экономическимъ реформамъ—само собою очевидно теперь. Длина рабочаго дня, высота рабочей платы, другія условія труда касаются исключительно договаривающихся сторонъ—капиталистовъ и рабочихъ. Смѣшно надѣяться, что *буржуазная* государственная власть возьметъ на себя безкорыстную «охрану *труда*». Правительство охраняетъ трудъ лишь по стольку, поскольку оно боится рабочихъ. Поэтому всѣ экономическія реформы пролстаріи могутъ добыть только однимъ путемъ—революціонной самодѣятельностью. Если мы хотимъ добиться 8 часового рабочаго дня, начнемъ самовольно оставлять фабрики, проработавъ 8 часовъ. Если мы это будемъ практиковать упорно и во все растущихъ размѣрахъ, мы добьемся своего. Насъ не должно смущать то, что мы не разъ должны будемъ возвращаться на фабрики на старыхъ условіяхъ: всякая война ведется съ перемѣннымъ счастьемъ. Стачки являются наиболѣе распространеннымъ средствомъ экономической борьбы. Но мирныя частичныя стачки все больше теряютъ свою силу съ развитіемъ капиталистическихъ трэстовъ, противъ которыхъ безсильны отдѣльныя стачки. Поэтому, рядомъ со стачками съ каждымъ днемъ должны пріобрѣтать все большее значеніе другіе методы революціонной самодѣятельности, напр., уничтоженіе имущества капиталиста, угроза его жизни, устраненіе особенно вредныхъ директоровъ или мастеровъ. Эти террористическіе акты не только внесутъ смятеніе въ сонное болото буржуазнаго благополучія, но и подымутъ революціонную смѣлость работниковъ.

Итакъ, каково наше отношеніе ко всей совокупности реформъ, которыя обычно называются программой минимумъ со-

*) Терминъ «action directe» непереводимъ на русскій языкъ вполнѣ точно. Выраженія, въ родѣ «прямое воздѣйствіе» или «прямая дѣятельность» мнѣ кажутся менѣе удачными, чѣмъ «прямая борьба» или «революціонная самодѣятельность» или еще «тактика захватнаго права».

ціаль-демократіи? Нашъ анализъ показалъ, что нѣкоторыя изъ нихъ ничего не даютъ рабочимъ, другія неосуществимы при господствѣ буржуазіи, третьи могутъ быть наилучше добыты внѣпарламентскимъ путемъ, путемъ революціонной самодѣятельности рабочаго класса. Значитъ ли это, что мы отвергаемъ реформы только потому, что онѣ не революція? Значитъ ли это, что мы совѣтуемъ рабочему классу отказаться отъ всякой попытки улучшить сколько-нибудь свое положеніе теперь? Нѣтъ! Мы только напоминаемъ работникамъ, что уступки, которыхъ мы можемъ добиться отъ буржуазіи при сохраненіи частной собственности и государства, крайне ничтожны, Мы доказываемъ, что даже эти ничтожныя уступки можемъ мы добыть только путемъ неустанной борьбы самихъ рабочихъ массъ, а не посредствомъ дипломатическихъ фокусовъ политикановъ-депутатовъ. Этимъ мы не только спасаемъ работниковъ отъ тяжелыхъ послѣдствій неизбѣжнаго разочарованія, которое порождаютъ всѣ реформаторскія иллюзіи, но и революціонизируемъ умы рабочаго народа: мы пріучаемъ народъ *брать* даже мелкія реформы путемъ самостоятельной борьбы. Когда онъ, наконецъ, откроетъ глаза свои и увидитъ всю пустоту реформаторскихъ потугъ, когда онъ пойметъ необходимость освѣжающей бури соціальной революціи, чтобы смести съ лица земли всю гниль буржуазнаго міра, онъ не будетъ ждать уже позволенія и руководства соціаль-демократическихъ «отцовъ-командировъ», а «самовольно» развернетъ черное знамя безпощаднаго разрушенія всѣхъ формъ эксплоатаціи, рабства и невѣжества. Самодѣятельность создаетъ самоувѣренность. А намъ жизненно необходимы самоувѣренныя, гордыя личности, ибо безъ нихъ невозможна великая революція. Мы должны превратить народъ не въ дисциплинированное стадо, а въ могучій союзъ свободныхъ, гордыхъ и смѣлыхъ личностей. Не дисциплиной побили французы въ 92 году соединенныя силы всей реакціонной Европы, а горделивой любовью къ своей свободѣ. Намъ, пролетаріямъ, предстоитъ величайшая изъ битвъ, какія когда-либо видѣлъ міръ, ибо ареной борьбы станетъ вся земля, все человѣчество распадется на два воюющихъ лагеря—и на карту будетъ поставлена судьба человѣчества, судьба культуры. Какъ подготовиться намъ къ этой великой войнѣ? Создадимъ возможно больше свободныхъ, гордыхъ и смѣлыхъ личностей; разбудимъ въ массахъ задавленный нуждою революціонный идеализмъ—любовь къ свободѣ и братству, любовь къ великому и доброму. Матеріальные интересы не создаютъ героевъ, дисциплина не создаетъ мужества, а всякая война нуждается

въ геройхъ и мужественныхъ воинахъ. Поэтому, не только преступно укрѣплять казарменныя наклонности къ «пролетарской» дисциплинѣ, которой, къ несчастью, слишкомъ много у насъ всѣхъ, а нужно безпрерывно б[illegible]ить въ народѣ мятежный духъ непокорности и бунта. Поэтому, преступно принижать борьбу работниковъ къ борьбѣ за *матеріальные* интересы, принижать лучезарную рабочую революцію къ жалкой перемѣнѣ правительства. Поэтому же, мы не должны отказываться и отъ небольшихъ улучшеній, разъ они добываются самимъ народомъ, его собственной революціонной самодѣятельностью. Ничтожное улучшеніе, можетъ быть, завтра сведется къ нулю благодаря проискамъ бдительныхъ враговъ народа—Капитала и Государства, но никогда не пропадетъ нравственный результатъ всякой стойкой борьбы: это горделивое сознаніе своей силы, чувство личнаго достоинства, мужественное уваженіе къ своимъ товарищамъ-соратникамъ, презрѣніе къ опасностямъ и мелочнымъ интересамъ. Всякая война создаетъ мучениковъ и героевъ. Пусть же пролетарій привыкнетъ вѣчно бороться, вѣчно воевать, хотя бы въ началѣ за незначительныя реформы: вѣрьте—скоро, скоро расширится его кругозоръ, онъ оставитъ безплодную борьбу за экономическія, политическія и нравственныя реформы и смѣло подыметъ знамя борьбы за единую экономическую, политическую и нравственную революцію.

XVII.

Трэдъ-юніонизмъ, соціаль-демократизмъ и революціонный синдикализмъ.

Интересы работниковъ и капиталистовъ взаимно-противоположны. Рано или поздно это противорѣчіе интересовъ должно повести къ открытой борьбѣ.

Въ началѣ борьба эта, по необходимости, носитъ временный, случайный характеръ. Эта черта опредѣляется тогдашнимъ положеніемъ пролетаріевъ, для которыхъ наемный трудъ не является еще исключительнымъ источникомъ дохода. Въ большинствѣ случаевъ это мелкіе крестьяне, полуразорившіеся, но владѣющіе еще небольшимъ клочкомъ земли. Для нихъ фабричный трудъ только средство раздобыть небольшую сумму наличныхъ денегъ на уплату податей и на другіе необходимые расходы. Словомъ, для этихъ работниковъ наемный трудъ подсобный, а не главный промыселъ. Понятно, что на этой стадіи своего развитія пролетаріатъ не можетъ возвыситься до сознанія своего *классового* единства. Его борьба по необходимости лишена постоянства и опредѣленности, она внезапно вспыхиваетъ и такъ же внезапно гаснетъ. Другая черта этой ступени развитія рабочаго класса—это стихійность его борьбы. Стычки съ хозяевами лишены всякихъ элементовъ сознательности и планомѣрности. Работники долго и безсмысленно терпятъ самый возмутительный гнетъ. Потомъ внезапно чаша терпѣнія переполняется и вся накипѣвшая злоба выливается въ рядъ жестокихъ актовъ: уничтожаются машины, поджигаются фабрики и т. д. Но вотъ вспышка прошла, взбунтовавшіеся рабы смиряются и покорно склоняютъ свою голову подъ прежнее иго. Вся буря миновала, не оставивъ никакого полезнаго слѣда въ положеніи рабочихъ, такъ какъ борьба была чисто стихійной и лишенной всякаго плана. Кромѣ стихійности классовая борьба въ эпоху зарожденія пролетаріата отличается еще

одной замѣтной чертой-замкнутой, почти цеховой профессіональностью. Работники ведутъ борьбу изолированными группами. Чуть ли не каждая фабрика борется со своимъ капиталистомъ, совершенно не интересуясь борьбой остальныхъ рабочихъ. Наконецъ, мы должны еще указать на узко-мѣстный характеръ первоначальной борьбы пролетаріевъ. Рабочіе одного города совершенно оторваны отъ своихъ товарищей по профессіи въ другихъ городахъ. Но всѣ эти характерныя черты первой стадіи развитія рабочаго класса рѣзко мѣняются съ развитіемъ капитализма.

Съ торжествомъ крупнаго производства цѣлыя области мелкой промышленности погибаютъ, создаются цѣлые кадры пролетаріевъ, которые уже не временно и не отчасти должны прибѣгать къ наемному труду, а всегда и всецѣло должны находить источники пропитанія въ продажѣ своей рабочей силы. Вмѣстѣ съ этимъ борьба рабочихъ съ хозяевами должна навсегда потерять прежній характеръ случайности и превратиться въ постоянную войну двухъ вѣчно враждебныхъ классовъ. Одновременно же должна исчезнуть стихійность борьбы. Разъ стычки съ капиталистами становятся постояннымъ явленіемъ, работники неизбѣжно горькимъ опытомъ убѣждаются, что борьбу необходимо осмыслить, организовать. Тогда возникаютъ профессіональные рабочіе союзы. Тотъ же процессъ развитія капитализма лишаетъ борьбу рабочихъ ея узко—профессіональнаго и исключительно мѣстнаго характера. Дѣло въ томъ, что въ крупномъ производствѣ скоро исчезаютъ сколько-нибудь серьезныя отличія между различными предпріятіями, по крайней мѣрѣ, одной отрасли промышленности. Условія работы и положеніе работниковъ данной отрасли промышленности во всей странѣ становятся одинаковыми; является возможность и необходимость объединить борьбу рабочихъ, вырвать ее изъ тѣсныхъ рамокъ опредѣленной личности и узкой профессіональности и выставить болѣе широкіе, общіе лозунги борьбы. Это—эпоха созданія національныхъ профессіональныхъ союзовъ, т. е. такихъ, которые охватываютъ работниковъ цѣлой профессіи во всей странѣ. Такъ борьба рабочихъ становится постоянной, сознательной, болѣе широкой по пространству и болѣе глубокой по содержанію.

Дальнѣйшее развитіе капитализма еще больше видоизмѣняетъ формы борьбы работниковъ. Развитіе техники все больше упрощаетъ трудъ. Этимъ ослабляется различіе въ положеніи работниковъ въ отдѣльныхъ профессіяхъ, старый барьеръ между ними падаетъ, борьба принимаетъ общеклассовый характеръ

Отнынѣ другъ противъ друга стоятъ уже не отдѣльныя кучки рабочихъ и капиталистовъ, *а классъ работниковъ и классъ капиталистовъ, Трудъ и Капиталъ*. Но вокругъ чего идетъ борьба между этими двумя громадными силами? Она вертится въ началѣ почти исключительно вокругъ двухъ пунктовъ: рабочей платы и рабочаго дня. Однако, рабочимъ организаціямъ скоро становится ясно, что одного нормированья платы и дня недостаточно для того, чтобы удержать достигнутый standard of life (уровень образа жизни). Тогда рабочіе союзы начинаютъ вмѣшиваться въ распорядки внутри самой фабрики и мастерской. Идеаломъ является такое положеніе вещей, когда хозяинъ обязуется принимать на работу только членовъ рабочаго союза и на условіяхъ, выработанныхъ напередъ на основаніи коллективнаго договора.

Въ такомъ случаѣ фабрика получаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ названіе Union Shop и на всѣхъ продуктахъ ея есть штемпель профессіональнаго союза—лабель (label). Такимъ образомъ *изолированная, стихійная борьба рабочихъ съ капиталистами превращается въ планомѣрное, сознательное стремленіе принять участіе въ регулированіи производства. Тенденція трэдъ-юніонизма—расколоть общество на два класса, отдѣльно организованныхъ на почвѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ и объединенныхъ какъ бы въ федеративный союзъ.* Конечнымъ пунктомъ развитія является тотъ воображаемый моментъ, когда рѣшительно всѣ рабочіе организованы въ профессіональные союзы, всѣ капиталисты объединены въ трэсты и когда вся экономическая жизнь регулируется коллективными договорами обѣихъ организованныхъ общественныхъ силъ. Этого пункта не достигла еще ни одна страна, но онъ все же составляетъ идеалъ вождей трэдъ-юніонизма.

Всякій идеалъ, въ сущности, представляетъ собою предвосхищеніе конечной точки развитія извѣстной эпохи. Но такъ какъ законы этого развитія намъ никогда не извѣстны въ точности, то идеалы всегда невольно подвергаются жестокому испытанію со стороны неумолимой жизни. Строя идеалъ свой, мы невольно уменьшаемъ значеніе и силу старыхъ, враждебныхъ намъ силъ и не предвидимъ тѣхъ новыхъ, которыя должны еще выступить. Мы безсознательно вѣримъ, что путь развитія будетъ опредѣляться *только* нами. Въ этомъ источникъ трагизма всякаго широкаго идеала, въ этомъ же и причина не трагизма, а полнаго крушенія трэдъ-юніонизма.

Трэдъ-юніонизмъ вѣритъ, долженъ вѣрить, что организуетъ *весь* пролетаріатъ или, по крайней мѣрѣ, громадное боль-

шинство его и такимъ образомъ станетъ несокрушимой силой въ производствѣ. Въ этомъ его первая утопія. Совершенно безсмысленно мечтать, что при капиталистическихъ условіяхъ возможно организовать хотя бы большинство пролетаріевъ. «Какъ бы быстро ни развивались профессіональныя организаціи, говоритъ Каутскій, онѣ никогда не будутъ въ состояніи охватить собою весь рабочій классъ. Профессіональное движеніе по самому существу своему *всегда будетъ находить и предѣлы своему росту и поддержку въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые принято называть рабочей аристократіей*», говоритъ Бернштейнъ въ послѣсловіи къ нѣмецкому изданію «Исторіи трэдъ-юніоновъ» супруговъ Веббъ. Мы согласны съ этимъ» *).

Трэдъ-юніонизмъ вѣритъ, что посредствомъ кассъ, стачекъ и другихъ мирныхъ средствъ можно *безпрерывно* улучшать положеніе хотя бы организованныхъ рабочихъ. Это его вторая утопія. Кассы капиталистовъ полнѣе, легче и быстрѣе наполняются, чѣмъ союзныя кассы самыхъ богатыхъ рабочихъ. Къ тому же въ рукахъ капиталистовъ могучее орудіе—современная государственная власть—которая всегда умѣетъ ловко вмѣшиваться въ споръ капитала и труда и, понятно, не для того, чтобы склонить вѣсы въ сторону рабочихъ. Безсиліе легальныхъ мирныхъ средствъ борьбы видно между прочимъ изъ статистики стачекъ, которая открываетъ поразительный фактъ: въ Германіи, по словамъ Бебеля, только 57% всѣхъ стачекъ *въ годъ промышленнаго расцвѣта* кончились частичнымъ успѣхомъ. Въ болѣе промышленныхъ странахъ этотъ процентъ *не выше, а ниже;* въ годы кризисовъ борьба рабочихъ превращается въ одно сплошное пораженіе. Причина, по всеобщему признанію, коренится въ развитіи союзовъ капиталистовъ—въ трэстахъ,

«Въ борьбѣ съ неограниченными средствами и обезпеченной монополіей съ абсолютнымъ единодушіемъ современныхъ капиталистическихъ левіафановъ—четверть милліоное состояніе самаго богатаго союза и возмущеніе двухсотъ тысячъ упорныхъ и озлобленныхъ рабочихъ такъ же безсильны, какъ и стрѣла, брошенная въ броненосецъ». Такъ говорятъ супруги Веббъ и съ ними согласны теоретики соціаль-демократіи. Даже изъ очень крупныхъ стачекъ за послѣднія 10 лѣтъ ни одна ни въ одной странѣ не кончилась побѣдой рабочихъ: всѣ кон-

*) К. Каутскій. Профессіональное движеніе и политическія партіи пролетаріата, изд. «Лучъ», стр. 5, курсивъ мой.

чались болѣе или менѣе полнымъ пораженіемъ, благодаря экономической мощи трэстовъ или грубому вмѣшательству государства.

Наконецъ, трэдъ-юніонизмъ обольщаетъ себя фантастической мечтой о *мирномъ* сотрудничествѣ двухъ антагонистическихъ классовъ посредствомъ добровольныхъ соглашеній. Это его третья и самая главная утопія. Пролетаріатъ и буржуазія представляютъ собою двѣ силы, приложенныя къ одной точкѣ и направленныя въ противоположныя стороны. Между ними возможно равновѣсіе только въ случаѣ равенства, которое на дѣлѣ совершенно невозможно, и сотрудничество, о которомъ мечтаютъ вожаки трэдъ-юніонизма въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки, на дѣлѣ есть безпрерывная война. Миролюбіе рабочихъ не только не полезно имъ, но еще ослабляетъ ихъ боевую готовность и увеличиваетъ дерзость ихъ врага-капиталиста.

Много еще другихъ грѣховъ на совѣсти трэдъ-юніонизма, но всѣ они ведутъ къ одному и тому же плачевному результату: не улучшая совсѣмъ или очень мало улучшая условія труда, трэдъ-юніонизмъ топчется безсильно на мѣстѣ въ рамкахъ закона, тратитъ безцѣльно массу энергіи на завѣдомо утопическія цѣли, убиваетъ въ рабочихъ массахъ революціонные порывы, внѣдряетъ въ нихъ жалкія матеріалистическія стремленія къ мѣщанскому благополучію, превращаетъ организованный пролетаріатъ не въ боевой авангардъ всего рабочаго человѣчества, а въ мелочную чванливую и презрѣнную касту, рабочую аристократію. Видя невозможность улучшить или поддержать условія жизни въ рамкахъ буржуазнаго міра, эта жалкая каста не дѣлаетъ попытки выйти изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ, а старается сама сѣсть на плечи еще болѣе несчастнымъ братьямъ-рабочимъ: почти закрываютъ доступъ въ рабочіе союзы новымъ членамъ, вводятъ чисто-цеховыя правила, якшаются съ буржуазіей и государствомъ, стараясь даже своихъ развращенныхъ хозяевъ превзойти въ развратѣ, буржуазности и «практичности». Трудно представить себѣ другую такую же безпринципную буржуазную организацію, я позволяю себѣ сказать, такое грязное болото, какъ Американская Федерація Труда (American Federation of Labor), хотя эта организація охватываетъ около 2.000.000 членовъ, по словамъ одного изъ вожаковъ *)

Изъ этого постыднаго тупика пытается вывести рабочее движеніе соціаль-демократія. Она энергически критикуетъ всѣ

*) John Mitchel. Organized Labor.

иллюзіи трэдъ-юніонизма. Она убѣдительно доказываетъ рабочимъ всю утопичность мечты о сотрудничествѣ классовъ, когда вся жизнь наполнена «войной классовъ»*). Но съ особенной силой она показываетъ рабочимъ безсиліе однихъ профессіональныхъ союзовъ улучшить серьезно положеніе въ рамкахъ современнаго строя. Что же предлагаетъ соціальдемократія если не взамѣнъ, то на помощь рабочимъ союзамъ? Она внимательно анализируетъ положеніе вещей и показываетъ рабочимъ несомнѣнный фактъ, что государство играетъ рѣшающую роль въ общественной борьбѣ, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, даже въ либеральной Англіи, въ «странѣ свободы»— въ Америкѣ, въ демократической Франціи—вездѣ буржуазія пользуется государственной властью для угнетенія рабочихъ, для ослабленія ихъ организацій, и соціальдемократія дѣлаетъ, повидимому, правильный выводъ. Нужно вырвать это могущественное орудіе изъ рукъ враговъ рабочихъ и сдѣлать его орудіемъ постепеннаго улучшенія жизни и полнаго освобожденія рабочихъ. И жизнь сама, кажется, только то и дѣлаетъ, чтобы подтверждать строгую критику соціальдемократіи. Развитіе машиннаго производства все таки начинаетъ пробивать брешь въ самые неприступные и самые консервативные профессіональные союзы. Даже они начинаютъ замѣчать, что на однѣхъ кассахъ взаимопомощи и страхованія далеко не уѣдешь. Начинаются разговоры о томъ, что необходимо заняться «политикой», даже самостоятельной политикой, чтобы обезпечить себя отъ ударовъ коварной государственной власти. Такое движеніе началось уже въ Англіи, нѣчто подобное начинается даже въ Соединенныхъ Штатахъ**). Трэдъ-юніонизмъ постепенно начинаетъ терять свое обояніе, надежды на однѣ прежнія экономическія организаціи блѣднѣютъ, рабочіе начинаютъ принимать самостоятельное участіе въ политикѣ, которая постепенно, по логикѣ вещей, должна стать главной работой рабочихъ организацій. Словомъ, экономизмъ смѣняется политицизмомъ, трэдъ-юніонизмъ уступаетъ господство соціальдемократіи.

Что обѣщаетъ она рабочему классу? Можетъ ли она сдержать свои обѣщанія? Увы! она основана на такой же иллюзіи, какъ трэдъ-юніонизмъ, иллюзіи, которую исторія должна разбить самымъ неумолимымъ образомъ. Сила трэдъ-юніонизма со-

*) Выраженіе американскаго с—д—а John Spargo («The War of classes»).

**) Здѣсь кромѣ того зародилось оригинальное профессіональное движеніе въ противовѣсъ American Federation of Labor. Новая организація называется Industrial Workers of the World.

стояла въ томъ, что онъ организовывалъ *солидарное* выступленіе рабочихъ массъ противъ *разрозненныхъ* капиталистовъ, онъ пользовался конкурренціей капиталистовъ между собою, чтобы бить ихъ по одиночкѣ; его сила была въ безсиліи врага. Развитіе трэстовъ кладетъ конецъ этому преимуществу рабочихъ: противъ экономической организаціи работниковъ трэстъ выставляетъ еще болѣе могучую экономическую силу капиталистовъ.

Каково положеніе рабочихъ въ политической области? Оно на первыхъ порахъ такъ же благопріятно, какъ въ экономической борьбѣ. Политическія партіи буржуазіи въ началѣ, въ виду нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ различныхъ слоевъ, ведутъ между собою не менѣе жестокую борьбу, чѣмъ конкурирующіе капиталисты. Изъ этой удачной политической конъюнктуры политическая рабочая партія можетъ извлечь столько же выгодъ, какъ профессіональный союзъ изъ капиталистической конкурренціи. Врѣзываясь клиномъ въ враждующія партіи буржуазіи, политическая рабочая партія можетъ извлечь кое-какія выгоды. Не разъ бывали случаи, что цѣлые муниципалитеты попадали въ руки соціальдемократовъ, благодаря раздорамъ буржуазныхъ партій, которыя другъ друга ослабляли или даже прямо поддерживали соціалистовъ. Но развитіе капитализма уничтожаетъ эту политическую конкурренцію буржуазіи, какъ уничтожаетъ ея экономическую.

Однимъ изъ главныхъ виновниковъ раздоровъ была мелкая буржуазія. Въ противоположность либеральнымъ партіямъ крупныхъ капиталистовъ, она вносила въ политику радикально демократическую струю. Но за послѣднія десятилѣтія ея экономическое положеніе сильно пошатнулось. Часть ея, наиболѣе просвѣщенная, перешла на сторону соціальдемократіи, которая въ сущности теперь единственная демократическая партія; другая часть въ ужасѣ бросилась въ объятія разныхъ радикальныхъ шарлатановъ націонализма, антисемитизма, христіанскаго соціализма и т. д. Въ результатѣ: политическая партія мелкой буржуазіи, демократія, совершенно исчезаетъ или настолько блѣднѣетъ, что фактически сливается съ реакціонными партіями или на столько краснѣетъ, что рано или поздно должна слиться съ соціальдемократіей (такъ французскіе «радикалы-соціалисты» radicaux-socialistes отличаются отъ жоресисовъ очень небольшимъ пормежуткомъ, который почти постоянно наполняется слоемъ перебѣжчиковъ изъ обоихъ лагерей).

Очень важной причиной раздоровъ между фракціями владѣющаго класса служила также рознь между помѣщиками

и капиталистами. Пока рента росла на счетъ прибыли, эти двѣ общественныя группы неистово враждовали другъ съ другомъ. Не только въ Англіи консерваторы-тори издали всѣ сколько нибудь полезные рабочимъ законы, но даже въ Германіи юнкера долгое время какетничали съ рабочими, чтобы сломить либеральничающую буржуазію. Изъ ненависти къ капиталистической буржуазіи, а не изъ страха предъ соціальдемократіей, были изданы въ Германіи такъ называемые «законы въ защиту труда». Что юнкера очень мало боятся «революціонной» соціальдемократіи видно изъ того, что у рабочихъ отнимаютъ всеобщее избирательное право или упорно отказываются дать имъ эту безобидную игрушку, хотя соціальдемократы считаютъ это своимъ основнымъ требованіемъ. Къ тому же всѣ «крупныя» реформы введены «Промышленнымъ устовомъ» въ 1869 году, когда соціальдемократія была только въ зародышѣ, а поправки которыя потомъ вносились, въ высшей степени ничтожны. Но можетъ ли долго продолжаться этотъ антагонизмъ между землевладѣніемъ и промышленностью? «Консерваторы въ Англіи, говоритъ Кауцкій, со дня на день становятся все болѣе капиталистической партіей, такъ какъ сельское хозяйство все болѣе отстаетъ отъ индустріи и землевладѣльцы потеряли всякую надежду улучшить свое положеніе на счетъ политической прибыли и заработной платы. Лишь путемъ присвоенія капиталистической прибыли и возростающей городской ренты и посредствомъ колоніальнаго грабежа они могутъ еще исправить послѣдствія паденія поземельной ренты. *Консервативная партія въ данное время становится партіей капиталистической*, и сила ея больше чѣмъ когда бы то ни было; серіозной оппозиціи она не встрѣчаетъ ни въ странѣ, ни въ нарламентѣ *)».

Итакъ, реакціонные и консервативные помѣщики становятся болѣе или менѣе либеральными землевладѣльцами. Наконецъ, какъ же дѣло обстоитъ съ самимъ либерализмомъ? Эмиль Вандервельдъ отмѣчаетъ интересный фактъ: «Капиталистическая буржуазія, говоритъ онъ, теперь гораздо больше, чѣмъ 1848 г., составляетъ господствующій классъ, а между тѣмъ—какъ это ни кажется на первый взглядъ противорѣчивымъ—*мы наблюдаемъ во всѣхъ странахъ Европы пораженіе либерализма*, если не полное, то частичное. На самомъ же дѣлѣ *повсюду* пріобрѣтаютъ все больше и больше значенія крупные аграріи, поземельные собственники»**) Онъ доказыва-

*) «Профессіональные союзы», стр. 37—38.

**) «Золотая свадьба международнаго соціализма», ст. 17 издан. «Буревѣстникъ»

етъ эту мысль анализомъ политическихъ условій всѣхъ европейскихъ странъ и спрашиваетъ себя, чѣмъ объясняется эта аномалія. «Во всѣхъ тѣхъ странахъ, объясняетъ онъ себѣ, гдѣ рабочій классъ сильно организованъ въ политическомъ смыслѣ, либеральная буржуазія, оставленная за флагомъ при всеобщей подачѣ голосовъ, играетъ роль той добавочной суммы которая рѣшаетъ исходъ выборовъ. Принужденная выбирать между соціалистами и реакціонерами, она устремляется на сторону послѣднихъ съ тѣмъ большей силой, чѣмъ сильнѣй становится соціализмъ» *).

Итакъ, какова тенденція развитія политическихъ отношеній въ капиталическомъ обществѣ? Политическая борьба, какъ и экономическая борьба, приводитъ къ тому же концу, т. е. раскалываетъ общество на два политическихъ лагеря: съ одной стороны, политическая партія рабочихъ, съ другой—политическая партія капиталистовъ. Если вначалѣ еще можно было себя питать надеждой на полученіе кое-какихъ реформъ, то передъ объединеннымъ врагомъ соціаль-демократіи съ трудомъ удастся сохранить существующее положеніе вещей. Подобно тому, какъ въ экономической жизни громадныя организаціи работниковъ играютъ самую ничтожную роль, хотя онѣ доставляютъ самый главный факторъ всякаго производства—трудъ, такъ и въ политической жизни соціаль-демократическая партія осуждена играть роль безсильной оппозиціи, хотя бы на ея сторонѣ было большинство избирателей. *Это должно и будетъ совершаться до тѣхъ поръ, пока и экономическая и политическая борьба ведутся въ рамкахъ, установленныхъ господствующимъ классомъ.* Каковы эти рамки? Частная собственность и государство. Какъ выйти изъ нихъ? Путь одинъ—нужно сломить ихъ ударомъ кулака. Кто сломитъ ихъ? Тотъ, для кого онѣ созданы и кого онѣ держатъ въ желѣзныхъ тискахъ бѣдности и рабства,—пролетаріатъ. Развитіе трэдъ-юніонизма приводитъ рабочее движеніе къ дилеммѣ: или сдѣлать рабочій классъ постояннымъ, уступчивымъ экономическимъ союзникомъ капиталистовъ, или выйти изъ рамокъ закона, перестать торговаться съ хозяиномъ изъ-за доли продукта и овладѣть всѣмъ продуктомъ, т. е. или застой и регрессъ, или революція. Развитіе соціаль-демократіи ведетъ къ однородной дилеммѣ: или сдѣлать работниковъ политическими способниками буржуазіи, или сломить оковы закона, вырвать всю государственную власть и уничтожить на всегда это развратное

*) Тамъ же стр. 20.

наслѣдіе варваровъ, т. е. опять таки или застой и регрессъ, или революція. Такъ современное общество своимъ развитіемъ неумолимо толкаетъ работниковъ къ одному и тому же—къ революціи. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

Банкротство трэдъ-юніонизма и соціаль-демократизма порождаетъ страстную потребность въ новыхъ путяхъ для рабочаго движенія внѣ мирнаго экономизма и легальнаго политицизма. Этотъ новый путь открываетъ пролетаріату революціонный синдикализмъ —синтезъ дорогого опыта долгихъ мучительныхъ лѣтъ борьбы, ошибокъ и пораженій рабочаго класса. Революціонный синдикализмъ исходитъ раньше всего изъ глубокаго убѣжденія, что государство было, есть и будетъ организаціей господства владѣющаго класса и потому безсмысленно угнетенному пролетаріату стремиться его завоевать; что небольшія реформы, которыя можно вырвать изъ рукъ враговъ въ рамкахъ частной собственности и государства, пролетаріатъ можетъ исторгнуть только собственной самостоятельной борьбой, безпрерывно давя и тѣсня буржуазію и государство; что рабочій классъ можетъ освободить себя отъ каторги наемнаго труда только путемъ коллективнаго грандіознаго усилія всѣхъ трудящихся, посредствомъ всеобщей стачки. Эти простыя истины, выстраданныя въ неустаной мучительной борьбѣ истекшаго вѣка, такъ просты и такъ обаятельны, что давно полонили сердца и умы наиболѣе передовыхъ пролетаріевъ. Онѣ раскрыли пытливымъ труженникамъ всю тщетность экономическихъ и политическихъ иллюзій прошлаго и показали ему, что есть одинъ только рабочій классъ—весь трудящійся міръ, что возможна одна только партія—самъ организованный авангардъ трудящихся, что есть одна только цѣль—уничтоженіе всѣхъ авторитетовъ, что есть одно средство—возстаніе труда. Въ мукахъ родились эти великія идеи, въ мукахъ пробиваютъ онѣ себѣ дорогу сквозь густую чащу предразсудковъ и измышленій враговъ полнаго освобожденія народа. Но ихъ побѣда неизбѣжна. Кто можетъ остановить грозовую тучу, тотъ только можетъ остановить и проснувшуюся мысль работниковъ. Трэдъ-юніонизмъ, парламентаризмъ и революціонный синдикализмъ не представляютъ сами по себѣ никакихъ идеаловъ, они только опредѣленные пути рабочаго движенія, опредѣленныя тактики. Но каждый путь ведетъ куда-нибудь, если даже самъ путникъ не знаетъ, куда. Всякая тактика поэтому, всегда предполагаетъ какой-нибудь идеалъ, ведетъ къ нему. Трэдъ-юніонизмъ есть тактика буржуазнаго либерализма, парламентаризмъ есть тактика интеллигентскаго коллективизма, революціонный синдика-

лизмъ ведетъ къ рабочему анархизму. Ибо кто ограничиваетъ дѣятельность работниковъ борьбой за лучшія условія наемнаго труда, тотъ этимъ самымъ признаетъ основу наемнаго труда—частную собственность и становится на точку зрѣнія либерализма. Кто сосредоточиваетъ борьбу вокругъ завоеванія государственной власти, этимъ самимъ признаетъ эту власть, господство человѣка надъ человѣкомъ и становится авторитарнымъ соціалистомъ, соціаль-демократомъ, а тотъ, кто строитъ тактику на внѣпарламентской революціонной самодѣятельности самого организованнаго пролетаріата, даже противъ своей воли содѣйствуетъ созданію чисто экономическаго, рабочаго общества, безъ хозяина и безъ власти—Анархической Коммуны. Оттого коллективисты, которые признали тактику революціоннаго синдикализма и по малодушію остаются еще въ рядахъ соціаль-демократіи, рано или поздно придутъ къ намъ, а даже искренніе анархисты, отрицающіе революціонный синдикализмъ, рано или поздно убѣдятся въ полной безпочвенности ихъ дѣятельности внѣ сочувствія широкихъ массъ организованнаго пролетаріата, впадутъ въ апатію и изъ буйныхъ революціонеровъ превратятся въ безобидныхъ мечтателей—фразеровъ. Нашъ лозунгъ: *революція для народа и самимъ народомъ.*

XVII.

Объ экспропріаціи.

Всѣ метафизическія школы, какъ идеалистическія такъ и матеріалистическія, строили свои философскія системы на противопоставленіи сознанія бытію. Идеалисты увѣряли, что бытіе опредѣляется сознаніемъ, а матеріалисты старались убѣдить насъ, что, наоборотъ, сознаніе опредѣляется бытіемъ. И тѣ и другіе вырывали бездну между этими двумя элементами дѣйствительности. Новѣйшая научная философія впервые окончательно порываетъ съ этимъ опаснымъ дуализмомъ. Она смѣло строитъ всѣ свои положенія на новомъ базисѣ, начиная съ признанія полнаго единства жизни, единства сознанія и бытія. Мы не можемъ теперь иначе смотрѣть на мышленіе, какъ на одну изъ функцій органической жизни, какъ на интегральную часть бытія. Для насъ теперь ясно, что мышленіе, чувства, дѣятельность человѣка не являются механическимъ конгломератомъ, а внутренне связанными элементами единаго органическаго цѣлаго. Вотъ почему мышленіе, чувства и дѣятельность человѣка должны постоянно приспособляться другъ къ другу, стремиться къ извѣстной гармоніи. Отсутствіе такого гармоническаго соотношенія есть признакъ психической ненормальности и должно неизбѣжно вести къ разстройству индивидуальной жизни.

Такъ же обстоитъ дѣло съ группами и классами. Совокупность психическихъ чертъ, отличающихъ извѣстную группу, такъ называемая групповая психологія также не можетъ долго находиться въ конфликтѣ съ потребностями и условіями жизни этой группы: рано или поздно между всѣми этими общественными сферами должна создаться подобная же гармонія подъ угрозой гибели самой группы.

Но откуда общественные классы черпаютъ матеріалъ для своей идеологіи? Понятно, изъ наличнаго запаса данной эпохи.

Въ давно забытыя времена первобытной эпохи, когда человѣкъ-дитя не могъ еще отличить себя самого не только отъ своихъ собратьевъ-людей, но и отъ всей остальной природы, когда онъ невольно одухотворялъ все окружающее,—миѳологія была сокровищницей, изъ которой всѣ группы черпали матеріалъ для своей идеологіи. Одни и тѣ же миѳы, однѣ и тѣ же сказки и басни принимали самыя разнообразныя формы, подвергались самой различной обработкѣ въ зависимости отъ условій жизни и потребностей общественныхъ группъ. Въ этомъ отношеніи глубоко любопытно сравненіе многихъ общихъ миѳовъ грековъ и римлянъ. Въ послѣдующій періодъ религіознаго метода мышленія такимъ же общимъ источникомъ вдохновенія служила вѣра. Самые противоположные классы опирались на одни и тѣ же религіозные догматы, толкуя ихъ вкривь и вкось, согласно своимъ потребностямъ. На одну и ту же Библію опирались и Лойола, и Лютеръ, и Мюнцеръ. Одно и то же христіанство отстаивали и духовенство, и буржуазія, и крестьянство, но каждый изъ классовъ вкладывалъ въ тѣ же догматы и тѣ же слова *свой* смыслъ, до того отличный отъ значенія, которое имъ придавали всѣ другіе, что взаимное пониманіе было абсолютно невозможно. Теперь каждая личность и каждый общественный классъ стремятся обосновать свои интересы и потребности не на миѳологическихъ преданіяхъ и не на религіозныхъ догматахъ, а на научныхъ данныхъ. И вотъ съ научными теоріями повторяется то же, что пережили миѳологія и религія: ихъ стараются сознательно и безсознательно заставить служить своимъ интересамъ самые противоположные классы. Оттого соціальныя науки останутся классовыми (какъ это ни странно звучитъ) до тѣхъ поръ, пока само общество будетъ раздираться внутренней борьбой классовъ.

Само собою разумѣется, что особенно ожесточенные споры и борьбу мнѣній должны возбуждать тѣ отрасли общественной науки, которыя касаются общественныхъ интересовъ. Таковы вопросы о собственности, о государствѣ, о борьбѣ классовъ, о революціи и эволюціи и т. д. Къ числу такихъ наиболѣе крупныхъ и наиболѣе спорныхъ вопросовъ относится ученіе о такъ называемой экспропріаціи.

Когда возникла идея экспропріаціи? Уже во время Французской Революціи растущая бѣдность народныхъ массъ породила мысль объ «аграрномъ законѣ» («la loi agraire»), на основаніи котораго никто не долженъ былъ имѣть права владѣть больше извѣстной площади земли, а лишняя земля должна быть распредѣлена между малоземельными. Торжествующая

буржуазія похоронила этотъ законъ, назначивъ жестокія казни за его пропаганду. Но бѣдность буржуазія не могла да и не захотѣла похоронить, и пролетаризированіе народныхъ массъ шло впередъ гигантскими шагами. Уже въ началѣ и въ первую половину XIX в. антагонизмъ буржуазіи и пролетаріата сталъ настолько очевиденъ, что многіе гуманные представители буржуазіи, такъ называемые утопическіе соціалисты, поняли неизбѣжность передачи всѣхъ средствъ производства въ руки общества, поняли необходимость экспропріаціи. Каждый новый шагъ въ развитіи капитализма настолько увеличиваетъ нищету и страданія народа, настолько обостряетъ борьбу классовъ и настолько тормозитъ развитіе жизни, что самые близорукіе и самые отсталые начинаютъ понимать неизбѣжность той или иной экспропріаціи буржуазіи.

Тутъ начинается главный корень споровъ и разногласій. Признавая въ принципѣ идею экспропріаціи, теоретики различныхъ классовъ рѣзко расходятся въ пониманіи путей, которые ведутъ къ ней. Нѣкоторые умудряются даже предлагать такіе методы, которые фактически сводятъ идею на нѣтъ.

Начнемъ съ либераловъ.

Въ принципѣ либерализмъ не отрицаетъ соціальной реформы. Онъ не вѣритъ только въ возможность и желательность радикальнаго и насильственнаго переворота. Онъ думаетъ осуществить экспропріацію расширеніемъ индивидуальной свободы ослабленіемъ государственной опеки и другими палліативными мѣропріятіями. Онъ думаетъ, что эти реформы такъ воздѣйствуютъ на экономическую жизнь, что рента и прибыль постепенно будутъ поглощены рабочей платой. Вмѣстѣ съ прибылью и рентой падутъ и другія монополіи и водворится абсолютная конкурренція, которая, по мнѣнію послѣдовательныхъ либераловъ, есть единственное лѣкарство отъ всѣхъ золъ. «Конкуренція вездѣ и всегда»,*) говоритъ одинъ изъ лучшихъ либераловъ, который самъ называетъ себя, впрочемъ, анархистомъ—индивидуалистомъ, теоретикъ по имени Б. Р. Токеръ. «Они вѣрятъ, что свобода и вытекающее изъ нея общественное благополучіе являются единственнымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ золъ» **). Въ нѣсколькихъ словахъ точка зрѣнія послѣ-

*) Benj. R. Tucker «Instead of a Book» New-York. 1897, p 15.
**) Ibid., 15

довательнаго либерализма, или если угодно, анархическаго индивидуализма, выражена Токеромъ тамъ, гдѣ онъ касается происхожденія своей доктрины и говоритъ о Прудонѣ и Варренѣ. Здѣсь онъ говоритъ такъ: «Хотя они (Прудонъ и Варренъ) и противъ соціализаціи собственности на капиталъ, они тѣмъ не менѣе стремятся къ соціализаціи ея результатовъ тѣмъ, что дѣлаютъ употребленіе капитала благодѣтельнымъ для всѣхъ вмѣсто того, чтобы онъ былъ средствомъ обѣднѣнія многихъ и обогащенія немногихъ и когда ихъ озарилъ свѣтъ, они увидѣли, что *это можетъ быть достигнуто подчиненіемъ капитала естественному закону конкурренціи*, которая сама понизитъ цѣну его употребленія до стоимости его, т. е. ни къ чему иному какъ уровню расходовъ на пользованіе и передачу его. Поэтому они развернули знамя Абсолютной Свободы Торговли; послѣдовательный выводъ изъ манчестерской доктрины—laissez faire—всеобщее правило»*)

Оспаривать эту точку зрѣнія для меня совершенно безполезно послѣ всего, что сказано раньше. Достаточно просто отмѣтить ярко классовой характеръ этой теоріи. Въ этомъ отношеніи, ясно, что ученіе объ абсолютной свободѣ торговли и абсолютной конкурренціи можетъ служить только тому классу, кому нужна эта торговля и кому на руку самая жестокая конкурренція. Дѣйствительно, представители манчестерской школы сознательно и безсознательно вѣрно служили интересамъ класса капиталистовъ. Жизнь неумолимо разбила многія положенія манчестерскаго либерализма—и вотъ роль охраны собственности и «свободы личности» (чьей? Ужъ понятно, не рабочаго) беретъ на себя подкрашенный и преобразованный либерализмъ, который торжественно называетъ себя «анархическимъ» индивидуализмомъ или даже просто «анархизмомъ». Это обстоятельство намъ не должно однако, мѣшать разглядѣть чисто—буржуазную подкладку этого самозваннаго «анархизма».

Иные интересы защищаетъ соціальдемократическая теорія экспропріаціи. Согласно этому ученію, экспропріація можетъ быть осуществлена *только* государственной властью. Отсюда выводъ, что экспропріаціи необходимо должно предшествовать завоеваніе этой власти представителями рабочаго класса въ парламентѣ. Буржуазный индивидуализмъ предлагаетъ *посте-*

---

*) Ibidem, p 10 Совѣтую все это сравнить съ Каутскимъ стр. 120—126 «Соціальная революція».

пенное завоеваніе *капитала* путемъ установленія *полной экономической конкурренціи*, соціальдемократизмъ отстаиваетъ такое же *частичное* завоеваніе *власти* при помощи такой же *полной политической конкурренціи*, которая выражается во всеобщемъ избирательномъ правѣ: экономическая конкурренція имѣетъ своей цѣлью дать внѣшнее и оффиціальное право стать капиталистомъ, политическая конкурренція при всеобщемъ избирательномъ правѣ даетъ каждому такое же оффиціальное право на извѣстную долю власти. И то и другое право является одинаково лицемѣрной фикціей. Самый дешевый кредитъ при самой открытой конкурренціи не можетъ ничего дать тому кто ничего не имѣетъ, и пролетаріатъ при помощи одной конкурренціи никогда не экспропріируетъ буржуазіи. Пока *весь* капиталъ однимъ ударомъ не вырванъ изъ рукъ *всей* буржуазіи; всякія сбереженія рабочихъ, дешевые кредиты, артели и другіе палліативы *не только не экспропріируютъ буржуазіи*, но и наоборотъ, отдаютъ въ распоряженіе капиталистовъ и тѣ крохи, которыя удается пролетарію урвать изъ своей нищенской платы, т. е. *продолжаютъ экспропріацію пролетаріата*. Такъ же дѣло обстоитъ съ политической экспропріаціей. Самое совершенное избирательное право, при сохраненіи самого государства, не уничтожаетъ политическаго господства буржуазіи не дѣлаетъ самъ пролетаріатъ господствующимъ дѣйствительно, а передаетъ власть изъ рукъ интеллигентныхъ представителей буржуазіи въ руки интеллигентныхъ представителей пролетаріата. Самъ же пролетаріатъ остается тѣмъ же рабомъ, что и раньше. Пока *вся* власть не вырвана однимъ грознымъ ударомъ изъ рукъ буржуазіи и на дѣлѣ не передана всему народу, а не одной кучкѣ парламентеровъ, т. е. пока она не уничтожена разъ навсегда, участіе рабочихъ въ разныхъ голосованіяхъ не только не уничтожаетъ политической монополіи буржуазіи, но дѣлаетъ самъ революціонный пролетаріатъ опорой этой монополіи, ибо работники своимъ участіемъ въ выборѣ разныхъ властей, во-первыхъ, фактически поддерживаютъ ихъ, а во вторыхъ, отказываются отъ своего единственно полезнаго права—*права на революцію. Участіе въ поддержаніи демократическихъ учрежденій буржуазіи политически экспропріируетъ не ее, а пролетаріатъ*. Либеральный методъ экономической экспропріаціи фактически служитъ тому классу, кто живетъ экономической эксплуатаціей, т. е. буржуазіи. Соціальдемократическій методъ политической экспропріаціи служитъ интересамъ той общественной группы, которая живетъ на счетъ политической эксплуатаціи, насчетъ команды, т. е. бю-

рократіи, законодателямъ, судьямъ, адвокатамъ, инженерамъ и разнымъ другимъ «умственнымъ работникамъ», точнѣе, умственнымъ монополистамъ, такъ называемому «новому среднему сословію».

Кромѣ буржуазіи и интеллигенціи, интересы которыхъ болѣе или менѣе отличаются отъ интересовъ пролетаріата и вызвали, поэтому, различныя теоріи экспропріаціи, есть въ современномъ обществѣ еще одна своеобразная общественная группа--босячество. Эта общественная группа питается отбросами всѣхъ классовъ и рекрутируется преимущественно изъ наименѣе обезпеченныхъ и наименѣе квалифицированныхъ слоевъ рабочихъ. На этой общественной группѣ отражаются всѣ ужасы и вся грязь буржуазнаго міра. Она даетъ наибольшую долю профессіональныхъ воровъ, убійцъ и грабителей. Она является какъ бы живымъ воплощеніемъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ пролетарской психики, но не имѣетъ ни одной изъ его положительныхъ чертъ. Абсолютная необезпеченность матеріальнаго положенія дѣлаетъ ее особенно склонной ко всякаго рода предпріятіямъ и авантюрамъ, которыя обѣщаютъ какую—нибудь наживу. Поэтому босяки съ удовольствіемъ вмѣшиваются во всякую революцію. Но такъ какъ эта группа не играетъ въ производствѣ никакой полезной роли и какъ бы находится за бортомъ общества, общественные идеалы, партійныя программы ея совершенно не интересуютъ или занимаютъ крайне мало. И въ революціи босячество очень мало привлекается идейной стороной: во всѣхъ народныхъ движеніяхъ оно ищетъ немедленной *матеріальной* выгоды. Поэтому если босячество охотно поднимается на революцію, то еще охотнѣе идетъ на еврейскій погромъ, «на патріотическую манифестацію», записывается въ арміи волонтерами за хорошія платы (въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи). Въ революціи эта общественная группа, по внѣшности, занимаетъ самое крайнее мѣсто, помогаетъ самымъ опаснымъ и безумнымъ предпріятіямъ самыхъ лѣвыхъ партій. Но серьезнымъ политическимъ партіямъ не слѣдуетъ забывать испытанной печальной истины, что эта революціонность не результатъ глубины чувства, а слѣдствіе ненасытной дикой жадности, и потому босяки грабятъ, бьютъ, убиваютъ представителей господствующихъ классовъ, когда видимо побѣждаетъ революція, и грабятъ, бьютъ, убиваютъ съ такой же дикой жестокостью революціонеровъ, когда вѣсы склоняются на сторону реакціи. Понятно, какъ должны понимать «экспропріацію» такіе «революціонеры». Общество какъ организація производства для нихъ не существуетъ: въ ихъ глазахъ оно только складъ

продуктовъ. Твердыню капитализма босякъ видитъ не въ фабрикахъ, а въ магазинахъ. Что удивительнаго въ томъ, что его «экспропріація» просто на просто рядъ кражъ? Неудивительно также и то, что эти, съ позволенія сказать, «экспропріаторы» всегда становятся подъ знамя самыхъ крайнихъ партій. Въ Великую Французскую Революцію они «дѣйствовали» отъ имени гебертистовъ, въ наше время они «работаютъ» подъ флагомъ анархизма, потому что только самыя крайнія партіи своей особенно сильной ненавистью къ существующему строю даютъ нѣкоторое оправданіе ихъ «революціоннымъ актамъ».

Имѣютъ ли такія «экспропріаціи», по просту кражи, какое-нибудь *революціонное* значеніе? Еще меньшее, чѣмъ индивидуалистическая или соціальдемократическая экспропріація. Индивидуализмъ оставляетъ собственность, но онъ, по крайней мѣрѣ, разрушаетъ другую опору господства—государство. Соціальдемократизмъ сохраняетъ политическое орудіе рабства, но зато хочетъ уничтожить частную собственность. «Экспропріаторство» оставляетъ и Собственность и Государство, не затрагиваетъ ни одной изъ основъ современнаго общества. Является ли купля—продажа сколько-нибудь революціоннымъ актомъ? Этого, понятно, никто не станетъ утверждать. Но чѣмъ отличается босяцкая «экспропріація» отъ купли—продажи? Только тѣмъ, что со стороны «экспропріатора» она, такъ сказать, совершается «безвозмездно». Но самъ актъ по себѣ—переходъ извѣстнаго количества продуктовъ изъ рукъ одного лица въ руки другого—актъ хотя бы и сопровождаемый насиліемъ, скользитъ по поверхности буржуазнаго общества и такъ же «разрушаетъ» капитализмъ, какъ насильственный захватъ иностранца въ рабство «разрушалъ» рабовладѣльческое общество въ древности. Скорѣе вѣрно, что такіе «революціонные» акты поддерживаютъ существующее общество: порабощеніе не уничтожало рабовладѣльчества, а увеличивало число рабовладѣльцевъ; кража не уничтожаетъ собственности, а увеличиваетъ число собственниковъ. Кража, словомъ, настолько же экспропріація, насколько погромъ—революція.

Значитъ ли это, что мы по просту отвергаемъ *всякую* кражу и пылаемъ нравственнымъ гнѣвомъ по отношенію къ тому, кто осмѣливается коснуться «священной собственности»? Такое отношеніе не только дышитъ холодной и грязной жестокостью по отношенію къ голоднымъ и забитымъ рабамъ, но и цѣликомъ противорѣчитъ нашему ученію. Развѣ анархизмъ не говоритъ, что собственность—кража? Почему же нельзя отнять у собственника, т. е. у вора, часть

ограбленнаго имъ у народа? Во имя какого нравственнаго закона долженъ я корчиться отъ холода и голода въ своемъ грязномъ и холодномъ углу, когда у моего сосѣда есть средства прокормить, одѣть и согрѣть десятокъ несчастныхъ?. Кто можетъ, кто смѣетъ сказать мнѣ, что я *долженъ* спокойно чувствовать, какъ вянутъ силы мои отъ остраго голода, когда вокругъ меня лавки и магазины переполнены товарами? Кто настолько подлъ, чтобы откровенно сказать голодному: ты не смѣешь брать теперь и долженъ пухнуть съ голоду, пока не настанетъ царство небесное на землѣ, т. е. до дня второго пришествія, когда по всѣмъ правиламъ искусства совершится соціальная революція? Пусть это говорятъ самодовольные и сытые буржуи, хотя бы прикрывающіе себя кличкой соціалистовъ, мы, анархисты, не пойдемъ за ними. Нѣтъ! Мы открыто и громко говоримъ рабочимъ людямъ: каждый человѣкъ со дня своего рожденія становится не только полноправнымъ гражданиномъ нашего всемірнаго отечества—матушки земли—но и собственникомъ всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые необходимы ему для жизни, необходимы ему для того, чтобы онъ удовлетворилъ всѣ, по крайней мѣрѣ, основныя, необходимыя потребности. Безразлично, кто владѣетъ теперь, въ данную минуту продуктами или деньгами, онъ—воръ и грабитель, если онъ не торопится накормить меня, голоднаго, стоящаго рядомъ съ нимъ, сытымъ. Онъ—воръ, и грабитель, потому что никто не смѣетъ владѣть имуществомъ больше того, что ему нужно для здоровой нормальной жизни. Я же совершаю самый нормальный и естественный, стало быть, самый нравственный, актъ тѣмъ, что не даю чахнуть безплодно разумному существу —человѣку, этому благороднѣйшему сыну природы. Человѣкъ созданъ для того, чтобы жить весело и свободно, бѣгать по горамъ и долинамъ, наслаждаться всѣми радостями жизни, какъ могучій вольный соколъ, а не гаснуть въ презрѣнной борьбѣ съ мучительнымъ голодомъ. Быть сытымъ, одѣтымъ, наслаждаться всѣми возможными благами жизни не только *право*, но и *обязанность* всякаго нормальнаго здороваго человѣка. Никто не смѣетъ голодать тамъ, гдѣ есть полная возможность накормить всѣхъ голодныхъ. Кто предпочитаетъ умереть вмѣсто того чтобы съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое самое главное, вѣчное, неотъемлемое право, свое человѣческое право—*право на жизнь*, тотъ не мученикъ въ моихъ глазахъ, а жалкій трусъ или безсильный рабъ отжившихъ предразсудковъ.—Мы говоримъ голодному человѣку: сытый буржуа отказывается дать тебѣ работу, но никто не можетъ отнять у тебя

твоего священнаго права на существованіе,—бери же смѣло все, что тебѣ нужно! Голодному принадлежитъ все, что необходимо для утоленія голода.

Мы, анархисты, не только не можемъ брать на себя позорной роли попа или лицемѣрнаго моралиста и проповѣдовать рабочимъ смиренно-мудрую покорность идолу собственности, самому подлому и жестокому идолу изъ всѣхъ, созданныхъ невѣжественной и испуганной фантазіей дикаря, но, наоборотъ, мы должны помогать угнетеннымъ и ограбленнымъ массамъ гдѣ, когда, какъ и чѣмъ можемъ облегчить муки бѣдности и рабства. Мы никогда не оттолкнемъ отъ себя труженика, который *съ мечомъ въ рукахъ* осуществляетъ свое право жить, мы никогда не бросимъ камнемъ въ вора, потому что главное, дѣйствительные воры это тѣ, которые у насъ, пролетаріевъ, отняли путемъ обмана и насилія все, чѣмъ жизнь красна, и толкаютъ насъ на душныя фабрики, въ подземныя трущобы добывать *имъ* богатства и самимъ вянуть въ бѣдности, грязи и темнотѣ. Никакіе законы и моральныя права не обязываютъ насъ уважать сытое довольство эксплуататоровъ:

«Берегись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!»

Однакожъ, одного мы не должны забывать при этомъ, чтобы не впасть въ чисто босяцкое пониманіе экспропріаціи: не нужно забывать того, что какъ ни законна кража, она не имѣетъ въ себѣ ни капельки *революціонности* и ни на іоту не затрагиваетъ *устоевъ* буржуазнаго общества. Эти устои могутъ и должны быть разрушены *только* однимъ способомъ—*путемъ всеобщей всенародной экспропріаціи не только торіоваіо, но и промышленнаіо, и финансоваіо, и земельнаіо капитала.* Такая экспропріація нисколько не связяна съ «экспропріаціями», но и *отчасти* задерживается ими: рабочіе, привыкая «экспропріировать», отхлыныватъ отъ своихъ классовыхъ профессіональныхъ организацій, даютъ заглохнуть чувствамъ братской солидарности, которыя питаются только постоянной общей борьбой съ Государствомъ и Капиталомъ, а не удачными и неудачными кражами. Еще больше—начиная красть въ началѣ съ цѣлью только въ случаѣ голода раздобыть необходимое, рабочій вскорѣ пристращается къ наживѣ, развиваетъ въ себѣ самыя дурныя страсти и въ концѣ концовъ иногда превращается въ такого же эксплуататора, какъ и всякій другой жадный и развращенный собственникъ. Эти соображенія должны избавить насъ отъ крупной опасности—*идеализаціи* кражи. Мы, анархисты, дол-

жны открыто и мужественно заявить, что кражи нисколько не приближаютъ насъ къ анархизму, что идеалъ нашъ будетъ осуществленъ только всеобщей стачкой и вооруженнымъ возстаніемъ противъ Капитала, Государства и Церкви. Поэтому кто воруетъ подъ знаменемъ анархизма, тотъ или не понимаетъ нашего ученія или босяцки извращаетъ его. *Пролетарская экспропріація одинаково далека и отъ буржуазнаго индивидуализма, и отъ интеллигентскаго соціальдемократизма, и отъ босяцкаго «экспропріаторства»: она есть захватъ не только продуктовъ, но и средствъ производства, не только магазиновъ, но и фабрикъ; захватъ, совершенный подъ естественнымъ руководствомъ передового организованнаго слоя пролетаріата.*

XVIII.

Анархизмъ, организація и партія.

Анархизмъ уже теперь играетъ выдающуюся роль. Этого не могутъ скрыть даже наши злѣйшіе враги. Во всей Западной Европѣ, особенно въ Испаніи, Италіи и Франціи онъ несомнѣнно сталъ серіознымъ общественнымъ факторомъ. Не только правительства стараются другъ друга превзойти въ изобрѣтеніи самыхъ жестокихъ мѣропріятій противъ «гидры анархіи», но и наши правые сосѣди-соціальдемократы давно почуяли опасность, которая грозитъ ихъ будущему господству отъ враговъ всякаго господства, и стараются превзойти даже правительства въ самыхъ безумныхъ вымыслахъ противъ насъ и нашего ученія *). Противъ насъ объединяются рѣшительно всѣ реакціонные элементы: противъ насъ и либералы, и радикалы, и консерваторы, и соціальдемократы. Является ли эта небывалая солидарность всѣхъ партій противъ одной временнымъ явленіемъ, вызваннымъ нѣкоторыми неудачными актами анархистовъ? Безъ сомнѣнія, убійство Елизаветы анархистомъ Лукени и убійство Чолгашемъ американскаго президента МакъКинлея не были таковы, чтобы заслужить полное одобреніе даже въ средѣ анархистовъ. Но сущее ребячество думать, что *эти* акты возстановили противъ насъ «общественное мнѣніе».

Всякая партія дѣлаетъ промахи. Всего менѣе отвѣтственны *всѣ* анархисты за акты *отдѣльныхъ* анархистовъ, ибо у насъ нѣтъ партіи, и каждая личность и каждая группа до сихъ поръ дѣйствовала за свой собственный страхъ. Наши враги

*) Классическими образцами служатъ: брошюра Плеханова «Анархизмъ и соціализмъ», «Покушенія и с—д—ія» Бебеля и нѣмецкая брошюра, переведенная, подъ заглавіемъ «Анархизмъ» Пересомъ. См. интересную брошюру «Непримиримый», изд. «Интернаціоналъ».

это знаютъ не хуже насъ, и если они все таки метали громы и молніи противъ всѣхъ анархистовъ, какъ якобы отвѣтственныхъ за всѣ эти акты, то они это дѣлали, такъ сказать, изъ «агитаціонныхъ соображеній», т. е. чтобы науськать на насъ забитую, невѣжественную толпу. И эта провокарторская тактика была настолько удачна, что даже редактора нѣкоторыхъ «анархическихъ», газетъ оказались достаточно трусливыми и низкими, чтобы клеймить позоромъ имена такихъ несчастныхъ, загнанныхъ людей, какъ Лукени, и такимъ образомъ отдавать этихъ мучениковъ на полное растерзаніе безстыдной и безсердечной бандѣ государственныхъ разбойниковъ. Нужна непомѣрная доза глупости и чисто буржуазно-интеллигентской дряблости, чтобы искренно вѣрить, что насъ преслѣдуютъ только *за эти* акты. Если ихъ не будутъ дѣлать наши неопытные товарищи, провокація найдетъ другой способъ чернить наши имена.

Насъ ненавидятъ только по одной дѣйствительной причинѣ: потому, что мы объявили безпощадную войну всѣмъ основамъ стараго міра—Собственности, Государству и Церкви. Пока мы будемъ такими непримиримыми врагами рабства, насъ все равно будутъ жестоко преслѣдовать, какъ преслѣдовали первыхъ христіанъ, хотя они не практиковали террора. Мягкосердечнымъ «анархистамъ», которые жаждутъ нѣжностей буржуазнаго государства и буржуазной прессы, мы можемъ—увы! предсказать только новыя разочарованія. Историческій ходъ вещей ведетъ къ тому, чтобы еще больше обострить ненависть господъ къ нашему брату.

Въ высшей степени важнымъ фактомъ является разложеніе соціальдемократіи. Она, собственно, съ самаго начала состояла изъ двухъ различныхъ элементовъ—соціалистовъ и демократовъ. Но въ началѣ преобладаніе принадлежало первымъ, теперь господство окончательно перешло къ послѣднимъ.

Въ началѣ прошлаго вѣка прогрессивной идеей была еще идея политической свободы, прогрессивной партіей была еще буржуазная демократія. Но ея болѣе или менѣе полное торжество скоро обнаружило ея внутреннее безсиліе. Становилось яснымъ, что послѣдовательное проведеніе въ жизнь принциповъ демократіи требуетъ уничтоженія частной собственности, по крайней мѣрѣ, на средства труда. Буржуазная демократія оказалась не въ силахъ пойти такъ далеко и предпочла повернуть назадъ въ объятія старыхъ боговъ порядка и реакціи. Знамя демократіи стало блекнуть въ глазахъ рабочаго народа. Скоро слово «демократъ» стало бы такимъ же анахронизмомъ, какъ

слово «гугенотъ». Кто же пришелъ внезапно на помощь умирающей демократіи? Кто же взялъ на себя защиту устарѣлыхъ и пустозвонныхъ идеаловъ демократіи? Международная соціальдемократія. Она изъ дрожащихъ рукъ мелкой буржуазіи взяла колеблющееся трехцвѣтное знамя демократіи, прибила къ старому древку новый красный платокъ съ требованіемъ государственной собственности—и пошла гулять по міру, какъ партія «соціальной революціи». Но нѣтъ! Она скоро начала замѣчать всю комичность своего положенія: быть на дѣлѣ только лѣвымъ крыломъ демократіи и называть себя *революціонной* партіей. Чтобы ослабить этотъ комизмъ, она начала придумывать самыя забавныя опредѣленія революціи. Скоро она нашла такую счастливую формулу, что заслужила полное одобреніе буржуазной «науки» и дружеское подмигиваніе правительствъ. Подача своего голоса за соціальдемократа получила «революціонное» значеніе, бунты работниковъ стали «реакціонными». Продажные и безстыдные политиканы стали «истинными революціонерами», а террористы и бунтари—провокаторами, слугами реакціи...

Но въ это самое время на арену борьбы выступаетъ новая партія, которая рѣзко порываетъ со всѣми предразсудкамм буржуазнаго міра, со всѣми демократическими иллюзіями и открыто становится партіей соціальной революціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. партіей полнаго и насильственнаго ниспроверженія всѣхъ основъ существующаго строя. Эта партія не пристегиваетъ соціализма къ демократизму, а ставитъ его свой единственной цѣлью. Она не заигрываетъ съ буржуазіей, а объявляетъ ей вѣчную войну. Она не опирается на государство, а стремится его разрушить немедленно. Она не объявляетъ религіи дружественнымъ нейтралитета, а открыто выражаетъ ей свою неутолимую ненависть. Она порываетъ со всѣми благонамѣренными мечтаніями о мирномъ рѣшеніи соціальнаго вопроса и отважно зоветъ къ себѣ на помощь ту которая всегда рѣшала классовые конфликты—силу. Что же удивительнаго, что противъ насъ объединились и реакціонеры, и либералы и революціонеры «въ научномъ смыслѣ слова»?

Удивительно только одно: противъ все болѣе крѣпнущаго союза реакціи, мы, анархисты, до сихъ поръ не придумали никакого противовѣса. Неужели же можно дѣйствительно бороться успѣшно посредствомъ отдѣльныхъ партизанскихъ отрядовъ съ такой грандіозной реакціонной силой? Не должны ли мы въ противовѣсъ консервативному блоку создать свой, революціонный блокъ? Мнѣ кажется, что настала пора объединиться всѣмъ противогосударственнымъ соціалистамъ въ одну

великую международную организацію. Особенно важно сорганизоваться намъ—русскимъ анархистамъ. Безъ единой организаціи мы никогда не достигнемъ высшей силы и никогда не используемъ всего своего вліянія. Тутъ мы встрѣчаемся съ широко распространеннымъ предразсудкомъ о томъ, что организація противорѣчитъ анархизму. Такъ ли это?

Что такое анархизмъ? Анархизмъ есть ученіе о свободѣ, о всесторонней свободѣ—въ области экономической, политической и духовной. Но что такое эта свобода? Есть ли свобода личности *абсолютная* независимость человѣка отъ общества? Есть люди среди анархистовъ, которые дѣйствительно понимаютъ свободу въ этомъ абстракномъ смыслѣ. Они любятъ ругать рабочіе союзы, потому что въ нихъ страдаетъ якобы свобода личности. Они высказываются даже противъ всякой организаціи, потому что она должна неизбѣжно «поработить» ихъ личность. О такихъ людяхъ Жанъ Гравъ выразился, что это просто глупые люди, которые желаютъ быть непремѣнно оригинальными и, не имѣя природной геніальности, доводятъ только чужія идеи до нелѣпости. Бакунинъ говоритъ о людяхъ, возстающихъ противъ тиранніи Интернаціонала: «Тому, кто сталъ бы утверждать, что и такого рода дѣятельность Интернаціонала есть покушеніе на свободу массъ, то онъ или софистъ, или глупецъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые до такой степени не знаютъ естественнаго и соціальнаго закона человѣческой солидарности, что считаютъ абсолютную, взаимную независимость другъ отъ други личности и массъ возможной и даже желанной. Желать ее—значитъ желать исчезновенія общества, ибо вся общественная жизнь есть не что иное, какъ непрерывная взаимная зависимость индивидовъ и массъ. Каждый человѣкъ даже самый умный, самый сильный, и въ особенности умные и сильные, во всякій моментъ своей жизни являются одновременно производителемъ и продуктомъ. Сама свобода каждаго человѣка есть слѣдствіе, постоянно вновь воспроизводимое, массы вліяній—физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, которымъ онъ подвергается со стороны окружающихъ его лицъ и среды, въ которой онъ родится, живетъ и умираетъ. Желать избѣгнуть этого вліянія во имя какой-то трансцендентальной божеской свободы, самодовлѣющей и абсолютао эгоистической,—значитъ стремиться къ небытію. Отказаться отъ вліянія на другого—значитъ отказываться отъ всякаго соціальнаго акта, даже отъ выраженія своихъ мыслей и чувствъ, т. е. опять таки клониться къ небытію. *Эта пресловутая независимость, такъ превозносимая идеалистами и метафизиками, и личная*

свобода, понимаемая въ такомъ смыслѣ—просто небытіе)».*

Итакъ, свободу анархисты понимаютъ не въ смыслѣ абсолютной независимости личности. Я, кажется, буду недалекъ отъ истины когда скажу, что свобода есть не столько свобода *отъ* чего-нибудь, какъ свобода *на* что-нибудь, если можно такъ выразиться. Я хочу этимъ сказать, что свобода не есть только отрицаніе рабства, но есть нѣчто большее: положительная *возможность* проводить въ жизнь волю личности, такъ сказать реализовать во внѣ нашу внутреннюю жизнь. Я могу представить себѣ общественный строй, въ которомъ будутъ уничтожены всѣ оффиціальная преграды свободной дѣятельности человѣка, но если изъ этой сферы дѣятельности человѣка исключается хотя бы одна область, напр., производство—личность въ этомъ обществѣ не свободна. Быть свободнымъ значитъ имѣть возможность проявлять въ окружающую среду нашу внутреннюю энергію, которая кипитъ въ насъ. Вы можете дать человѣку всевозможныя права, но если вы одновременно не даете ему фактической *силы* осуществлять свои права, человѣкъ—рабъ. Какое дѣло европейскому рабочему до того, что на такой-то бумажкѣ написано, что онъ имѣетъ *право* устраивать всякія собранія, когда онъ послѣ 11 часового рабочаго дня *не въ силахъ* высидѣть часъ на самомъ полезномъ собраніи? *Свобода безъ силы—фикція, быть свободнымъ—значитъ быть сильнымъ.*

На мой взглядъ, недостаточно уничтожить частную собственность, Государство и Церковь, чтобы личность стала свободной: это необходимое, но не вполнѣ достаточное условіе свободы. Такъ, изъ воздуха необходимо устранить всѣ ядовитыя испаренія, отравляющія дыханіе человѣка; но даже самаго чистаго воздуха, даже озона недостаточно для правильнаго, здороваго дыханія,—для этого необходимо кромѣ того здоровыя, сильныя легкія. Можно разрушить всѣ организаціи насилія, но если мы не разбудимъ въ личности гордаго сознанія своего достоинства, вѣры въ свои силы, не расширимъ ея умственнаго кругозора, не разовьемъ ея физическихъ и духовныхъ силъ,—она еще не свободна, потому что физически, умственно или нравственно слабый человѣкъ не можетъ быть свободнымъ. Свобода не право, а сила. Ну, а можетъ ли одинокій человѣкъ, оторванный отъ общественной среды, быть сильнымъ? Есть ли что-нибудь болѣе безсильное, чѣмъ одино-

---

*) Михаилъ Бакунинъ. «Организація Интернаціонала», 1905, стр. 6—7.

кій человѣкъ? Что можетъ произвести своими единичными силами самый выдающійся человѣкъ? Сила личности состоитъ въ томъ, чтобы такъ комбинировать свои и чужія стремленія, чтобы проводить по возможности больше, если не все, изъ того, что составляетъ ея внутреннее содержаніе. *Добровольный союзъ съ людьми—необходимый элементъ силы, а, стало быть, и свободы личности.* И чѣмъ богаче личность, чѣмъ она духовно сильнѣе, тѣмъ она интенсивнѣе жаждемъ самыхъ разнообразныхъ союзовъ, потому что каждый союзъ, каждая общественная группа удовлетворяетъ какую-нибудь потребность нашу, даетъ намъ возможность проводить во внѣ какую-нибудь частичку нашего «я». Свобода такимъ образомъ состоитъ не въ изолированіи, а, наоборотъ, въ объединеніи каждой личности съ возможно большимъ кругомъ другихъ, равныхъ ей людей. Быть свободнымъ не значитъ скупо копить для своего маленькаго «я», именуемаго личностью, а, наоборотъ, это значитъ—расточать, разсѣивать себя въ томъ нашемъ грандіозномъ «я», которое называется человѣчествомъ. На этомъ основаніи я утверждаю, что организація не стѣсняетъ, а расширяетъ личность, освобождаетъ ее, потому что дѣлаетъ ее сильной. Оттого во всей литературѣ анархистовъ вы не найдете ни одной серіозной работы, гдѣ рядомъ со словомъ «свобода» не было бы слова «союзъ». Коммунизмъ при теперешнихъ условіяхъ есть условіе анархизма.

Понятно, что слово «организація» нужно понимать не въ соціаль-демократическомъ смыслѣ. Для соціаль-демократовъ организовать значитъ — поставить надъ личностями центральный комитетъ. Еще проще понимаетъ дѣло Н. Ленинъ: по его мнѣнію, организація есть группа людей, объединенныхъ *уставомъ*. Понятно, что анархизмъ далекъ отъ такого чиновничьяго пониманія организаціи. Организоваться значитъ объединиться для какого-нибудь общаго дѣла, *организація есть свободный союзъ личностей для борьбы за общую цѣль*. Кто признаетъ, что у анархистовъ—есть общая цѣль, этимъ самимъ признаетъ необходимость общей организаціи всѣхъ анархистовъ.

Но я иду дальше: я говорю, что намъ нужна не просто организація, а партія. Какъ это понимать? На мой взглядъ, анархическая организація не есть простое общество для дебатовъ и пропаганды, наша организація нѣчто большее, чѣмъ клубъ. Она *политическая организація* въ лучшемъ смыслѣ этого слова, ибо стремится стать такой политической силой, чтобы сломить раньше всего современную *политическую* орга-

низацію насилія—Государство. Этотъ характеръ, какъ мнѣ кажется, лучше всего выражаетъ слово «партія».

Консервативныя партіи стремятся *сохранить* современную политическую организацію чтобы вмѣстѣ съ ней сохранить экономическій строй жизни. *Прогрессивныя* партіи *преобразуютъ* такъ или иначе Государство, чтобы соотвѣтственно реформировать экономическія отношенія. Мы, анархисты, хотимъ, какъ единственная *революціонная* партія, *разрушить* государство, чтобы совершенно уничтожить современную экономическую организацію, вдохнуть въ нее новый принципъ*). Нашей ближайшей цѣлью должно быть объедиеніе всѣхъ противогосударственныхъ соціалистовъ Россіи въ одну Анархисткую Рабочую Партію. Дальнѣйшей ступенью будетъ образованіе одного громаднаго союза всѣхъ революціонныхъ элементовъ подъ чернымъ знаменемъ Международной Анархистской Рабочей Партіи. Тогда только мы составимъ достаточную силу для борьбы со всѣми силами открытыхъ и тайныхъ реакціонеровъ.

---

*) Мы не только общество для пропаганды, не только сѣть клубовъ, ибо такого рода общества ставятъ себѣ цѣлью организовать только *сознаніе* своихъ членовъ, а не комбинировать ихъ *дѣйствія*. Клубъ, какъ таковой, есть среда для обмѣна мнѣній, и потому можетъ принимать въ свою среду кого угодно. Онъ даже тѣмъ живучѣй, тѣмъ интереснѣй, чѣмъ разнообразнѣй сталкивающіяся мнѣнія. Клубъ не нуждается въ опредѣленной программѣ, даже больше: она вредна для него, такъ какъ ограничиваетъ и притупляетъ внутреннюю борьбу идей, въ интенсивности которой весь смыслъ его существованія. Наоборотъ, Партія, назначеніе которой организовать дѣйствія нуждается въ общей идейной платформѣ, безъ которой абсолютно невозможно единство дѣйствій. Программа, которая вредна, убійственна для клуба, необходимое жизненное условіе всякой дѣятельной Партіи. Кто думаетъ вмѣстѣ со мной, что анархисты должны не только просвѣщать, но и организовать дѣйствія, согласится что мы представляемъ собою не какого-либо рода клубъ, а именно Партію, Партію Труда.

XIX.

Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма.

Теперь никто, разумѣется, не станетъ поднимать ребяческаго вопроса о томъ, нуженъ ли анархизмъ въ Россіи или нѣтъ. Такой вопросъ обнаруживаетъ наивное непониманіе самихъ основъ политической дѣятельности. Партія не академія ученыхъ, а политическій союзъ для борьбы за какой-нибудь идеалъ. А всякій идеалъ выражаетъ интересы, потребности, желанія хоть какой-нибудь общественной группы. Какъ же можетъ быть разговоръ о преждевременности той или иной политической партіи? Анархисты, смѣющіе толковать о неумѣстности анархизма въ Россіи, выдаютъ своему ученію свидѣтельство о бѣдности. Они этимъ просто заявляютъ, что не видятъ въ современной Россіи ни одной общественной группы, которой нуженъ былъ бы анархизмъ. Иными словами они сами признаютъ свою партію кучкой безполезныхъ болтуновъ и фантазеровъ. Мы, молодые анархисты – синдикалисты, свободные отъ народническихъ предразсудковъ и интеллигентской расплывчатости старыхъ теоретиковъ нашихъ, можемъ только пожимать плечами, слушая такое ребяческое каляканье старичковъ. Для насъ анархизмъ есть самое ясное, самое послѣдовательное, самое крайнее выраженіе инстинктивныхъ стремленій рабочаго класса. Съ тѣхъ поръ какъ земля была отнята у перваго крестьянина, съ тѣхъ поръ какъ загудѣлъ первый фабричный гудокъ, съ тѣхъ поръ какъ появился первый рабочій въ деревнѣ, въ городѣ, въ рудникахъ, выросла почва для современнаго анархизма. Значитъ, нѣтъ для насъ и быть не можетъ никакихъ разговоровъ о несвоевременности анархизма въ Россіи.

Вѣрно скорѣе какъ разъ противоположное. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія теперь самая подходящая страна для развитія самаго широкаго анархистскаго движенія. Вѣдь, нѣтъ теперь другой страны, гдѣ народъ горькимъ опытомъ научился бы

такъ ненавидѣть свое правительство, гдѣ пролетаріи на практикѣ научились бы такъ цѣнить мощь классовой солидарности; ужъ во всякомъ случаѣ нигдѣ нѣтъ такой массы беззавѣтно преданной рабочему классу пролетарской интеллигенціи, какъ у насъ на родинѣ. Правда, теперь справляетъ свой блестящій тріумфъ торжествующая демократія; правда, у насъ нѣтъ еще всѣхъ привычныхъ декорацій буржуазнаго господства: оффиціально признанной конституціи и другихъ побрякушекъ. Но всѣ эти мелочи окупаются съ лихвой одной громадной, неоцѣнимой привиллегіей—революціонной атмосферой, въ которой сильнѣй и свободнѣй дышится, страстнѣе кипитъ работа возбужденнаго ума. Если мы прозѣваемъ теперешній торжественный моментъ необычайнаго народнаго подъема, мы вполнѣ заслужимъ

«Насмѣшку горькую обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ».

Иной важный и глубокій вопросъ встаетъ передъ нами: какъ использовать намъ—анархистамъ, теперешній революціонный моментъ, что намъ дѣлать, чтобы двинуть революцію возможно лѣвѣе, чтобы превратить борьбу противъ *современнаго* государства въ борьбу противъ *всякаго* государства, словомъ, какъ превратить буржуазную революцію въ анархистскую.

Тутъ-то мы наталкиваемся на цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ вполнѣ зависитъ судьба анархизма въ Россіи.

Всмотримся въ теоретическое состояніе русскаго анархизма. Какой хаосъ! Какія взаимныя противорѣчія! Какая путаница по всѣмъ тактическимъ вопросамъ! Одни считаютъ все готовымъ для анархической революціи, для которой якобы не хватаетъ только ряда индивидуальныхъ актовъ и нѣсколькихъ бунтовъ. Отсюда тактика безсмысленнаго «безмотивнаго» и *мелочнаго* терроризма, который направляется противъ заснувшаго городового, противъ кучки безобиднѣйшихъ и трусливѣйшихъ буржуевъ въ ресторанѣ, противъ лавочника, отказывающагося отдать свои крохи самозваннымъ представителямъ «анархизма». Защитники другой тактики не видятъ никакой работы для анархистовъ въ Россіи и потому любезно предлагаютъ намъ «подождать». Есть даже люди, которые видятъ чуть ли не центръ нашей работы въ томъ, чтобы срывать собранія соціаль-демократовъ и профессіональныхъ союзовъ, которые имъ, «крайнимъ» (?) кажутся слишкомъ умѣренными. Оригинальное «участіе въ рабочемъ движеніи», не правда ли? Наконецъ, есть

люди, также смѣющіе называть себя анархистами и рекомендующіе намъ, какъ лучшее средство освобожденія личности— заняться... кражами со взломомъ и безъ онаго.

Какая путаница! Какой печальный хаосъ! Съ болью въ сердцѣ спрашиваешь себя: неужели надъ головой нашей виситъ какой-то злой рокъ, который гонитъ насъ къ вѣчнымъ распрямъ, къ убійственной фракціонной борьбѣ на радость друзей «порядка и дисциплины»? Положительно, настало время положить конецъ этому печальному состоянію вещей.

Но съ чего начать? На этотъ вопросъ можетъ быть, кажется, только одинъ отвѣтъ: нужно раньше всего устранить ту идейную путаницу, которую внесли въ наше движеніе разношерстные и чуждые элементы, которые именуютъ себя анархистами-коммунистами; нужно строго и отчетливо указать, каковъ идеалъ нашъ, къ чему стремится передовое человѣчество подъ знаменемъ Анархіи. Этимъ мы проведемъ рѣзкую межу между нами и тѣми темными личностями, которые пользуются нашимъ именемъ для загрязненія нашего знамени. Этимъ мы громко на всю Россію крикнемъ: «Руки прочь»! всѣмъ профессіональнымъ воришкамъ и совнательнымъ хулиганамъ, которые присосались къ намъ и безчестятъ наше великое дѣло. Когда мы освободимся отъ невольнаго союза съ этой бандой и покажемъ русскому рабочему классу, кто мы и что мы, пролетаріатъ увидитъ, какую великую идею принесли мы рабочему міру, какъ красивъ и грандіозенъ нашъ чудный идеалъ обновленія человѣчества.

Но понятно, что даже самое ясное, самое громогласное заявленіе принциповъ еще недостаточно. Отвлеченные принципы своей красотой могутъ плѣнять только отдѣльныхъ людей съ особенно тонкой духовной организаціей, народныя массы остаются равнодушными даже къ самымъ изящнымъ отвлеченнымъ формуламъ. Народъ слишкомъ занятъ повседневной борьбой съ нуждой и голодомъ и не имѣетъ времени любоваться благородными планами преобразованія міра черезъ многіе, многіе десятки лѣтъ. Онъ живетъ въ работѣ и потому способенъ воспринимать только тѣ идеи, которыя тѣсно связаны съ этой самой работой, съ его борьбой за хлѣбъ. Народъ можетъ воспринять даже самую отвлеченную соціальную идею, но при одномъ условіи: вы должны умѣть связать ее съ повседневной жизнью, съ его повседневными муками и радостями. Партія, которая не умѣетъ это дѣлать, должна неизбѣжно погибнуть. Не найдетъ она отклика въ сердцахъ задавленнаго народа... Вотъ почему кромѣ ясной и точной программы, намъ

необходима такая же ясная, такая же точная тактика. Программа является какъ бы яркой точкой, путеводной звѣздой, которая должна манить народъ къ великому будущему, придавать силы и бодрость ему—усталому тысячелѣтнему страннику. Тактика же служитъ какъ бы широкой тропой къ великому идеалу; тактика—мостъ, по которому подъяремный, забитый работникъ изъ пассивной покорности переходитъ въ область революціонной борьбы за свое освобожденіе. Однимъ словомъ, программа есть наше «завтра», тактика—наше «сегодня». Партія, не имѣющая ясной тактики, умерла.

Однако-жъ это только—наши первые шаги, правда, самые трудные. Если мы хотимъ оказаться на уровнѣ своей великой задачи, мы должны сдѣлать новый необходимый шагъ: *мы должны организоваться*.

Я хорошо знаю, что одно слово «организація», способно вызвать судороги у тѣхъ буржуазныхъ интеллигентовъ, которые считаютъ себя «истинными» анархистами. Эти люди, живя въ постоянномъ плѣну отвлеченныхъ, метафизическихъ формулъ, создали себѣ свой «собственный» анархизмъ, который, вѣроятно, за его каррикатурность они сами иронически прозвали «истиннымъ» анархизмомъ. «Истинные» анархисты, какъ типичные идеологи босячества, всякую реальную здоровую идею всѣми силами стараются довести до абсурда. Уничтоженіе частной собственности они остроумно превратили въ безобиднѣйшія маленькія кражи; разрушеніе государства въ ихъ «революціонныхъ» умахъ отождествляется съ убійствомъ квартальнаго; свободу любви они безстыдно смѣнили самой грязной систематической проституціей и т. д. и т. д. Не трудно понять, что и свободу личности они должны были также геніально истолковать, какъ отрицаніе всякой организаціи, якобы стѣсняющей свободу организующихся. Этимъ господамъ наша попытка создать стройную, единую Анархистскую Рабочую Партію представляется не иначе, какъ попытка развратить и унизить «истинный» анархизмъ. Съ этими буржуазными и босяцкими самозванцами, которые такъ дерзко рядятся въ тогу анархизма, мы еще потолкуемъ особо; теперь мы хотимъ коснуться другой стороны вопроса: намѣтить, къ какимъ практическимъ результатамъ приведетъ насъ организація единой Анархистской Рабочей Партіи.

Какъ самая лучшая программа недостаточна безъ опредѣленной тактики, такъ самая цѣлесообразная тактика безсильна вести насъ къ цѣли безъ единой планомѣрной организаціи. Эта идея такъ ясна и очевидна, что только нѣкоторымъ джентльменамъ

въ анархизмѣ это непонятно. Какъ можемъ мы фактически, а не на словахъ только отмежеваться отъ всѣхъ тѣхъ подозрительныхъ господъ, которые считаютъ полезнымъ, иногда съ благословенія полиціи, брать на себя кличку анархистовъ? Какъ можно провести въ жизнь тотъ нашъ тактическій принципъ, который признаютъ даже самые буржуазные анархисты, именно: всеобщую стачку? Снизойдетъ ли на рабочихъ какое-то внезапное вдохновеніе, и они одновременно бросятъ работы, выставятъ ту же программу, стихійно примутъ одинаковыя средства и безсознательно проведутъ одинъ и тотъ же планъ борьбы? Кто вмѣстѣ съ нами отрицаетъ эти вздорныя грезы, долженъ непремѣнно остановиться на идеѣ организаціи. Намъ необходима Партія, которая могла бы взять на себя отважный починъ всенароднаго возстанія. Намъ необходима Партія, которая могла бы овладѣть движеніемъ, возникшимъ стихійно и направить его по руслу анархическаго коммунизма. Партія нужна намъ, наконецъ, для того, чтобы по возможности залѣчить раны, если народъ потерпитъ пораженіе, и извлечь наибольшую пользу, если народъ одержитъ побѣду. Передовое сознательное меньшинство изъ убѣжденныхъ анархистовъ можетъ сыграть свою благодѣтельную роль могучаго, революціоннаго авангарда, только слившись въ единую, солидарную Анархическую Рабочую Партію.

* * *

Намъ нужна Партія, и мы создадимъ ее, подъ страхомъ полнаго исчезновенія съ арены революціонной борьбы. Но что же должна дѣлать наша Партія *теперь* въ Россіи?

Мой отвѣтъ будетъ ясенъ. Я утверждаю, что *наша тактика на первомъ планѣ должна поставить себѣ цѣлью продлить революціонное время*, продолжить возможно больше то состояніе политической неурядицы, которое теперь характеризуетъ Россію. Зачѣмъ это нужно намъ? Понятно, не потому, что мы-де сторонники неурядицы вообще. Нашъ идеалъ не хаосъ, а гармонія, не война, а миръ, не вражда людей, а ихъ братская солидарность. Но именно для завоеванія этого свѣтлаго будущаго, которое манитъ насъ изъ чудной синей дали, мы должны теперь всѣми силами стараться увеличить революціонную сумятницу и не давать установиться «правовому порядку».

Народъ только во время революціи, т. е. во время реальнаго открытаго столкновенія общественныхъ силъ, научается понимать, кто его друзья и кто враги его; научается цѣнить

свои собственныя силы; научается изъ жизни, а не изъ книгъ самому важному и самому трудному искусству—гражданской войнѣ. Долженъ ли я напомнить о томъ, какъ революція самимъ своимъ существованіемъ, ярко рисуетъ все безсиліе безжизненныхъ формулъ закона передъ живой творческой волей проснувшагося народа? Кто не знаетъ, какія благородныя чувства будитъ революція въ сердцахъ угнетенныхъ, какъ каждый революціонный часъ разгибаетъ спину согнувшагося раба, зажигаетъ огонь въ глазахъ трусливаго, будитъ грознымъ набатомъ всѣхъ спящихъ и со всѣхъ сторонъ собираетъ и укрѣпляетъ великую рать возставшаго труда? Въ революціонное время иногда достаточно одного крика, одного смѣлаго акта, чтобы толкнуть широкія массы на такіе шаги, которые кажутся бредомъ въ мирное время обыденной, сѣрой жизни, мелкихъ интересовъ и шкурныхъ заботъ.

Да, уже одно грандіозное воспитательное значеніе революціи должно было бы убѣдить насъ въ абсолютной необходимости для насъ продленія революціи. Но въ этомъ вопросѣ есть еще одна сторона, едва-ли не болѣе важная. Въ обыкновенное, мирное время врядъ-ли возможна очень широкая открытая анархистская организація. Силы современнаго конституціоннаго государства такъ громадны, что оно всегда находитъ «конституціонные» поводы и реальную возможность тормозить и разрушать истинно-революціонную работу. Мы до сихъ поръ нигдѣ не имѣемъ анархистской партіи не только по чисто доктринерскимъ предразсудкамъ, но и потому, что созданіе такой партіи въ самыхъ «свободныхъ» странахъ встрѣчаетъ громадныя препятствія и сопряжено съ серьезными жертвами. Исторія французскихъ революціонныхъ синдикатовъ рабочихъ прекрасно иллюстрируетъ эту мысль. Пока синдикаты были мирными профессіональными союзами, правительство Республики кокетничало съ ними, даже субсидировало ихъ. Но съ той поры какъ они, подъ вліяніемъ анархистовъ, пошли по революціонному пути, правительство (и соціаль-демократы) начали противъ нихъ ту безславную кампанію преслѣдованій и клеветы, которая можетъ кончиться полнымъ или частичнымъ разгромомъ революціонной организаціи французскаго пролетаріата. Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли буржуазное государство спокойно смотрѣть на то, какъ его заклятый врагъ у него на глазахъ вооружается для уничтоженія современнаго общества? Думать, что можно въ мирное время безпрепятственно созидать дѣйствительно массовую рабочую организацію съ *истинно революціонной* программой, на мой взглядъ, такъ же утопично, какъ на-

ивное мечтаніе соціаль-демократовъ захватить государственную власть посредствомъ избирательнаго листка. Въ томъ и другомъ случаѣ, такъ сказать, считаютъ безъ хозяина, забываютъ о томъ важномъ обстоятельствѣ, что государство не должно и не можетъ дозволить дѣйствительно, а не на словахъ только боевой партіи пролетаріата. Поэтому въ мирное время организація революціонныхъ *массъ* встрѣчаетъ весьма значительныя затрудненія. Иное дѣло—революція. Законъ не принимается во вниманіе не только революціонерами но и самыми умѣренными и даже самимъ правительствомъ. Организованныя силы государства приходятъ въ разстройство и теряютъ всякую вѣру въ свое дѣло. При такихъ условіяхъ государственная власть буквально не въ силахъ препятствовать самымъ широкимъ организаціямъ революціоннаго народа. Русская революція на своемъ порогѣ показала уже блестящіе примѣры. Вапомнимъ хотя бы Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляли типичные органы возставшаго народа и совершенно оттѣснили на задній планъ государственныхъ агентовъ, которые со скрежетомъ зубовнымъ должны были видѣть, какъ всѣ законы попираются ногами и народъ открыто готовится къ возстанію. Вспомнимъ также грандіозные митинги солдатъ, матросовъ и даже казаковъ. Въ мирное время такія явленія могутъ сниться только болѣзненно разстроенной фантазіи, въ эпоху революціонной неурядицы государство безсильно имъ помѣшать. И такъ, нашъ первый тактическій лозунгъ момента: La révolution à outrance! (Революція до конца!).

Къ этой цѣли, какъ мнѣ кажется, раньше всего ведетъ широкій, массовый, развитой, всестороній терроръ. Мы должны съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчать всякое нападеніе правительства. На разгоны нашихъ собраній, на аресты нашихъ товарищей, на конфискаціи нашихъ газетъ мы должны отвѣтить однимъ и тѣмъ же—смертью виновниковъ, смертью нашихъ насильниковъ. Мы должны безпрестанно и смѣло сѣять смерть въ рядахъ враговъ нашихъ: револьверъ и бомба самые надежные защитники народныхъ вольностей.

Но терроръ не долженъ быть исключительно политическимъ. Въ глазахъ анархиста крупные капиталисты и помѣщики являются такими же кровопійцами, какъ и правительственные разбойники. Противъ крупныхъ эксплуататоровъ мы должны не менѣе смѣло направлять свои смертоносные удары. Насъ не должно смущать то, что *теперь* нѣкоторые буржуа и помѣщики играютъ въ либерализмъ и наши нападенія могутъ оттолкнуть ихъ въ лагерь открытой реакціи: эти либеральные

кровопійцы всегда держатъ камень за пазухой для насъ—революціонеровъ, они въ душѣ—заклятые реакціонеры и чѣмъ скорѣе они снимутъ съ себя маску либеральничанья, тѣмъ лучше для народа, который—увы!—слишкомъ часто даетъ сбить себя съ толку пустозвонными фразами этихъ хитрыхъ и бездушныхъ политикановъ. Терроръ противъ экономическихъ враговъ пролетаріата долженъ играть у насъ еще видную роль потому, что его совершенно отрицаютъ демократы, выступающіе подъ кличкой соціальдемократовъ, соціалистовъ—революціонеровъ и всякихъ другихъ мнимыхъ «соціалистовъ», а политическій терроръ и безъ нашего содѣйствія получаетъ довольно широкое распространеніе Итакъ, по отношенію къ политическимъ и экономическимъ врагамъ работниковъ у насъ не должно быть никакой пощады: мы должны хорошенько помнить, что въ случаѣ нашего пораженія мы нигдѣ не встрѣтимъ милосердія, и потому:

«Бей, губи ихъ—злодѣевъ проклятыхъ,
Засвѣтись лучшей жизни заря»!

Одного только должны мы опасаться: чтобъ терроръ не выродился въ ту пародію на терроръ, который находитъ себѣ сочувствіе среди босяцкихъ элементовъ русскаго анархизма и получилъ характерное названіе «безмотивнаго» террора: подъ этимъ разумѣются бросаніе бомбъ въ рестораны, убійства буржуевъ съ цѣлью «пропаганды» и т. п. Такой терроръ не только не содѣйствуетъ пропагандѣ, но, наоборотъ, отталкиваетъ отъ насъ массы. Для того, чтобы терроръ наводилъ панику на правительство, привлекалъ къ революціонерамъ вниманіе и симпатію массъ народа, чтобы онъ подымалъ революціонное настроеніе, терроръ долженъ быть отмѣченъ печатью нѣкотораго величія и долженъ быть направленъ преимущественно противъ крупныхъ, видныхъ враговъ народа, а не противъ мелкихъ, слѣпыхъ орудій Государства и Капитала. Мы должны всегда переносить вниманіе рабочихъ массъ съ неважныхъ частностей на важное общее, съ мелкихъ пьявокъ на крупныхъ гадюкъ: военное искусство требуетъ, чтобы бить врага не въ руки, а въ самое сердце, цѣлить въ офицеровъ, а не въ простыхъ рядовыхъ. Каждый террористическій актъ долженъ быть такъ понятенъ массамъ, чтобъ не нуждался ни въ какихъ оправданіяхъ и чтобъ могъ служить какъ бы наглядным урокомъ. Поэтому «безмотивный» терроръ не только всегда безсмысленъ, но часто глубоко вреденъ. Это видно между прочимъ изъ того, что когда правительство въ Западной Европѣ хочетъ окончательно развратить анархизмъ въ какой—либо мѣстности,

оно всегда поручаетъ своимъ агентамъ проповѣдывать и провоцировать именно «безмотивный» терроръ, который не только быстро истощаетъ силы террористовъ на пустяки, но и возбуждаетъ противъ нихъ всеобщую ненависть. Эта непріятная, исторически доказанная связь «безмотивнаго» террора съ съ весьма мотивными «видами» полицейскаго участка должна дѣлать рабочихъ очень осторожными въ отношеніи ко всякой подозрительной «безмотивности».

Какъ ни велико значеніе террора вообще, а въ революціонное время въ особенности, все же жалокъ тотъ, кто думаетъ, что наша работа должна или можетъ ограничиваться одной террористической дѣятельностью. Особенности теперешняго момента невольно выдвигаютъ на первый планъ, на авансцену борьбы терроръ. Но кто думаетъ, что бомба и револьверъ составляютъ весь анархизмъ, тотъ никогда не понималъ и ужъ никогда не пойметъ всего величія нашего ученія. Мы теперь шествуемъ подъ шумомъ бомбъ, потому что противъ насъ выступаютъ подъ грохотомъ пушекъ. Но не бомбы характеризуютъ нашу доктрину, а то, что находится позади ихъ, тотъ идеалъ, который сидитъ въ умѣ и сердцѣ террориста, который во имя своего идеала отдаетъ въ жертву самый драгоцѣнный изъ изъ всѣхъ благоухающимъ даровъ природы—свою жизнь!

Чего мы хотимъ? Мы хотимъ безпощадно разбить всѣ оковы рабства не только матеріальнаго, но и нравственнаго. Мы хотимъ сорвать съ человѣка всѣ путы и пеленки, которыя сжимаютъ насъ въ тискахъ, развращаютъ нашъ умъ, дѣлаютъ изъ насъ, по натурѣ добрыхъ и благородныхъ, грубыхъ и грязныхъ искателей наживы. Нашъ идеалъ связанъ съ глубокимъ переворотомъ не только въ соціальныхъ отношеніяхъ, но и въ нашей душѣ. Неужели же достаточно отдѣльныхъ нѣсколькихъ смѣльчаковъ, чтобы поднять народъ изъ бездны заботъ и невѣжества и толкнуть его на бой со всѣмъ буржуазнымъ міромъ? Мы, сторонники рабочаго анархизма, отвѣчаемъ рѣшительно: нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Терроръ, говоримъ мы, въ борьбѣ за нашъ конечный идеалъ, можетъ играть только подсобную роль. *Наша главная работа—развитіе сознанія и организація городскихъ и сельскихъ рабочихъ въ одинъ грандіозный революціонный Союзъ Труда, который охватилъ бы весь міръ, проникъ бы во всѣ фабрики, мастерскія, во всѣ копи, во всѣ лачуги сельскихъ пролетаріевъ, во всѣ свѣтелки кустарей, во всѣ казармы солдатъ.* Этотъ Всемірный Союзъ Труда скрѣпитъ неразрывными узами солидарности единую, но разразненную врагами, братскую семью всѣхъ трудящихся, всѣхъ страж-

дущихъ. Она создастъ въ рамкахъ стараго міра зародышъ новаго, фундаментъ чисто рабочаго общества, рабочей ассоціаціи, безъ законовъ, безъ полиціи, безъ хозяевъ и безъ бога. Когда грянетъ громъ и народъ проснется отъ умственной спячки, въ которой держали его правительство и политиканы, и желѣзнымъ ударомъ разрушитъ Бастилію буржуазіи, этотъ Всемірный Союзъ Труда станетъ единственной экономической и политической организаціей человѣчества.

«L'internationale sera legenre humain»

(Интернаціоналъ будетъ человѣчествомъ)

Да и до этого свѣтлаго момента революціонные профессіональные союзы вырвутъ у капиталистовъ, помѣщиковъ и правительства хотя бы долю тѣхъ ничтожныхъ выгодъ, которыхъ рабочіе могутъ добиться и этимъ хотя бы отчасти облегчить то тяжелое бремя нищеты, голода и безработицы, которое дѣлаетъ изъ работника затравленнаго звѣря, совершенно неспособнаго къ *постоянной* стойкой борьбѣ съ врагомъ. Голодный человѣкъ способенъ на одинъ какой—нибудь нервный актъ, но не на долгую, коропотливую, революціонную борьбу. Дайте раньше всего хлѣба народу, не кормите его *только* звучными фразами о будущемъ мірѣ добра и красоты! Успокоенный сладкой музыкой народъ, можетъ быть, на время въ экстазѣ пойдетъ за нами, но жизнь—увы!—не театръ, народъ не праздный зритель, а мы—не актеры. Суровая жизнь даетъ себя знать слишкомъ грубо и слишкомъ жестоко тѣмъ, которые стоятъ согнувшись на самомъ низу буржуазной пирамиды и платятъ голодомъ и страданьями за свои и чужіе грѣхи. Народъ, который мы будемъ кормить музыкой и картинками, рано или поздно разочаруется въ насъ и уйдетъ къ тѣмъ политическимъ фокусникамъ, которые обѣщаютъ ему *сейчасъ хоть что нибудь*. Нашъ безплодный, отвлеченный революціонаризмъ послужитъ только на пользу ловкимъ и безпринципнымъ политиканамъ, которые искусно играютъ роль «реальныхъ политиковъ». Чтобы спасти рабочія массы отъ ядовитаго вліянія этихъ проныръ, мы дожны сами организовать возможно больше революціонныхъ профессіональныхъ союзовъ, объединять ихъ въ каждомъ городѣ и по всей странѣ. Наше участіе въ экономической борьбѣ городскихъ и сельскихъ рабочихъ и главнымъ образомъ *это* участіе превратитъ насъ изъ кучки мечтателей въ сильную массовую анархистскую рабочую партію, которая сможетъ смѣло выступить на борьбу съ грознымъ лозунгомъ: Да здравствуетъ Рабочая Коммуна!

Резюмирую.

I. Намъ необходимо выработать ясную программу и тактику и на почвѣ общихъ программныхъ и тактическихъ принциповъ объединить всѣ здоровые элементы русскаго анархизма въ единую федерацію—Анархическую Рабочую Партію.

II. Необходимо идейно и организаціонно отмежеваться отъ тѣхъ подозрительныхъ элементовъ, которые проповѣдуютъ и практикуютъ теорію кражъ, *какъ средство борьбы за анархизмъ.*

III. Намъ нужно поставить въ центрѣ нашей работы—участіе въ революціонномъ профессіональномъ движеніи, чтобы превратить его въ анархическое.

IV. Нашъ практическій лозунгъ: широкій бойкотъ всѣхъ государственныхъ учрежденій, особенно арміи и парламента, и правозглашеніе въ городахъ и селахъ рабочихъ коммунъ съ Совѣтами Рабочихъ Депутатовъ, въ качествѣ промышленныхъ комитетовъ, во главѣ.

Эти пункты составляютъ основу практической дѣятельности того направленія, представителемъ котораго являюсь и я.

XX.

Что же дальше?

Безпощадно и рѣзко критиковалъ я до сихъ поръ соціал-демократію. Я старался обнаружить всю мѣщанскую мелочность ея идеала, всю безсмысленность и вредность ея тактики. Идеалу и тактикѣ соціаль-демократіи я старался противоставить идеалъ и тактику рабочаго анархизма. Достигнута ли моя цѣль? Нѣтъ! Нѣтъ! Едва я далъ отвѣтъ на самые живые, острые вопросы рабочаго движенія, какъ новый вопросъ поднимается изъ глубины души моей и наполниетъ меня одновременно и безумнымъ восторгомъ и невольнымъ страхомъ: мнѣ сладко чувствовать, что еще не всѣ вопросы получили свой отвѣтъ, что не всѣ великія задачи получили свое рѣшеніе, что есть еще, стало быть, для чего жить и за что умереть. Но мнѣ становится страшно при мысли о томъ, что новыя препятствія, перспективы новой борьбы оттолкнутъ многихъ. Но пусть малодушные и слабые уходятъ отъ насъ къ тѣмъ политическимъ фокусникамъ, которые умудряются придумать одинъ всеспасающій рецептъ отъ всѣхъ соціальныхъ золъ. Сильные и гордые не побоятся правды и сумѣютъ мужественно встрѣтить всѣ выводы изъ признанныхъ принциповъ.

Во имя чего боремся мы теперь? Боремся ли мы во имя *матеріальнаго* благополучія? И да и нѣтъ. Да,—потому, что безъ устраненія ужаснаго бича голода человѣкъ никогда не станетъ самимъ собою, никогда не распростится съ тѣми грубыми инстинктами корыстолюбія, торгашества и зависти, которые создаются въ немъ отвратительной борьбой за существованіе. Нѣтъ,—потому, что не въ этомъ матеріальномъ благополучіи видимъ мы *центръ* своей дѣятельности. Пусть соціаль-демократы находятъ для себя выгоднымъ унижаться до уровня пониманія самыхъ отсталыхъ рабочихъ и пусть увѣряютъ ихъ,

что «соціальный вопросъ есть вопросъ желудка» (Die sociale Frage ist eine Magenfrage»), мы будемъ всегда твердить рабочему люду, что кромѣ желудка у человѣка есть и голова, и сердце, и нервы, что освободить человѣка не значитъ только его желудокъ наполнить пищей, что человѣкъ не будетъ свободенъ, пока не сброситъ съ плечъ своихъ *всѣхъ* узъ не только экономическихъ и политическихъ, но и нравственныхъ, умственныхъ и художественныхъ, пока не будетъ достигнуто цѣлостное, интегральное освобожденіе человѣческой личности. Центромъ *нашей* дѣятельности всегда будетъ созданіе цѣльной, т. е. сознательной, гордой и стойкой человѣческой личности. Наша задача не облагодѣтельствовать народъ хитроумными планами организаціи новаго общества, а дать народу самому строить *свою* жизнь, какъ *онъ* этого захочетъ. Оттого то въ нашемъ идеалѣ мы удѣляемъ такъ много вниманія свободѣ личности.

И вотъ тутъ-то возникаетъ вопросъ: *обезпечиваетъ ли анархическій коммунизмъ эту свободу личности?* Будемъ анализировать нашъ собственный идеалъ съ тою же безпощадностью, какъ и идеалы нашихъ противниковъ.

Однимъ изъ главныхъ доводовъ нашихъ противъ коллективизма всегда служило у насъ то, что коллективизмъ не даетъ свободы труда. Мы, анархисты, всегда энергически отстаивали ту великую истину, что пока человѣкъ не получилъ возможности работать тамъ, тогда и столько, гдѣ, когда и сколько онъ хочетъ,—онъ будетъ тѣмъ же жалкимъ рабомъ. Обезпечиваетъ ли анархистскій коммунизмъ *полную* свободу труда? У насъ не будетъ никакого начальства, которое *прямо* командовало бы работникомъ, какъ въ соціаль-демократическомъ государствѣ. Но развѣ общественное мнѣніе будетъ щадить неугодныхъ ему людей? Развѣ этотъ бичъ не будетъ такъ же назойливо врываться въ нашу личную жизнь, какъ и иное попечительное начальство? Поучительнымъ примѣромъ могутъ послужить для насъ страны, которыя, по справедливости, считаются наиболѣе передовыми въ отношеніи индивидуальной свободы. И что же мы видимъ? Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы общественное мнѣніе такъ деспотически врывалось въ личную жизнь, какъ въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ.

Общественное мнѣніе такой же деспотъ, какъ любое правительство, не смотря на то, что оно вполнѣ безлично. Можно ли отрицать, что и въ Анархической Коммунѣ общественное мнѣніе будетъ висѣть дамокловымъ мечомъ надъ всякой личностью выше средняго уровня, выше посредственности? Можно ли также быть вполнѣ увѣреннымъ, что это общественное мнѣ-

ніе дѣйствительно гарантируетъ человѣку *полную* свободу труда, что оно великодушно откажется карать своимъ гнѣвомъ «лѣнивыхъ» или «неспособныхъ»? Не будетъ ли отнята у личности одной рукой частица той свободы, которая дана ей другой.

Но пойдемъ дальше.

Анархическій коммунизмъ обѣщаетъ каждой личности свободное образованіе и расторженіе союзовъ. Это значитъ, что личность будетъ свободна въ выборѣ союза. Но не будетъ ли эта свобода полуфиктивной? Вѣдь въ буржуазномъ обществѣ мы видимъ вѣчто аналогичное: *оффиціально*, рабочій имѣетъ «свободу» выбора хозяина. Но эта свобода превращается въ призракъ тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что рабочій у всѣхъ хозяевъ вездѣ застаетъ ту же систему эксплуатаціи, что капиталистическая «свобода труда» есть свобода обмѣна однѣхъ цѣпей на другія точно такія же. Не повторится ли нѣчто подобное и въ Анархической Коммунѣ? Не станетъ ли до извѣстной степени фиктивной свобода входить въ союзы и выходить изъ нихъ, разъ вездѣ личность будетъ находить почти тѣ же условія. Кромѣ того, мы должны спросить себя: каково будетъ положеніе личности въ самомъ союзѣ пока она не вышла изъ него? Неужели мы будемъ настолько наивны, что будемъ вѣрить, будто общество будетъ приспособлять свою внутреннюю организацію ко вкусамъ каждаго новаго члена? Да и возможно ли это вообще? Не ясно ли, что личность *до извѣстной степени* должна будетъ приспособляться къ потребностямъ того цѣлаго, которое мы называемъ свободнымъ союзомъ? Не ясно ли, что личность и здѣсь не служитъ самоцѣлью, т. е. не является дѣйствительно свободной, цѣлостной единицей, а имѣетъ *надъ* собою все то же ненавистное «общество», которое въ иной формѣ, но не менѣе цѣпко будетъ держать въ своихъ лапахъ душу и тѣло человѣческой личности.

Но пойдемъ еще дальше. Никто не станетъ отрицать, что однимъ изъ самыхъ подлыхъ и мерзкихъ учрежденій нашего общества является судъ. Его низость состоитъ не въ томъ, что онъ немилостивъ, нескоръ, неправъ и неравенъ для всѣхъ: онъ возмущаетъ насъ уже однимъ своимъ существованіемъ. Наша совѣсть не можетъ допустить самого слова «судъ». Мы не только считаемъ безсмысленнымъ, дикимъ и жестокимъ «наказывать» такъ называемыхъ «преступниковъ», мы считаемъ чудовищной самую мысль о томъ, что кто-то можетъ, смѣетъ брать на себя роль судьи надъ поступками *другого*. Кто настолько подлъ, чтобы утверждать, будто онъ можетъ проникнуть настолько въ чужую душу, чтобы рѣшить, виновенъ ли «преступ-

никъ» или нѣтъ. Да и что такое «виновность», какъ не месть обиженнаго «общества», которое съ непростительной дерзостью врывается въ нашу жизнь и почему-то считаетъ себя компетентнымъ рѣшительно во всемъ? Нѣтъ правыхъ и нѣтъ виновныхъ! Человѣкъ ни добръ, ни золъ; онъ добръ по отношенію ко мнѣ и золъ по отношенію къ тебѣ. Добро и зло, добродѣтель и порокъ—пустыя и вредныя абстракціи, которыя оставила намъ наша добрая бабушка-религія на добрую память, и до сихъ поръ держитъ въ плѣну мысль вольнаго человѣка. Нужно разъ навсегда покончить съ этими старыми поповскими выдумками: нужно понять, что человѣкъ только таковъ, какимъ его создали обстоятельства; что каждый изъ насъ склоненъ къ тѣмъ или инымъ «преступленіямъ» и къ тѣмъ или инымъ «подвигамъ» одновременно—и отъ самыхъ пустячныхъ обстоятельствъ зависитъ, станетъ ли данный человѣкъ «преступникомъ» или «геніемъ». Глупымъ мнѣ кажется, поэтому ставить памятники геніямъ и безсмысленнымъ, жестокимъ мнѣ представляется воздвигать гильотины преступникамъ. Никто—ни богъ, ни попъ, ни царь, ни народъ не имѣютъ ни малѣйшаго права ни карать, ни миловать, потому что никто въ мірѣ не имѣетъ права судить другого. Долженъ ли я сдѣлать исключеніе для «товарищей»? Долженъ ли я допустить такъ называемый третейскій судъ? Нѣтъ, я отвергаю его такъ же рѣшительно, какъ судъ полиціи. Третейскій судъ отличается отъ полицейскаго тѣмъ, что онъ временный, а не постоянный, но развѣ онъ отъ этого престаетъ быть грубымъ организованнымъ святотатственнымъ насиліемъ надъ душою судимаго? Третейскій судъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи полиціи, но за нимъ стоитъ еще болѣе грубая сила—кулакъ общественнаго мнѣнія. Развѣ въ Анархической Коммунѣ это пресловутое общественное мнѣніе не затравитъ бойкотомъ тѣхъ своихъ членовъ, которые не признаютъ третейскаго суда? Гдѣ гарантія за то, что при помощи третейскаго суда и бойкота пошлость и лицемѣріе не пригнутъ къ землѣ свободнаго человѣка? Что рѣшенія третейскаго суда постепенно не войдутъ въ обычай и не станутъ такими же нормами, какъ и законы? А развѣ мнѣ не все равно, какъ называется плеть, которая сѣчетъ меня? Я ненавижу и презираю всякую внѣшнюю власть безъ различія того, исходитъ ли она отъ бога, отъ царя, отъ парламента, отъ народа, отъ товарищей. Я самъ составляю отдѣльный, замкнутый, богатый, причудливый міръ, въ который никто не смѣетъ проникнуть безъ моей воли. Когда мнѣ становится тоскливо, я побѣгу къ близкому другу «разсказать

ему свою душу». Въ другое время я соединяюсь съ группой моихъ знакомыхъ, чтобы отправиться на общую прогулку, на охоту, на скачки и т. д. Словомъ, я вступаю въ общеніе съ моими близкими, когда *мнѣ* этого хочется; я ухожу въ свою «пустыню», когда *я* сочту это полезнымъ: никакая власть— ни законъ, ни обычай, ни третейскій судъ не смѣютъ указать границы моей свободѣ ни на одинъ моментъ. Я никогда не составляю части другаго цѣлаго, я всегда цѣлостная индивидуальность. Я признаю *рядомъ* съ собою цѣлые милліоны такихъ же самодержавныхъ личностей какъ я, но *надъ* собою я вижу только пустое небо—и больше ничего.

«Но вѣдь это утопія», слышится мнѣ возмущенный протестъ. Такая обсолютная свобода немыслима ни въ какомъ обществѣ. Кто хочетъ такой свободы, долженъ уйдти въ лѣсъ къ дикимъ звѣрямъ. Но общества не можетъ существовать безъ нѣкотораго, хотя бы минимальнаго ограниченія нашей свободы».

Это возраженіе мнѣ кажется неопровержимымъ. Но значитъ ли это, что я долженъ отказаться отъ лучезарной мечты увидѣть когда—либо дѣйствительное торжество Свободы и Красоты, когда человѣкъ перенесетъ на самого себя то благоговѣніе, которое онъ до сихъ поръ въ своей слѣпотѣ дарилъ пустымъ произведеніямъ своей фантазіи—богамъ, когда человѣкъ впервые почувствуемъ бога не *внѣ*, а *внутри* себя? Долженъ ли я отказаться отъ этой чудной мечты, которая живетъ въ насъ незамѣтно, которая можетъ быть на время задавлена, но никогда не можетъ быть искоренена, пока живъ на землѣ хоть одинъ человѣкъ? Нѣтъ! Не долженъ и не могу: когда человѣкъ отказался отъ *этой* мечты, онъ отказался отъ цѣли жизни, отъ самой жизни. Да здравствуетъ жизнь и долой всѣ авторитеты, стоящіе на пути жизни! Долой Собственность! Долой Государство! Долой Церковь! Но если и Общество стоитъ на пути жизни—то долой Общество! Я объявляю войну и этому новому идолу, который подъ новымъ звучнымъ именемъ будетъ требовать отъ насъ по прежнему тѣхъ же кровавыхъ жертвъ. Однако, присмотримся ближе къ этому вопросу.

Причина нашего рабства не въ общественной жизни, т. е. не въ общеніи съ другими людьми, а въ *принудительности* опредѣленныхъ общественныхъ формъ поддерживаемыхъ внѣшнимъ, механическимъ, насильственнымъ давленіемъ, т. е. въ авторитарности общества, а не въ самомъ обществѣ. Анархическій коммунизмъ и требуетъ уничтоженія всѣхъ *видимыхъ* ав-

торитетовъ: Собственности, Государства и Церкви. Но когда мы глубже всматриваемся въ природу Анархической Коммуны, мы видимъ, что и она не дошла до конца пути, до послѣдней станціи «Полная свобода личности», что кромѣ видимыхъ, осязательныхъ авторитетовъ, которые стремится уничтожить анархическій коммунизмъ, есть еще одинъ одинъ, невидимый и неосязаемый авторитетъ, который, къ сожалѣнію, не воплощается уже въ какихъ-либо опредѣленныхъ органахъ и учрежденіяхъ, а коренится въ томъ, что до сихъ поръ служило и еще долго будетъ служитъ основой общественной жизни: я говорю о *коллективномъ производствѣ*. Именно *обязательность* коллективнаго труда есть послѣдняя обуза человѣка, послѣдній *внѣшній* факторъ, который вступаетъ въ борьбу съ *внутреннимъ* міромъ человѣка. Когда будутъ уничтожены всѣ авторитеты стараго міра, останется одинъ коллективный трудъ, который одинъ будетъ отнынѣ имѣть право опредѣлять сферу свободной дѣятельности человѣка. Обширна будетъ свобода въ Анархической Коммунѣ, но и здѣсь она будетъ ограничена потребностями и интересами *коллективнаго* производства: человѣкъ сможетъ дѣлать все, кромѣ того, что мѣшаетъ планомѣрности производства. И для того, чтобы заставить личность дѣйствовать въ желательномъ направленіи, вовсе нѣтъ надобности въ полиціи: достаточно выразить порицаніе неподходящему члену общества—это подѣйствуетъ сильнѣе заключенія въ тюрьму. И вотъ я прихожу къ выводу, что человѣкъ не будетъ свободенъ, пока не падетъ и этотъ послѣдній авторитетъ—авторитетъ общественнаго мнѣнія, который имѣетъ свое основаніе въ обязательномъ коллективномъ производствѣ.

Чтобы быть свободнымъ, человѣкъ долженъ имѣть возможность отстаивать свои права отъ всѣхъ и всякаго. Но какъ же быть ему, когда въ самомъ основномъ вопросѣ—въ вопросѣ о жизни—онъ зависитъ отъ окружающихъ? Только *индивидуальное* производство и *индивидуальное* распредѣленіе можетъ служить базой полной свободы личности. Человѣкъ станетъ вполнѣ свободнымъ только тогда, когда онъ самъ или съ помощью очень близкихъ людей сможетъ производить всѣ самые необходимые продукты для жизни. Это не значитъ, что коллективное производство дѣйствительно исчезнетъ: совмѣстный трудъ самъ по себѣ доставляетъ столько наслажденій, что люди никогда не захотятъ лишить себя этой радости. Но исчезнетъ *обязательность* этой коллективности, исчезнетъ *всякая* общественная *организація* труда, *дѣятельность человѣка и въ области производства будетъ опредѣляться только внутрен-*

ними мотивами, общество окончательно перестанетъ быть *организмомъ* и станетъ исключительно совокупностью такихъ свободныхъ организмовъ, совокупностью цѣльныхъ, самостоятельныхъ личностей. Анархическая Коммуна смѣнится Анархіей въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова.

Каковъ практическій выводъ? Возможенъ ли теперь, немедленно переходъ къ индивидуальному производству? Я отвѣчаю: нѣтъ! При теперешнемъ развитіи техники производство, повидимому, должно быть коллективнымъ. Но есть много основаній думать, что современная стадія развитія техники не будетъ послѣдней. Много обѣщаетъ уже развитіе электричества, которое, вопреки чаянію марксистовъ, ведетъ не къ централизаціи, а къ децентрализаціи производства: изъ одной электрической станціи сотни отдѣльныхъ предпріятій могутъ снабдить себя достаточнымъ количествомъ электрической энергіи по самой дешевой цѣнѣ. Это повело уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ неожиданному расцвѣту мелкаго производства на совершенно новыхъ началахъ *). Трудно предвидѣть всѣ грядущіе успѣхи техники. Несомнѣнно только одно: каждый техническій прогрессъ не только увеличиваетъ производительность труда, но и все больше раскрѣпощаетъ личность, дѣлая все болѣе возможнымъ индивидуальное производство.

А до тѣхъ поръ все, что мы можемъ дѣлать, сводится къ одному: мы должны и теперь уже всѣми силами будить въ работникѣ не только *классовое* сознаніе, но и *человѣческое* самосознаніе. Работникъ долженъ понять не только то, что ему принадлежитъ весь продуктъ, что никто не смѣетъ командовать имъ даже отъ имени «народа», но и то, что онъ вполнѣ свободная человѣческая личность, отвѣтственная только передъ своимъ внутреннимъ «я»; что онъ самъ долженъ опредѣлить свое мѣсто въ жизни, создать себѣ *свои* собственныя нравственныя воззрѣнія и строго охранять свой собственный духовный міръ отъ всякаго вторженія вульгарной власти, даже власти «товарищескаго большинства». Въ настоящее время наибольшую мѣру свободы и благосостоянія намъ можетъ доставить тотъ общественный строй, который мы называемъ Анархической Коммуной. Она и составляетъ предметъ нашихъ *сегодняшнихъ* стремленій. Но завтра, «на другой день послѣ соціальной революціи», выражаясь неуклюжимъ языкомъ нашихъ добрыхъ «товарищей» соціаль-демократовъ, жизнь не остановится: возникнетъ новая борьба, и эта славная борьба, говорю я, будетъ

*) Kropotkin: Fields, Factories and Workshops.

вестись не во имя большаго довольства, а во имя большей свободы, не во имя дальнѣйшаго проведенія коммунизма, а во имя болѣе глубокаго осуществленія анархизма. Для меня анархическій коммунизмъ есть только необходимое предварительное условіе полнаго освобожденія человѣческой личности, такъ сказать, только наша «программа—минимумъ».

Пусть же знаетъ всякій свободный работникъ, что и коммунизмъ не даетъ полнаго отвѣта глубокимъ запросамъ человѣка, что и ниспроверженіе современныхъ авторитетовъ не означаетъ наступленія «эпохи покоя» *), что нѣтъ и не должно быть покою мятежному духу человѣка, что вся радость и горе жизни, весь смыслъ жизни есть вѣчная, неутомимая, великая борьба за все большую побѣду нашего внутренняго міра надъ внѣшнимъ. Во время этой долгой, упорной борьбы весь внѣшній міръ долженъ потерять для насъ свою угрюмую отчужденность и стать однимъ роскошнымъ храмомъ Красоты. Спадетъ съ труда вѣковое проклятіе рабства, и онъ превратится въ одну сплошную свободную игру человѣческихъ страстей, а самъ работникъ станетъ смѣлымъ и гордымъ свободнымъ художникомъ.

*) William Morris: «The Epoch of Rest».

XXI.

Проэктъ Программы Синдикальнаго Анархизма.

I.

Всякое общество, по существу, есть не что иное какъ опредѣленная форма сотрудничества, т. е. опредѣленная форма совмѣстной борьбы съ природою.

II.

Во всякомъ обществѣ всѣ категоріи сотрудничающихъ людей одинаково необходимы для жизни и развитія всѣхъ и представляютъ въ этомъ отношеніи какъ бы одного гигантскаго коллективнаго работника. Особенно это очевидно въ современномъ обществѣ съ высокими производительными силами и широкимъ раздѣленіемъ труда, благодаря которому ни одна отрасль промышленности не можетъ нормально функціонировать безъ всѣхъ остальныхъ и каждый продуктъ есть созданіе всѣхъ отраслей промышленности, всѣхъ производителей. Поэтому въ современномъ обществѣ больше, чѣмъ когда бы то ни было, всякій продуктъ принадлежитъ коллективному работнику, т. е. обществу. Отсюда коммунистическій принципъ: все принадлежитъ всѣмъ.

III.

Со времени распаденія первобытныхъ коммунъ, благодаря прямому насилію побѣдителей въ борьбѣ коммунъ между со-

бою надъ дѣйствительными членами сотрудничества, т. е. надъ людьми непосредственно, лично борющимся съ природою, осѣла группа, овлавдѣвшая средствами труда, освободившая себя отъ производительной работы и взявшая на себя привиллегію организаціи труда. Съ тѣхъ поръ общество распалось и распадается до сихъ поръ на два класса: организаторовъ и производителей, имущихъ и неимущихъ.

IV.

Для охраны своихъ привиллегій имущій классъ нуждается въ опредѣленной прочной формѣ имущественныхъ отношеній, т. е. ему нужно сохранить ту форму собственности, при которой онъ распоряжается средствами и продуктами производства. Отсюда необходимость Закона, Суда, Полиціи, Арміи, необходимость Государства.

V.

Будущее общество, въ которомъ все принадлежитъ всѣмъ, не нуждается въ государственной власти, ибо только частная собственность нуждается въ частной охранѣ со стороны власти, охраной общественной собственности является все общество, т. е. никто. Общественная собственность, являясь въ сущности уничтоженіемъ всякой собственности, есть также уничтоженіе всякой власти. Отсюда анархистскій принципъ отрицанія Государства, отрицанія всякаго авторитета.

VI.

Общество, въ которомъ уничтожено всякое противорѣчіе интересовъ между имущими и неимущими, господами и подчиненными, правительствомъ и подданными этимъ самымъ должно неизбѣжно уничтожить и основу всѣхъ этихъ противорѣчій—противорѣчіе между оффиціально признаннымъ властнымъ организаторомъ и рабочимъ, между умственнымъ трудомъ и физическимъ, между интеллигенціей и рабочимъ классомъ. Этимъ личности открывается доступъ ко всякой работѣ, и отнынѣ

вся дѣятельность личности освобождается отъ всякихъ внѣшнихъ мотивовъ и становится свободнымъ проявленіемъ внутренняго міра человѣка. Отсюда, анархизмъ рядомъ съ отрицательнымъ требованіемъ уничтоженія всѣхъ формъ власти, выставляетъ положительный принципъ: полную автономію личности.

VII.

Новое свободное общество не можетъ быть создано ни стихійнымъ развитіемъ самихъ экономическихъ отношеній, ни дѣятельностью законодательства, ибо никакія перемѣны въ производительныхъ силахъ не мѣняютъ базы современнаго производства—частной собственности, а всякая законодательная дѣятельность также всегда вращается и не можетъ не вращаться въ юридическихъ рамкахъ этой самой основы. Переходъ къ новому строю общественной жизни немыслимъ безъ всеобщей стачки и насильственной соціальной революціи. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

VIII.

Ни одно общество не можетъ исчезнуть, пока въ рамкахъ стараго строя жизни не подготовлены элементы новаго. Такъ какъ общество есть главнымъ образомъ организація производства, то для разрушенія стараго общества, старой организаціи производителей необходимо предварительно подготовить въ нѣдрахъ умирающаго міра новую организацію производства при новыхъ общественныхъ отношеніяхъ, при новой формѣ собственности.

IX.

Зародышемъ будущей свободной Всемірной Рабочей Ассоціаціи въ современномъ капиталистическимъ обществѣ являются профессіональные союзы рабочихъ. Сама логика борьбы даже за ближайшіе экономическіе интересы толкаетъ рабочихъ

на путь борьбы все болѣе революціонной, заставляетъ отказаться отъ утопическихъ мѣщанскихъ надеждъ, связанныхъ съ артелями, кассами взаимопомощи, мирными легальными союзами, контрактами съ хозяевами, третейскими судами, законодательской охраной труда и прочими остатками буржуазнаго либерализма и соціальдемократизма. Профессіональные союзы во всѣхъ передовыхъ странахъ постепенно становятся на путь непосредственной, прямой борьбы съ капиталомъ и государствомъ посредствомъ стачекъ, бойкота, саботажа и террора, начинаютъ все больше вмѣшиваться въ руководство промышленностью, объединяются между собою по городамъ въ такъ называемыя Биржи Труда и по всей странѣ во всеобщіе союзы работниковъ. Эти союзы и ставятъ себѣ ближайшей цѣлью овладѣть средствами и продуктами производства и организовать производство на новыхъ началахъ, какъ только побѣдоносная революція сдѣлаетъ рабочій классъ господиномъ страны.

X.

Ни одно государство не можетъ позволить открыто и въ рамкахъ закона организоваться явно революціонной, общественной силѣ. Поэтому революціонные анархистскіе профессіональные союзы, которые стремится создать синдикальный анархизмъ, могутъ и должны быть только явно противозаконными и тайными. Русскій синдикальный анархизмъ создаетъ въ Россіи тайный анархистскій Революціонный Всероссійскій Союзъ Труда.

XI.

Рядомъ съ творческой работой по созиданію революціонныхъ рабочихъ сандикатовъ—этихъ маленькихъ ячеекъ будущаго свободнаго рабочаго общества,—рядомъ съ участіемъ въ прямой революціонной борьбѣ рабочихъ съ капиталомъ, русскіе анархисты должны вести безпрерывную революціонную борьбу съ государствомъ, наносить ему безпревывно жестокіе удары, ослаблять и разрушать его. Эта разрушительная рабо-

та состоитъ въ террористическихъ нападеніяхъ на представителей власти, капитала и церкви, въ отказѣ отъ податей, въ отказѣ отъ воинской службы, въ бойкотѣ всѣхъ государственныхъ учрежденій, въ крупныхъ насильственныхъ экспропріаціяхъ казначействъ, государственныхъ банковъ и т. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Предисловіе		3
I.	Научный соціализмъ	6
II.	Два слова о производительныхъ силахъ	10
III.	Бунтовской духъ и сознаніе	16
IV.	Въ защиту свободы	21
V.	Авторитетъ	29
VI.	Коллективизмъ и коммунизмъ	37
VII.	Преступленіе и наказаніе	49
VIII.	О самодержавіи народа	52
IX.	Государство и собственность	62
X.	Чѣмъ они хотятъ казаться и что они на дѣлѣ	67
XI.	Либерализмъ, соціализмъ и анархизмъ	90
XII.	Классовый характеръ соціальдемократіи	105
XIII.	Захватъ власти	115
XIV.	Двѣ диктатуры	125
XV.	Реформы, парламентаризмъ и самодѣятельность	134
XVI.	Трэдъ-юніонизмъ, соціальдемократизмъ и революціонный синдикализмъ	146
XVII.	Объ экспропріаціи	157
XVIII.	Анархизмъ, организація и партія	167
XIX.	Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма	174
XX.	Что дальше?	185
XXI.	Проэктъ Программы Синдикальнаго Анархизма	193

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Цѣна 75 коп.